

Annotation

- [Густав Эмар](#)
  - [ГЛАВА I. Фериа-де-Плата](#)
  - [ГЛАВА II. Дон Сильва де Торрес](#)
  - [ГЛАВА III. Два старых знакомых читателя](#)
  - [ГЛАВА IV. Граф Максим Гаэтан де Лорайль](#)
  - [ГЛАВА V. Дофиеры](#)
  - [ГЛАВА VI. Через окно](#)
  - [ГЛАВА VII. Дуэль](#)
  - [ГЛАВА VIII. Отъезд](#)
  - [ГЛАВА IX. Свидание в пустыне](#)
  - [ГЛАВА X. Перед нападением](#)
  - [ГЛАВА XI. Мексиканская луна](#)
  - [ГЛАВА XII. Женская хитрость](#)
  - [ГЛАВА XIII. Ночной поход](#)
  - [ГЛАВА XIV. Индейская хитрость](#)
  - [ГЛАВА XV. Нашла коса на камень](#)
  - [ГЛАВА XVI. Каса-Гранде Моктесумы](#)
  - [ГЛАВА XVII. Кукарес](#)
  - [ГЛАВА XVIII. Несколько шагов назад](#)
  - [ГЛАВА XIX. В прериях](#)
  - [ГЛАВА XX. Выступление в поход](#)
  - [ГЛАВА XXI. Признание](#)
  - [ГЛАВА XXII. По следам французов](#)
  - [ГЛАВА XXIII. Апачи](#)
  - [ГЛАВА XXIV. Лесные охотники](#)
  - [ГЛАВА XXV. Агуэгуэльт](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Густав Эмар
Флибустьеры

ГЛАВА I. Фериа-де-Плата

Далекие берега Америки с самых первых дней после ее открытия стали служить местом, где находили себе убежище всякого рода авантюристы, куда стекались искатели приключений. Их безрассудная смелость не мирилась с узким, вполне установившимся укладом старой европейской жизни и стремилась проявить себя на просторе.

Одни искали в Новом Свете свободы совести, права молиться Господу так, как им казалось наиболее пристойным. Другие спешили переменить свои шпаги защитников родины на кинжалы разбойников и избивали целые туземные племена, грабя их золото и присваивая себе их добро. Были и такие неукротимые натуры, которые не знали предела своим страстям, не хотели признавать над собой никаких законов и под свободой разумели безграничную распущенность и своеволие. Они почти с самого своего появления образовали ужасное общество береговых братьев, которое заставляло иногда Испанию трепетать за свои американские владения и с которым не гнушался вступать в переговоры сам король-солнце Людовик XIV.

Потомки этих удивительных людей существуют в Америке и по сей день. Когда внезапная революционная вспышка после недолгой борьбы низвергает загадочные личности, которые по воле случая возвысились, то их инстинктивно притягивает к наследникам знаменитых авантюристов в надежде, что и им также удастся повторить безумные дела их предков.

За время моего пребывания в Америке мне случилось быть свидетелем одной из тех смелых выходов, которые задумываются и приводятся в исполнение этими людьми. То, о чем я хочу рассказать, произвело большую сенсацию, в течение нескольких месяцев служило предметом обсуждения в прессе и возбуждало интерес и даже симпатии к смельчакам. Мы с абсолютной точностью будем описывать исторические факты, но, по весьма понятным причинам, изменим собственные имена.

Несколько десятков лет тому назад открытие богатейших золотых россыпей в Калифорнии пробудило дремавшую любовь к приключениям, подхлестываемую надеждой на быстрое обогащение, и не одна тысяча молодых, образованных людей, покинув семьи и родину, устремилась в новую землю обетованную, где многих ждали полное разорение и смерть после долгих страданий, несбывшихся надежд и бесчисленных лишений.

Длинен путь из Европы в Калифорнию. Многие останавливались на

полпути в Вальпарайсо, в Кальяо, в Масатлане или Сан-Бласе, но большая часть все-таки достигала Сан-Франциско.

Опустим подробности всех тех обманов и притеснений со стороны всяких проходимцев, которым с первых же шагов подвергались в этой стране несчастные эмигранты, вообразившие, сидя у себя на родине, что здесь им стоит только нагнуться, чтобы полными руками загребать золото. Пусть читатель последует за нами и представит себе Гуаймас спустя полгода с момента открытия золотых россыпей.

В «Арканзасских трапперах» мы уже имели случай описывать Сонору, но так как действие настоящего рассказа будет всецело происходить в этой глухой, отдаленной провинции мексиканской республики, то мы опишем ее здесь немного подробнее.

Мексика, бесспорно, одна из самых чудных стран во всем мире. В ней соединены все климаты. Пространство, занимаемое ею, и до сих пор огромно, но население чрезвычайно невелико. Оно на две трети состоит из индейских племен.

Мексиканские Соединенные Штаты заключали в себе в то время федеральный округ Мехико, двадцать один штат и три территории, или провинции, не имевшие самостоятельного управления.

Не будем говорить здесь о правительстве или, лучше сказать, об образе правления этой чудной и несчастной страны, так как в описываемую эпоху она не выходила из состояния анархии. Мексика считалась федеративной республикой, союзом отдельных самоуправляющихся провинций, но единственной властью, которая признавалась в ней, была шпага.

Первым из семи штатов, расположенных на берегу Тихого океана, была Сонора. Она тянется с севера на юг от реки Рио-Хила до реки Рио-Майо. На востоке она отделяется хребтом Сьерра-Верде от штата Чиуауа, на западе она спускается в Калифорнийский залив, или Кортесово море, как еще недавно оно обозначалось на испанских географических картах.

Штат Сонора — самый богатый из мексиканских штатов, так как в нем добывалось больше всего золота. К несчастью, а быть может, и к счастью, смотря как глядеть на дело, по Соноре бродят бесчисленные индейские шайки, с которыми жители вынуждены вести неустанную борьбу. Эта бесконечная борьба и постоянное напряжение выработали презрение к жизни, привычку проливать кровь человеческую по любому поводу и придали характеру обитателей решительность, смелость, неукротимую отвагу и благородство, которое отличает их от всех других граждан республики и позволяет с первого же взгляда узнавать их повсюду.

Несмотря на обширную территорию и длинную береговую линию,

Мексика имеет только два порта на Тихом океане: Гуаймас и Акапулько. Остальные — не более как открытые рейды, в которых суда не могут найти себе убежища, особенно, когда ужасный кордонасо неудержимо дует с юго-запада и, кажется, хочет до самого дна возмутить Калифорнийский залив.

Познакомимся ближе с Гуаймасом.

В эпоху, к которой относится наш рассказ, он едва возник несколько лет тому назад в устье реки Сан-Хосе, но ему улыбалась счастливая перспектива сделаться одним из главных портов Тихого океана.

В военном отношении Гуаймас расположен прекрасно. Как во всех городах испанской Америки, дома в Гуаймасае были тогда низки, выкрашены в белый цвет, с плоскими крышами. Только цитадель на вершине скалы выделялась своим желтоватым цветом, гармонировавшим с цветом морского прибрежного песка. За городом поднимались крутые изъеденные глубокими водомоинами склоны гор, вершины которых уходили в облака.

Надо признаться, однако, что в то время, с которого начинается наш рассказ, несмотря на горделивое название портового города, Гуаймас имел вид жалкой деревни, в нем не было ни церкви, ни гостиницы, хотя нельзя того же сказать о питейных заведениях, которых, напротив, было слишком много.

Дух, царящий в общественной жизни Соноры, не представлял ничего отрадного. Чувствовалось, что, несмотря на все усилия европейцев оживить, внести новую, свежую струю в жизнь населения, долгая тирания испанцев, в течение трех веков тяготевшая над ним, если и не окончательно сделала его неспособным к тому, что мы называем общественной инициативой, то надолго деморализовала его и заглушила всякое проявление стремления к развитию. Это настроение отразилось и на Гуаймасае.

В тот день, когда начинается наш рассказ, около двух часов пополудни, Гуаймас, несмотря на жгучие, почти отвесно падавшие лучи солнца, загонявшие в это время всех его обитателей в низенькие домики, где они мирно предавались сну, был необычно оживлен. Иностранец, случайно попавший в этот момент в толпу, мог бы подумать, что ему довелось быть свидетелем одного из пронунсиаментос, которые ежегодно терзают эту несчастную страну и которыми новые правители возвещают, что им удалось вырвать власть или даже только малую толику власти у своих предшественников, с тем, конечно, чтобы вскоре уступить ее новым соперникам.

Между тем никакого пронунсиаменто не появлялось.

Местная власть, представляемая генералом Сан-Бенито, губернатором Гуаймаса, была довольна, по-видимому, нынешним правительством.

Контрабандисты, леперос ¹ и индейцы племени яки продолжали наслаждаться полным спокойствием, никто не трогал их, и им предоставлялось спокойно заниматься их ремеслом, так что и они не имели повода быть недовольными правительством.

Откуда же происходило оживление, царившее в городе? Какая причина подняла на ноги все это ленивое население и заставила его забыть о послеобеденной сиесте?

Уже три дня, как город охватила золотая лихорадка.

Губернатор, уступая просьбам наиболее знатных торговцев, назначил пятидневную ферию-де-плата, буквально — серебряную ярмарку.

Игра в банк, содержащая знатными горожанами, была открыта для народа в самых известных домах.

Но что особенно было оригинальным и что едва ли возможно было встретить где-либо в другом месте, это то, что игра шла также на улицах и площадях. Всюду под открытым небом были расставлены столы, по которым струилось золото, и каждый, обладающий реалом ², без различия положения в обществе и цвета кожи, имел право попытать свое счастье у любого стола.

В общественной жизни Мексики в то время царил один закон, быть может, нашедший оправдание в ее истории. Граждане этой страны мало интересовались прошлым своей родины и с удовольствием стерли бы самую память о нем. Они с лихорадочной поспешностью стремились взять все, что могла им дать настоящая минута. Так живут все нации, которые чувствуют свое близкое исчезновение.

Мексиканцем правят два вождения: любовь к азартному риску и женщинам. Мы именно говорим — вождения, так как чувства эти нельзя назвать страстью. Страсти толкают человека на необычайные дела, овладевают его волей, ломают душевное равновесие. Ничего подобного не встречается у жителя Мексики.

Вот почему вокруг игорных столов, несмотря на духоту и зной, царило чрезвычайное оживление. Несмотря на это, все совершалось в полном спокойствии и порядке, хотя на улицах не видно было ни одного представителя власти.

Почти на середине Калле-де-ла-Мерсед, одной из наиболее широких улиц Гуаймаса, перед красивым домом стоял стол, покрытый зеленым сукном и отягченный горами золота. У стола стоял человек лет тридцати,

стройный, с хитрым выражением на лице. Он потрескивал в руках колодой карт и с лукавой улыбкой на губах заманчиво приглашал многочисленных зрителей попытать счастья.

— Ну же, благородные кабальерос, — говорил он вкрадчивым голосом, масляными глазами обводя толпу завертывавшихся в лохмотья «кабальерос», надменно и бесстрастно глядевших на него своими черными глазами, — ведь не могу же я выигрывать вечно, счастье непостоянно. О, я слишком хорошо знаю это! — и он с грустью и словно в раздумье покачал головой. — Ну, ставлю сто унций ³, идет? — как бы в приливе решимости воскликнул он наконец. — Кто держит? Была не была!

Он умолк.

Никто не отвечал.

Нисколько не обескураженный этим, банкومت пересыпал с руки на руку пригоршню золотых монет в расчете, что против их горячего блеска не устоит и самая твердая воля.

— Это хорошенькая сумма, сто унций, кабальерос, с ними даже тот, кто не красивее черта, может смирить самую гордую красавицу. Ну-ка, кто держит?

— Ба-а! — сказал только что подошедший леперо, строя презрительную мину. — Великая вещь сто унций! Если бы вы не обыграли меня до последнего гроша, Тио-Лукас, я бы поддержал их, да.

— Я сам был просто в отчаянии, сеньор Кукарес, — отвечал, разводя руками и наклоняя голову, банкومت, — правда, счастье в тот раз совсем не благоприятствовало вам. Но я был бы счастлив, если бы вы не отказались взять у меня одну унцию.

— Вы шутите, — гордо выпрямляясь, отвечал леперо. — Сеньор Тио-Лукас, оставьте у себя свое золото и не заботьтесь обо мне. Когда мне понадобятся деньги, я сумею достать столько, сколько мне нужно. Однако, — добавил он с самой изысканной вежливостью, — я, тем не менее, считаю своим долгом поблагодарить вас за ваше щедрое предложение.

И с этими словами он протянул банкиру через стол руку, которую тот пожал самым любезным образом.

Леперо воспользовался этим моментом, чтобы схватить свободной рукой столбик золотых монет унций в двадцать, стоявший к нему ближе всего.

По лицу Тио-Лукаса пробежала гримаса, но он притворился, что ничего не видал.

После этого обмена взаимными любезностями на минуту воцарилось

молчание.

Окружавшие зрители не пропустили ничего из того, что произошло перед их глазами. Любопытство их разгорелось; они ждали, чем все это кончится.

Кукарес первый нарушил это молчание.

— Ах! — воскликнул он, ударив себя по лбу. — Ведь я, Пресвятая Богородица, помилуй нас, совсем потерял голову!

— Как это так, кабальеро? — спросил несколько смущенный Тио-Лукас.

— Да очень просто, — отвечал Кукарес, — я, кажется, только что сказал, что проиграл вам все деньги?

— Да, вы говорили, и эти кабальерос слышали ваши слова, и я также. Вы сказали, что проигрались до последнего гроша, это ваше собственное выражение.

— Помню, помню! Вот это-то и взбесило меня.

— Как так! — воскликнул банкир с деланным изумлением. — Вас бесит то, что я выиграл?

— Вовсе нет! Вовсе нет!

— Так что же?

— Карамба! Меня бесит то, что я ошибся, и у меня осталось еще несколько унций.

— Неужели?

— Вот смотрите.

Леперо порылся у себя в кармане и с самым наивным изумлением вытащил перед глазами банкира только что украденное у него золото. Банкир остался совершенно равнодушен.

— Возможно ли это? — проговорил он.

— Что такое? — спросил леперо, устремляя на него сверкающий взгляд.

— Возможно ли, сеньор Кукарес, что у вас вдруг таким удивительным образом пропала память.

— Ну, это все равно. Она теперь вновь вернулась, и мы можем продолжать игру.

— Отлично, ставлю сто унций. Вы согласны?

— Нет, не согласен, у меня нет такой суммы.

— Поищите, может быть, найдете.

— Это бесполезно, я знаю, что у меня ее нет.

— Очень досадно.

— Почему?

— Потому что я дал себе слово никогда не ставить меньше.

— Так что вы не желаете держать двадцать унций?

— Не могу, у меня все пропадает по двадцать унций, как только я их поставлю.

— Гм! — отвечал леперо. — В ваших словах, сеньор Тио-Лукас, заключается скрытый намек на что-то!

Банкир не успел ответить. У стола остановился человек лет тридцати на великолепной вороной лошади. Некоторое время он стоял молча, небрежно куря пахитоску и слушая, чем кончится разговор банкира и леперо.

— Ну, идет на сто унций! — вдруг вскрикнул он и грудью своего коня проложил себе дорогу к самому столу, на который бросил полный золота кошелек.

И банкир и леперо сразу подняли головы.

— Вот карты, кабальеро, — поспешно заговорил банкир, обрадовавшись случаю, который избавлял его от небезопасного собеседника.

Кукарес поднял плечи и с презрением поглядел на вновь пришедшего.

— О! — проговорил он вполголоса. — Тигреро. Уж не к Аните ли он приехал? Я узнаю.

И он тихо стал приближаться к всаднику и вскоре очутился возле него.

Загорелое лицо всадника было полно сознания собственного достоинства и превосходства над окружающими. Взгляд, казалось, обладал чарующей силой, но общее выражение было открытое и решительное.

Весь его необычайно богатый костюм сверкал золотом и бриллиантами.

На голове его красовалась сидевшая немного набок мягкая фетровая шляпа с широкими, красиво изогнутыми полями, обшитыми тонким золотым шнуром. Короткий кафтан из синего сукна, покрытый серебряным шитьем, был распахнут и открывал нежной белизны рубашку, ворот которой стягивал шелковый галстук, захваченный золотым кольцом с крупными бриллиантами. Он был подпоясан широким красным шелковым поясом, по лампасам его панталон блестели толстые золотые шнуры с бахромой, ниже у колен они были застегнуты на несколько бриллиантовых пуговиц. На ногах у него были вышитые золотом мексиканские сапоги из мягкого желтого сафьяна, на плечо был живописно закинут голубой шитый золотом плащ.

Конь вполне подходил своему всаднику. Это был красивый нервный мустанг с небольшой, словно выточенной головкой, умными горячими

глазами, тонкими трепещущими ноздрями и тонкими ногами. Нечего и говорить, что уздечка и седло отличались такой роскошью и изяществом украшений, о которых в Европе не имеют и понятия.

Любимец своего хозяина, конь был выхолен и чувствовал это.

Как все мексиканцы высшего класса во время своих путешествий, незнакомец был вооружен с головы до ног. К седлу было привязано лассо, из-за плеча выглядывал карабин, за поясом заткнута пара пистолетов, в стремя упиралась длинная пика, а из-за узкого голенища сапога торчала рукоятка длинного ножа. Это был тип богатого мексиканца из Соноры.

Изысканным движением наклонившись к Тио-Лукасу, он взял протягиваемые ему карты и начал перебирать и рассматривать их. Но тут взор его упал на протиснувшегося к нему леперо.

— А! Ты здесь, земляк? — покровительственно обратился он к нему.

— К вашим услугам, дон Марсиаль, — отвечал леперо и прикоснулся рукой к обтрепанным полям своей шляпы.

Незнакомец улыбнулся.

— Будь так добр, пометай за меня карты, а я закурю.

— С удовольствием.

И леперо радостно бросился вперед.

Тигреро, или дон Марсиаль (как будет угодно читателю называть его) вынул из кармана огниво в золотой оправе и начал спокойно высекать огонь, в то время как леперо метал карты.

— Сеньор, — проговорил он наконец жалобным голосом.

— Что такое?

— Вы проиграли.

— Ну, так что же. Тио-Лукас, возьмите сто унций в моем кошельке.

— Я уже взял, ваша светлость, — сказал банкир. — Не угодно ли вам поддержать еще?

— Конечно! Но только не на такие пустяки, разумеется. Я люблю, чтобы игра была хоть сколько-нибудь интересна.

— Я держу, сколько вашей светлости будет угодно поставить, — отвечал банкир, острый взгляд которого успел уже заметить в кошельке незнакомца среди обильного количества унций золота с полсотни бриллиантов самой чистой воды.

— Гм! А в силах ли вы держать то, что я могу поставить?

— Да, без сомнения.

Незнакомец пристально посмотрел на него.

— Даже если я поставлю тысячу унций?

— Я держу вдвое, если ваша светлость рискнет поставить их, —

невозмутимо ответил банкир.

Презрительная улыбка вновь появилась на надменных губах всадника.

— Я-то всегда рискну, — ответил он.

— Итак, две тысячи унций?

— Согласен.

— Мне метать? — робко спросил Кукарес.

— Отчего же нет, мечи!

Леперо дрожащей от волнения рукой взял колоду.

Среди окружавших стол зрителей наметилось оживление, все впились в карты.

В эту минуту в доме, против которого установил свой игорный стол Тио-Лукас, отворилась дверь на балкон, и из нее вышла девушка чудной красоты, небрежно оперлась на балюстраду и стала рассеянно смотреть на улицу.

Дон Марсиаль обернулся к балкону и приподнялся в стремениах. Лицо его осветилось радостью, глаза заблестели, он снял шляпу, почтительно поклонился и крикнул через улицу:

— Привет вам, донья Анита!

Молодая девушка покраснела, бросила на него жгучий взгляд из-под черных бархатных ресниц, но не произнесла ни слова.

— Сеньор, вы проиграли, — не будучи в состоянии скрыть своей радости, воскликнул Тио-Лукас.

— Ну и отлично, — ответил дон Марсиаль, даже не взглянув на него, словно очарованный чудной девушкой на балконе.

— Вы не играете больше?

— Напротив, я удваиваю ставку.

— Ага! — мог только проговорить банкир, отступив на шаг при таком предложении.

— Впрочем, я ошибся. Я не то хотел предложить вам.

— А что же, сеньор?

— Сколько у вас там на столе? — спросил он с презрительным жестом.

— На столе... ну... около семи тысяч унций.

— Только-то? Ну, это немного.

Присутствующие с недоумением и ужасом взирали на чудного незнакомца, который швырял унциями и бриллиантами, как другие грошами.

Девушка побледнела и бросила на молодого человека беспокойный взгляд, полный мольбы.

— Не играйте, перестаньте! — крикнула она дрожащим голосом.

— Благодарю вас, благодарю, сеньорита, но ваши чудные глаза должны принести мне счастье. Я отдал бы все золото, которое лежит тут на столе, за тот цветок, который вы держите в руках и к которому вы прикасаетесь губами.

— Не играйте, дон Марсиаль, — повторила молодая девушка, и с этими словами она ушла в комнату и затворила дверь.

Случайно или нарочно, но из руки ее выпал чудный цветок. Дон Марсиаль пришпорил лошадь, подхватил его на лету и спрятал у себя на груди, страстно прижав несколько раз к губам.

— Кукарес, — обратился он к леперо, — открой карту.

Кукарес повиновался.

— Шестерка червей, — проговорил он.

— Ага! — воскликнул дон Марсиаль. — Клянусь всем, что есть святого, мы должны выиграть: это масть сердца, масть любви. Тио-Лукас, я ставлю на эту карту сумму, равную той, которая лежит сейчас у вас на столе.

Банкир побледнел, колебался несколько мгновений, окружающие уставили в него свои жадные взоры.

— Ба-а! — проговорил он через минуту. — Невозможно, чтобы он выиграл. — И затем громко прибавил: — Хорошо, сеньор, я принимаю.

— Сосчитайте, сколько у вас есть.

— Не стоит, сеньор. Здесь девять тысяч четыреста пятьдесят унций золота ⁴.

Услышав такую чудовищную цифру, окружающие вскрикнули от изумления, алчные взгляды загорелись.

— А я думал, что вы богаче, — иронически заметил загадочный всадник. — Ну ладно, идет, играем на девять тысяч четыреста пятьдесят унций.

— На этот раз метать будете вы, сеньор?

— Нет, для меня не существует сомнения, вы должны проиграть. Но я, Тио-Лукас, хочу показать вам, что я выиграл вполне законно. Поэтому доставьте мне удовольствие, потрудитесь метать сами. Вы сами, таким образом, поможете себе разориться, — ядовито добавил он, — и вам не на кого будет пенять.

Окружающие дрожали от охватившего их волнения, они хлопали в ладоши, кривлялись, хохотали, спокойствие и самообладание незнакомца нравились им чрезвычайно. Толпа, привлеченная необыкновенной игрой, к этому времени увеличилась настолько, что запрудила всю улицу, и движение прекратилось.

Наконец воцарилось гробовое молчание, все с глубоким вниманием стали следить за счастливым или несчастным исходом этой беспримерной для того времени ставки.

Банкомет отер пот со своего багрового лба и дрожащей рукой взял первую карту. Несколько секунд он вертел ее между пальцами и заметно колебался.

— Да кладите же, — нетерпеливо воскликнул наконец Кукарес.

Тио-Лукас машинально опустил карту и отвернулся.

— Шестерка червей! — как безумный, высоким фальцетом закричал леперо.

Банкир испустил глубокий полный отчаяния стон.

— Я разорен, я нищий, — бормотал он.

— Я знаю это, — ответил всадник все так же невозмутимо. — Кукарес, отнеси этот стол и золото, что на нем, донье Аните. Я тебя буду ждать, ты знаешь где.

Леперо почтительно поклонился и с помощью четырех здоровых молодцов внес стол в дом доньи Аниты. Дон Марсиаль в это время уже мчался во весь опор в конце улицы. Тио-Лукас, очнувшись от тяжелого удара, с философским спокойствием крутил сигаретку и только повторял многочисленным любопытным, окружившим его и изо всех сил стремившимся утешить его:

— Да, я проиграл, это правда, но я проиграл на диво хорошему игроку и славным путем. Эх, дайте срок, и я верну все.

Затем, когда сигаретка была свернута, бедный разорившийся банкомет закурил ее и отошел спокойным шагом.

Толпу ничего больше не привлекало, и мало-помалу она разошлась.

ГЛАВА II. Дон Сильва де Торрес

Гуаймас в описываемое время был городом совершенно новым. Он разрастался не по дням, а по часам, так как в него хлынул бурный поток переселенцев. Он выстраивался неправильными переулками, кривыми, без всякого плана, довольно скучными и монотонными. Надо заметить, что кроме нескольких зданий, вполне заслуживающих названия благоустроенных городских жилищ, все остальное представляло беспорядочные скопления мазанок самого жалкого вида и бесконечно грязных.

На Калле-де-ла-Мерсед, главной, а вернее, единственной улице города, стоял одноэтажный дом с террасой, с плоской крышей, украшенный по фасаду четырьмя колоннами. Он был оштукатурен и блестел на солнце ослепительной белизной.

Хозяин этого дома был одним из богатейших золотопромышленников Соноры, у него было до двенадцати разрабатывавшихся рудников. Кроме того, он занимался скотоводством на нескольких принадлежащих ему асиендах, каждая из которых была не меньше средней величины французского департамента.

Я уверен, что, если бы в один прекрасный день дон Сильва де Торрес пожелал продать все, у него оказалась бы не одна сотня миллионов, даже при не слишком высокой оценке его недвижимости.

Дон Сильва де Торрес всего лишь несколько месяцев тому назад поселился в Гуаймаса, куда он заглядывал прежде весьма редко и на очень короткое время.

На этот раз он явился не один, а со своей дочерью Анитой. Все население Гуаймаса было заинтересовано необычным образом жизни приезжего асиендадо, и ни один из горожан не мог пройти мимо его дома, не уставившись на него жадно-любопытным взглядом, как будто желая проникнуть сквозь стену и посмотреть, что там делается.

Замкнувшись в своем жилище, двери которого открывались только перед несколькими избранными, дон Сильва решительно не заботился о распускаемых о нем сплетнях. По-видимому, он был занят приведением в исполнение каких-то планов и из-за них перестал интересоваться чем-либо в мире.

Очень богатые мексиканцы, хотя и любят хвастаться своими богатствами, не имеют, однако, никакого понятия о комфорте в

европейском смысле этого слова, они очень неряшливы. В своих вкусах они проявляют крайнюю грубость и эстетическое убожество.

Эти люди за всю свою жизнь так привыкают к суровому существованию в американских девственных лесах и прериях, проводя его в непрестанной борьбе с непостоянными, зачастую смертоносными климатическими условиями и ни на минуту не дающими успокоиться индейскими шайками, что в городах они чаще останавливаются на время с единственной целью как можно скорее прожечь только что нажитое золото и алмазы.

Внутреннее убранство жилищ богатых мексиканцев вполне подтверждает нашу мысль. В салоне кроме неизбежного европейского фортепиано, торчащего без нужды в углу, вся меблировка состоит обыкновенно из нескольких бутак — подобия восточных диванов, крайне неудобных, — и столов самой неуклюжей формы. По стенам обыкновенно развешаны раскрашенные гравюры, а сами стены выкрашены известкой.

Жилище дона Сильвы ничем не отличалось от других подобных. Лошади, например, отправляясь на водопой и возвращаясь в конюшню, должны были проходить через гостиную, оставляя в ней весомые следы своего пребывания.

В тот момент, когда мы входим с читателем в дом дона Сильвы де Торреса, в гостиной сидят двое, мужчина и женщина. Они разговаривают между собой, если только можно назвать: разговором редкое перекидывание двумя-тремя словами с долгими паузами.

Это были сам дон Сильва и дочь его Анита.

Скрещением испанской и индейской крови произвело на свет новый, чрезвычайно красивый тип.

Дон Сильва был человек лет пятидесяти, но на вид ему едва можно было бы дать сорок. Он был высок ростом, строен, в его осанке чувствовались самоуверенность, привычка не искать ни в чем помощи и опоры, во всем полагаться на свои силы. Взор его светился умом, черты лица были суровы, но отличались приветливостью. Он носил национальный мексиканский костюм, отличавшийся такой роскошью, какую, конечно, не мог позволить себе ни один из его соотечественников.

Анита полулежала на канапе. Ее полные неги глубокие темные глаза стыдливо оттенялись длинными бархатно-черными ресницами. Легкое простое платье мягкими складками облегалo чудные, едва развившиеся формы ее молодого тела. Полные невыразимой прелести жесты выдавали в ней немного капризного, избалованного ребенка, но чудная улыбка ее коралловых губок была полна нежной ласки. Ей было всего восемнадцать

лет. Горячее мексиканское солнце придало ее коже золотистый оттенок. Вся она, как благоуханный цветок, дышала девичьей чистотой и невинностью.

Как все мексиканки, она носила дома легкое шелковое платье, ребосо¹ почти сползло с ее плеч. В черных с синим отливом густых волосах виднелись небрежно заткнутые жасмины, шиповник, сирень, которые наполняли комнату своим приторным ароматом. И как чудно шел этот аромат к этой редкой красоте девушке! Казалось, он говорил о той страстной, всепоглощающей любви, которую способен был зажечь в сердце юноши один ласковый взгляд ее пугливых, как у лани, черных очей. Анита, по-видимому, усиленно о чем-то думала. Брови ее по временам хмурились, изящная ножка нетерпеливо била о пол.

Дон Сильва также, казалось, чем-то был недоволен. Бросив на дочь суровый взгляд, он поднялся и приблизился к ней.

— Ты делаешь глупости, Анита, — строго обратился он к ней, — так поступать нельзя. Молодая девушка из хорошей, благородной семьи не должна делать того, что ты сделала...

Анита отвечала только многозначительным пожатием плеч. Отец продолжал, делая ударение на каждом слого.

— Особенно из-за твоего положения по отношению к графу де Лорайлю.

Молодая девушка быстро вскочила с канапе, словно ужаленная змеей, и вопрошающим взглядом уставилась на своего отца.

— Я не понимаю вас, — сказала она.

— Ты не понимаешь? Ну, этому я не верю. Разве ты не знаешь, что я торжественно обещал твою руку графу?

— Ну так что же? А если я не люблю его? Неужели вы захотите, чтобы я всю свою жизнь была несчастна?

— Ребосо — шаль, накидка.

— Напротив, я хочу доставить тебе счастье этим браком. Ты у меня одна, Анита, единственная радость и утешение после смерти твоей горячо любимой мною матери. Дитя мое, ты теперь еще в том благодатном возрасте, когда не понимают, в чем состоит счастье и несчастье. Думают, что счастье возможно лишь, когда следуешь минутному влечению сердечного порыва. Ты говоришь, что не любишь графа? Тем лучше, сердце твое, значит, свободно. Со временем, когда ты оценишь чудные качества человека, которого я избрал тебе в мужа, ты не раз помянешь меня добром за то, что я настоял на этом браке, хотя сейчас он так тебя огорчает.

— Но, отец, — живо возразила ему дочь, — ведь вы знаете, что мое сердце принадлежит другому.

— Донья Анита де Торрес, — сурово оборвал ее дон Сильва, — любовь, недостойная нашей семьи, нашего положения, не должна знать даже входа в ваше сердце. По предкам я — Кристиано Вейохо. Если в моих жилах есть несколько капель индейской крови, то тем глубже запечатлел я в сердце своем заветы моих предков. Правда, наш родоначальник Антонио де Сильва, лейтенант Эрнандо Кортеса, вступил в брак с мексиканской принцессой из императорского рода Монтесумы, но все его потомки были чистокровные испанцы.

— Но разве мы не испанцы, отец?

— Увы! Бедное дитя, никто не может сказать, кто мы! Наша несчастная родина, с тех пор как стряхнула с себя испанское иго, бьется, словно раненый человек, в страшных конвульсиях, ее силы истощаются в губительной междоусобной борьбе, которая грозит уничтожить последние следы нашего национального самосознания, доставшегося нам такой дорогой ценой. Эти постыдные распри сделали нас посмешищем в глазах наших соседей, которые давно уже следят за нами, алчно выжидая удобной минуты, чтобы броситься на нас и обогатиться за счет нашего падения.

— Но отец, я девушка, я ничего не понимаю в политике. И ничего не имею общего с североамериканцами.

— Вот в том-то и дело, дочь моя... Я не хочу, чтобы в один прекрасный день безмерные владения, которые мои предки и я с трудом нажили честным путем, стали бы добычей этих проклятых еретиков. Вот потому-то, чтобы сохранить их, я и решил выдать тебя замуж за графа де Лорайля. Он француз, принадлежит к одной из самых знатных фамилий этой страны. Он красив, отважен, молод, ему всего тридцать лет он принадлежит к благородной нации, которая сумеет повсюду защитить своих сынов. Если ты выйдешь за него замуж, то состояние твое будет в полной безопасности от политических переворотов.

— Но я не люблю его, отец!

— Глупости, дорогое дитя. Не будем говорить об этом. Я забуду о выходке, которую ты позволила себе сейчас, но с условием, что ты забудешь этого Марсиаля.

— Никогда! — вскрикнула она с отчаянием и решимостью.

— Никогда? Ну, это очень долгий срок. Я уверен, ты подумаешь и переменишь это «никогда». Да, наконец, что это за человек, откуда он? Знаешь ли ты это? Его зовут Марсиаль Тигреро. Великий Боже! Какое славное имя! Да, он спас тебе жизнь, остановил твою лошадь на всем скаку, когда она понесла. Ну так что же? Разве из этого следует, что он непременно должен полюбить тебя, а ты его? Я ему предложил за твое

спасение очень хорошую сумму, но он с величайшим презрением отверг ее. Что же делать? Не хочет, так пусть оставит меня в покое, я не желаю иметь с ним никаких дел.

— Я люблю его, отец! — настойчиво продолжала Анита.

— Берегись, Анита, ты выводишь меня из терпения. Довольно об этом, приготовься встретить графа как подобает. Клянусь, что ты будешь его женой, хотя бы мне силой пришлось вести тебя к алтарю.

Асиендадо произнес эти слова с такой решимостью и таким твердым голосом, что молодая девушка поняла: ей лучше сделать вид, что она уступает, и прекратить этот разговор, который только раздражает дону Сильву и не обещает для нее ничего хорошего. Она наклонила голову и замолчала. Отец ее продолжал ходить по гостиной большими шагами с крайне раздраженным видом.

Дверь отворилась, и в ней показалась голова пеона.

— Что тебе нужно? — спросил его, останавливаясь, дон Сильва.

— Сеньор, — отвечал пеон, — какой-то господин хочет что-то сказать сеньорите. За ним четыре человека несут стол, покрытый золотыми монетами.

Асиендадо бросил на свою дочь уничтожающий взгляд, полный в то же время глубочайшего изумления.

Донья Анита в смущении склонила голову.

Дон Сильва с минуту раздумывал, затем лицо его прояснилось.

— Пусть войдут, — сказал он.

Пеон удалился и через две минуты вернулся. За ним шел уже знакомый нам Кукарес, закутанный в свой залатанный сарапе ⁵, в сопровождении четырех молодцов, несущих стол.

Войдя в комнату, Кукарес снял шляпу, почтительно поклонился асиендадо и его дочери и жестом приказал следовавшим за ним леперос поставить стол посреди комнаты.

— Сеньорита, — начал он самым изысканным тоном, — сеньор дон Марсиаль, верный данному слову, почтительнейше просит вас принять это золото, выигранное им на счастье ваше, как свидетельство своего глубочайшего почтения и восхищения.

— Негодяй! — закричал дон Сильва в страшном гневе, делая к нему шаг. — Знаешь ли ты, с кем говоришь?

— С доньей Анитой и ее глубокоуважаемым отцом, — невозмутимо продолжал Кукарес, величественно задрапировываясь в свои лохмотья. — Разве я сделал что-либо недостойное вас или вашей дочери?

— Сейчас же убирайся отсюда и заberi с собой это золото. Моя дочь

вовсе не нуждается в нем.

— Извините меня, сеньор, но дон Марсиаль приказал мне принести это золото сюда, и с вашего позволения я оставляю его здесь. Дон Марсиаль не простит мне, если я сделаю иначе.

— Я не знаю дона Марсиаля, как ты называешь сейчас того, кто послал тебя, и не хочу иметь с ним никаких дел.

— Все это так, сеньор, но это меня не касается. Нет сомнения, что вы познакомитесь с доном Марсиалем и объяснитесь с ним. Что же до меня, то я исполнил свое поручение и могу теперь удалиться, вновь засвидетельствовав вам свое глубочайшее почтение.

И вновь поклонившись хозяину и его дочери, леперо с достоинством вышел в сопровождении четырех товарищей.

— Вот видишь, — в раздражении закричал дон Сильва, — вот видишь, дочь моя, до чего довела твоя глупость. Это оскорбление!

— Оскорбление? Отец мой, — робко отвечала девушка, — я нахожу, что дон Марсиаль поступил как истинный кабальеро. Это доказывает его любовь ко мне. Здесь несметное богатство.

— А-а! — задыхаясь от гнева, проговорил дон Сильва. — Так ты за него! Ну хорошо же, я также поступлю как истинный кабальеро, клянусь всеми святыми, и ты это сейчас увидишь. Ко мне кто-нибудь!

Несколько пеонов вбежали в комнату.

— Откройте окна, — скомандовал дон Сильва.

Слуги повиновались.

Толпа еще не разбрелась. Достаточное количество празднующихся продолжало глазеть на его дом или бродить вокруг.

Дон Сильва высунулся в окно и сделал знак стоявшим против его дома подойти.

Тотчас же вновь стала сходиться толпа, воцарилось молчание. Все ждали, что будет говорить и делать надменный, сторонящийся всех асиендадо.

— Сеньоры кабальеро, друзья мои, — так начал он громким голосом, — человек, которого я вовсе не знаю, осмелился предложить моей дочери золото, которое он выиграл в банк. Донья Анита, как и следовало ожидать, с презрением отвергает подобный подарок, особенно когда он идет от какого-то неизвестного, с которым она не желает иметь дела. Она просит меня раздать вам это золото, к которому она не желает даже прикоснуться. Она хочет таким образом в вашем присутствии публично выразить то презрение, которое она питает к человеку, осмелившемуся глумиться над ней.

Импровизированная речь асиендадо была покрыта яростными аплодисментами и криками собравшихся под окном леперос. В глазах их засветилась жадность.

Анита чувствовала, что горючие слезы готовы хлынуть из ее глаз. Несмотря на все свои усилия казаться спокойной, она чувствовала, что сердце ее готово разорваться от сознания бессильной досады и горя.

Не обращая никакого внимания на дочь, дон Сильва приказал слугам бросать золото на улицу.

И вот на толпу этих бедняков из окон пролился в буквальном смысле слова золотой дождь. Калле-де-ла-Мерсед немедленно приняла самый необычный вид. Отовсюду сбегались люди, влекомые этой манной нового рода.

Золото все сыпалось. Казалось, что конца ему не будет. Беднота бросалась за ним то в одну сторону, то в другую, как степные шакалы бросаются за добычей. Сильные давили слабых.

В самый разгар этой свалки на улице показался скакавший во весь опор всадник.

Он, очевидно, был смущен представившейся его глазам сценой и на минуту остановился, затем дал шпоры своему коню и, щедро оделяя ударами хлыста направо и налево, пробил себе дорогу через бившуюся, загородившую всю улицу толпу к дому асиендадо, в который он и вошел.

— А вот и граф де Лорайль, — лаконично обратился к своей дочери дон Сильва.

Действительно, минуту спустя граф вошел в гостиную.

— А! Вот что! — воскликнул он, остановившись на пороге. — Что же это значит, дон Сильва? Право, я не понимаю, что за мысль развлекаться швырянием в окно миллионов на потеху леперос и прочему сброду.

— Это вы, дорогой граф? — спокойно проговорил асиендадо. — Милости просим, я к вашим услугам, еще несколько горстей — и все.

— Я в вашем распоряжении, — смеясь, ответил граф. — Признаюсь, это очень оригинально. — Затем он подошел к молодой девушке и приветствовал ее с самой изысканной вежливостью: — Сеньорита, не будете ли вы столь добры, не разрешите ли вы эту загадку, которая меня чрезвычайно интересуется?

— Спросите у моего отца, сеньор, — отвечала донья Анита с такой сухостью в голосе, что дальнейший разговор стал для графа невозможен.

Тем не менее он сделал вид, что не заметил этого тона. Он с улыбкой поклонился и опустился на диван.

— Ну, я подожду, — небрежно промолвил он, — время терпит.

Асиендадо, говоря своей дочери, что тот, кого он прочил ей в мужа, красив, как бог, нисколько не льстил ему. Графу Максиму Гаэтану де Лорайлю было около тридцати лет. Роста он был немного выше среднего, белокурые волосы говорили о его северном происхождении, черты его лица были приятны, взгляд выразителен. Все в нем говорило о его аристократическом происхождении, и если слова дон Сильвы оказались бы так же справедливы по отношению к моральным качествам графа, как они были справедливы по отношению к его наружности, то мы должны были бы признать, что граф де Лорайль олицетворял собой тип рыцаря без страха и упрека.

Наконец асиендадо разбросал все золото, принесенное Кукаресом, приказал вслед за этим выкинуть на улицу и стол, затем запереть окна. После этого он; потирая руки, подошел и сел рядом с графом.

— Ну вот! — проговорил он радостно. — Теперь я весь к вашим услугам.

— Сначала один вопрос.

— Говорите.

— Простите меня, вы знаете, что я иностранец и в качестве такового желаю ознакомиться со многими вещами.

— Я слушаю.

— С тех пор как я живу в Мексике, я видел множество самых оригинальных обычаев. Я пресыщен совершенно неожиданными явлениями, встречами, случаями, но признаюсь, то, что я видел сейчас, превосходит все виденное мною до сих пор. Так вот, я хотел бы знать, что это, обычай, что ли, которого я еще не знаю?

— Что такое, о чем вы говорите?

— Да о том, что вы делали, когда я вошел, об этом разбрасывании полными пригоршнями золота в виде благодатного дождя на этих бандитов и бродяг всякого рода, которые собрались тут перед вашим домом. Надо сказать, слишком роскошная поливка для такой сорной травы, — вставил, наконец, граф остроу, которой сам же первый и рассмеялся.

Дон Сильва поддержал его.

— Нет, это вовсе не обычай, — отвечал он.

— Вот как! Стало быть, вы позволили себе королевскую забаву расшвыривать на ветер миллионы? Ах! Нужно быть таким Крезом, как вы, чтобы позволять себе подобные забавы.

— Нет, нет, вовсе нет, вы ошибаетесь, дорогой граф.

— Однако я сам видел целый поток золотых.

— Это верно, но то были не мои деньги.

— Вот это здорово! Теперь я уже ничего не понимаю, вы все увеличиваете мое любопытство.

— Я и удовлетворю его сейчас.

— Я весь превращаюсь в слух, так как для меня это не менее увлекательно, чем сказки из «Тысячи и одной ночи».

— Гм! — проговорил асиендадо, тряхнув головой. — Между прочим, вас это касается ближе, чем, быть может, вы предполагаете.

— Неужели?

— А вот сейчас увидите.

Донья Анита глядела на отца умоляющим взглядом, она не знала, что ей делать. Увидев, что отец хочет обо всем рассказать графу, она почувствовала, что будет не в силах сдержаться, поэтому в нерешительности, слегка пошатываясь, поднялась с места.

— Сеньоры кабальеро, — проговорила она слабым голосом, — мне нездоровится. Простите меня, но я вынуждена вас оставить.

— Действительно, донья Анита, — воскликнул граф, бросаясь к ней и подавая руку, чтобы поддержать. — Позвольте мне проводить вас до вашего будуара.

— Благодарю вас, граф, но я в силах сама дойти. Искренне благодарю вас за любезность, но позвольте мне самой...

— Как вам будет угодно, сеньорита, — промолвил граф, в душе задетый этим отказом.

Дон Сильва подумал было заставить ее остаться, но бедная девушка бросила на него такой полный мольбы взгляд, что он почувствовал себя не в силах подвергать ее дальнейшей пытке.

— Ну, ступай, ступай, — проговорил он.

Донья Анита поспешила воспользоваться этим позволением. Она бросилась вон из комнаты и прибежала в свою спальню, где упала в кресло и залилась слезами.

— Что это с доньей Анитой? — с участием спросил граф, когда она вышла.

— А-а, разные мигрени, нервы, и не знаю что еще там, — отвечал асиендадо, пожимая плечами. — Все молодые девушки таковы. Через десять минут все, глядишь, и пройдет.

— Ну, и дай Бог! А то, признаюсь, меня это беспокоит.

— Ну, теперь мы одни, может, вы не хотите, чтобы я объяснил загадку, которая, по-видимому, заинтересовала вас.

— Напротив, объясните, объясните! Со своей стороны, и у меня много важных и интересных новостей.

ГЛАВА III. Два старых знакомых читателя

Приблизительно в пяти милях от города Гуаймаса находится деревушка, или пуэбло, Сан-Хосе-де-Гуаймас, известная вообще под именем Ранчо ⁶.

Это жалкое поселение занимает незначительную площадь, крест-накрест пересекаемую двумя улицами, на которых расположены кое-как слепленные мазанки индейцев племени яки, большое число которых ежегодно отправляется в Гуаймас и нанимается на службу привратниками, плотниками, комиссионерами и так далее, а также заполняет ряды тех искателей приключений без всякого ремесла и профессии, которыми со времени открытия золотых россыпей в Калифорнии кишат берега Тихого океана.

Дорога из Гуаймаса в Сан-Хосе идет по бесплодной песчаной равнине, на которой растут только искалеченные кактусы, представляющиеся ночью одетыми в белое призраками, так как ветви их обильно покрыты пылью.

В тот день, когда начинается наш рассказ, к вечеру, по этой дороге ехал всадник, закутанный до самых глаз в сарапе. Размеренным галопом приближался он к Ранчо.

Небо темно-синего цвета было усеяно звездами; луна, поднявшаяся из-за горизонта, освещала молчаливую равнину и отбрасывала на голую землю длинные тени от фантастических кактусов.

Всадник, стремясь поскорее достичь цели своей поездки и окончить путь, далеко не безопасный в такой поздний час, непрерывно погонял своего коня и голосом, и шпорами. Последний, впрочем, почти не нуждался в таких побуждениях, так как скакал весьма добросовестно.

Всадник уже миновал бесплодную равнину и въезжал в густую заросль перуанских акаций, окружавшую Ранчо, как вдруг его лошадь шарахнулась в сторону, попятилась назад и стала бить всеми четырьмя ногами, заложив уши назад и испуская дикое храпение.

Сухой звук взводимых курков показал, что всадник был предусмотрительно вооружен пистолетами. Приготовив оружие, он стал пристально вглядываться вперед.

— Не бойтесь ничего, кабальеро, только, если это возможно, возьмите немного вправо, — раздался из темноты спокойный, располагающий к доверию голос.

Незнакомец вгляделся и увидел почти под ногами своего коня

человека, который стоял на коленях и держал в руках голову лошади, лежащей поперек дороги.

— Что вы здесь делаете, черт возьми? — спросил его незнакомец.

— Вы видите, я прощаюсь с моим бедным товарищем, — отвечал с глубокой скорбью в голосе стоявший на коленях, — нужно долго прожить в пустыне, чтобы понять, что значит такой друг, как это бедное животное.

— Это правда, — заметил всадник, соскочив на землю. — Он уже издох? — прибавил он.

— Нет, еще нет, но, к сожалению, он уже потерян для меня.

И владелец издыхавшего коня вздохнул.

Первый незнакомец нагнулся к лошади, трясущейся от нервной дрожи, открыл ей глаза и внимательно посмотрел в них.

— С вашей лошастью чемер ², — сказал он решительно через минуту, — дайте, я попытаюсь ее вылечить.

— О, вы думаете, ее можно спасти?

— Надеюсь, — лаконично ответил первый незнакомец.

— Боже мой! Если вы сделаете это, то я до конца дней своих буду вам обязан. Бедный Негро был верным другом во всех моих скитаниях.

Незнакомец смочил виски и ноздри лежавшей лошади водой с ромом. Несколько минут спустя животное как бы очнулось, мутные глаза прояснились, и оно сделало попытку встать.

— Держите ее крепче, — заговорил нежданный ветеринар.

— Ничего, ничего, я держу. Что ты, что ты, моя бедная животина, что ты, мой добрый Негро, мой дружище. Лежи, лежи спокойно, это ведь для тебя же, — заговорил владелец Негро, лаская своего друга.

Умное животное, казалось, понимало, что происходит, оно поворачивало голову к своему хозяину и издавало легкое жалобное ржание.

В это время всадник порылся у своего пояса и вновь наклонился над лошастью.

— Теперь держите ее особенно крепко! — заметил он ее владельцу.

— Что вы хотите делать?

— Я хочу пустить ей кровь.

— Да, да, все правильно, я знал об этом. К несчастью, сам я не решался пустить ему кровь, я боялся, что убью его вместо того, чтобы спасти.

— Вы готовы?

— Да, начинайте.

Животное внезапно сделало конвульсивное движение, почувствовав прикосновение холодной стали, но хозяин сжал его в своих объятиях и

удержал на месте.

Оба человека с минуту с беспокойством смотрели на рану. Кровь не выходила. Наконец в углу раны показалась капля черноватой крови, затем вторая, третья, а потом полилась непрерывная струйка черной, пенистой крови и смочила пересохшую дорожную пыль.

— Лошадь спасена! — воскликнул всадник, отирая свой нож и вкладывая его в ножны.

— Я у вас в долгу и постараюсь отплатить вам, честное слово Весельчака! — с чувством проговорил владелец лошади. — Вы мне оказали услугу, которая не забывается.

И повинувшись порыву сердца, он протянул руку человеку, так кстати появившемуся на его пути. Первый незнакомец ответил на это горячее выражение чувств. Этого было вполне достаточно. Два человека, за минуту до того еще не знавшие друг друга и даже не подозревавшие о существовании один другого, стали друзьями. Их связала одна из тех услуг, которые в Америке не имеют цены.

Тем временем черная кровь мало-помалу перестала течь, струя стала алой и более обильной, прерывистое, хрипящее дыхание лошади сменилось легким и спокойным. Когда первый незнакомец нашел, что спустил крови достаточно, он закрыл ее.

— Ну, что вы думаете делать теперь?

— Право, не знаю, помощь ваша была для меня так драгоценна, что я и впредь не отказался бы воспользоваться вашими советами.

— Куда же вы направлялись, когда с вами случилось это несчастье?

— В Ранчо.

— Ну, и я еду туда же. До Ранчо всего два шага. Садитесь сзади меня на круп моей лошади, а вашу мы поведем на поводу и таким образом доберемся, если вы согласны.

— Лучшего я не желаю. Вы думаете, моя лошадь может меня не выдержать?

— Быть может, она и выдержит, так как это благородное животное, но это было бы неблагоразумно, вы рискуете совсем потерять вашего друга. Будет лучше, если вы последуете моему совету, поверьте мне.

— Да, но я боюсь...

— Чего? — живо перебил его собеседник. — Разве мы не друзья отныне?

— Это правда... Я согласен.

Больной, ослабевший конь с трудом поднялся, и два человека, встретившиеся таким удивительным образом на дороге, двинулись дальше

вместе на одной лошади, как условились.

Минут через двадцать они достигли первых домов Ранчо.

При въезде в селение первый незнакомец остановил своего коня и обратился к спутнику.

— Где вас ссадить? — спросил он.

— Мне все равно, — отвечал тот, — я всегда сумею найти дорогу.

Поедем сначала туда, куда нужно вам.

— Ах! — сказал, почесав затылок, первый всадник. — Что касается меня, то я, собственно, никуда не еду.

— Как, вы никуда не едете?

— Право, никуда. Вы сейчас поймете. Еще сегодня я сошел на берег в Гуаймасе. Ранчо для меня только первый этап в путешествии, которое я намерен предпринять в глубь страны и которое продолжится, вероятно, очень долго.

При свете луны, которая осветила в этот момент лицо незнакомца, его спутник с изумлением глядел несколько секунд на его благородные, задумчивые черты, на которых горе успело уже провести глубокие морщины.

— Так что всякое помещение для вас будет хорошо?

— Ночь уже отчасти прошла. Мне хотелось бы достать только кое-какой кров для себя и для лошади.

— Отлично, если вы положитесь на меня, то через десять минут будете иметь и то, и другое.

— Согласен.

— Я не могу обещать вам роскошных хором, мы пройдем в пультерию ⁸, куда я и сам обыкновенно направляюсь, когда бываю в этих местах. Вам, быть может, местное общество покажется несколько пестрым, но что же делать, мы ведь в пути, к тому же, как вы говорите, ночь уже наполовину прошла.

— Ну, Бог не без милости. Вперед!

Поводья лошади взял теперь второй ездок, просунув свои руки под локти первого, и направил ее к дому, расположенному недалеко от противоположного конца той улицы, на которую они въехали. Плохо прилаженные окна этой лачуги горели в ночной темноте, как устья плавильной печи. Крики, смех, песни, визг и топот неслись из нее и показывали, что, если остальное пуэбло было погружено в глубокий сон, здесь жизнь кипела и была ключом.

Наши незнакомцы остановились перед дверью этого странного притона.

— Хорош ли ваш выбор? — спросил первый всадник второго.

— Великолепен, — ответил тот.

Тот, кто правил теперь лошадью, слез с нее и несколько раз ударил в изъеденную червями дверь.

Долго не было слышно никакого ответа. Наконец изнутри послышался хриплый голос. В то же время оргия словно по волшебству сменилась могильной тишиной.

— Кого Бог принес?

— Друзей и мирных людей! — ответил незнакомец.

— Гм! — отвечал тот же голос из-за двери. — Это не имя. А какова погода?

— Один за всех, все за одного. Кормуэль дует и сдувает рога с быков на вершине Серро-дель-Гуэрфано.

На этом странный разговор кончился, дверь немедленно отворилась, и путники вошли в нее.

Сначала они ничего не могли разобрать в густой, дымной атмосфере, наполнявшей пулькеррию, и двинулись наудачу.

Провожатый первого всадника был, по-видимому, своим человеком в этом вертепе, так как хозяин и многие из посетителей немедленно его обступили.

— Сеньоры кабальеро, — сказал он, представляя своего спутника, — этот сеньор — мой друг, прошу его любить и жаловать.

— Он будет принят так же, как и ты, Весельчак, — отвечал человек, казавшийся хозяином этой норы. — Лошади ваши уже отведены в стойло, где получают по мерке альфальфы ⁹. Что же касается вас, то прошу не стесняться, дом в вашем распоряжении, располагайтесь, как вам угодно.

Во время этого потока приветствий нашим незнакомцам удалось пробить себе дорогу через толпу посетителей. Они прошли через всю обширную комнату и не без труда нашли себе уголок за столом. Хозяин тотчас же выставил перед ними пульке, мескаль, чингирито, каталонское рефино ¹⁰ и херес.

— Черт возьми, сеньор трактирщик, — смеясь, воскликнул тот, кого звали Весельчаком, — ты довольно щедр сегодня.

— Разве ты не знаешь, что у меня ангелочек, — серьезно ответил хозяин.

— Как, твой сын Педрито...

— Умер! Я изо всех сил стараюсь принять сегодня гостей получше, чтобы достойно отпраздновать вступление на небо моего бедного дитяти.

Оно не успело еще согрешить, но уже стоит ангелом пред Господом!

— Это правда, — сказал Весельчак, чокаясь с так мало огорченным отцом умершего малютки.

Трактирщик залпом проглотил стакан рефино и отошел.

Незнакомцы, свыкнувшись немного с окружавшей их атмосферой, огляделись кругом.

Пулькерия представляла удивительный вид.

Посередине десятка полтора личностей, производивших впечатление, что по ним давно уже плачет виселица, покрытых отрепьями, но вооруженных с головы до ног, с диким азартом играли в банк. Странная особенность, не казавшаяся, однако, таковой никому из почтенных партнеров: с правой стороны от банкомета лежал длинный кинжал, а слева — пара пистолетов. В нескольких шагах от них полупьяные мужчины и женщины танцевали и пели, сопровождая пение и танцы далеко не двусмысленными жестами, под резкие звуки двух или трех виуэл и хараны ¹¹. В самом чистом углу пулькерии человек тридцать расселись вокруг стола, за которым в тростниковом кресле сидело дитя лет пяти. Казалось, дитя было центром этого собрания. На нем было надето лучшее платье, на голове покоился венок из цветов, цветы массой лежали вокруг него на столе.

Но, увы! Лобик дитяти был бледен, глазки остановились, свинцовый оттенок покрывал его личико, на котором уже выступили фиолетовые пятна. Его тело заостенело, это был труп, дитя было мертво: это был ангелочек, вступление которого на небо и праздновал ныне достойный пулькерио ¹².

Женщины, мужчины, дети пили и смеялись, обращаясь к бедной матери, которая употребляла героические усилия, чтобы не разрыдаться при воспоминании о своем малютке, его слишком раннем развитии, доброте и ласках, которые теперь для нее исчезли.

— Это ужасно, это отвратительно, — бормотал первый путник, будучи не в состоянии скрыть свои чувства.

— Что же делать! — отвечал другой. — Не будем больше обращать на это внимание, представим себе, что мы где-то далеко от этого сброда. Да и они, кажется, позабыли о нас. Будем разговаривать.

— Я бы очень этого хотел, но, к сожалению, нам не о чем говорить.

— Так-то оно так, но, прежде всего, нам нужно познакомиться.

— Это верно.

— Вы согласны с этим? Я покажу вам пример доверчивости и

откровенности.

— Отлично! А потом будет мой черед.

Весельчак оглянулся кругом. Оргия продолжалась с новой силой. Ясно было, что на них никто не обращает внимания. Он оперся обеими локтями на стол, нагнулся к своему новому другу и начал:

— Итак, как вы уже знаете, потому что в вашем присутствии уже много раз произносили, мое имя, мой дорогой товарищ. Весельчак. Я канадец, то есть почти француз. Обстоятельства, о которых слишком долго можно говорить сейчас, но о которых я вам расскажу как-нибудь, привели меня еще очень молодым в эти края. Двадцать лет моей жизни протекли в странствованиях по прериям во всех направлениях. Нет такого ручейка, как бы мал он ни был, нет такой затерянной тропинки, которых бы я не знал. Я мог бы, если б захотел, жить спокойно, без забот, у своего старого товарища, владеющего великолепной асиендой в нескольких милях от Эрмосильо. Но жизнь лесного бродяги имеет свою прелесть, которую может понять только тот, кто это изведал. Она влечет к себе каждого против его воли. Я еще не стар, мне сорок пятый год. Мой старинный приятель, индейский вождь по имени Орлиная Голова, предложил мне сопровождать его в походе, который он намеревается предпринять в земли апачей. Я соблазнился его предложением, простился с теми, кого любил и кто тщетно пытался отговорить меня, и вот, свободный от всяких уз, без сожалений о прошлом, счастливый настоящим, без мысли о будущем, я бросился вперед, захватив с собой бесценные для охотника сокровища: твердое сердце, веселый характер, хорошее оружие и коня, привыкшего, как и его хозяин, и к хорошей, и к плохой судьбе. И вот я весь перед вами, и вы, дружище, знаете меня теперь, как будто мы с вами знакомы уже десять лет.

Его новый товарищ внимательно слушал, задумчиво глядя на смелого искателя приключений, который, улыбаясь, закончил свой рассказ. Он с любопытством рассматривал этого человека. Лицо его дышало честностью, черты были выразительны, он казался таким открытым, добрым, благородным, великодушным.

Когда Весельчак замолчал, его слушатель долго не отвечал, целиком погружившись в какие-то глубокие думы, затем он протянул ему через стол белую, тонкую и красивую руку и ответил прочувствованным голосом на самом чистом французском языке, каким только кто-либо когда-либо говорил в этих отдаленных краях.

— Благодарю вас за доверие и откровенность, которые вы выразили мне, Весельчак. Моя история не длиннее, но печальнее вашей. Вот она в нескольких словах...

— Как! — вскрикнул, перебивая его, канадец и горячо пожал ему руку. — Так вы француз? Вот счастье!

— Да, и я горжусь этим.

— Честное слово! И как это могло случиться, — продолжал Весельчак радостно, — вот уже около часа, как мы имеем глупость ломать свой язык, разговаривая по-испански, вместо того, чтобы беседовать на родном языке. Ведь я канадец, а все канадцы — американские французы, не правда ли?

— Конечно!

— Итак, решено, ни слова больше друг с другом по-испански!

— Ни слова!

— Bravo! За ваше здоровье, храбрый земляк, а теперь, — прибавил он, стукнув опорожненным стаканом о стол, — в чем ваша история? Я слушаю.

— Я расскажу вам, она не длинна.

— Это все равно. Говорите, я уверен, что она заинтересует меня.

Француз подавил вздох.

— Я также избрал жизнь лесного охотника, — начал он, — я также испытал опьяняющую прелесть этой жизни, полной постоянного возбуждения, полной потрясающих приключений, никогда не похожих одно на другое. Я бродил по бескрайним прериям далеко от здешних мест, по бесконечным девственным лесам, где до меня ни один человек не оставлял еще следа ноги своей. Меня сопровождал друг, поддерживая во мне бодрость, не давая ослабевать моей воле своей бесконечной веселостью, бескорыстной дружбой. Увы! Это было самое счастливое время в моей жизни! Я влюбился в одну женщину и женился на ней. Как только мой друг увидел меня богатым, окруженным семьей, он покинул меня. При расставании он сказал, что спокоен теперь за меня, что ему остается только предоставить мне наслаждаться счастьем, что он не нужен мне отныне. Его уход был для меня первым горем, горем безутешным, которое с каждым днем становилось все сильнее и которое ныне терзает меня, подобно угрызениям совести. Увы! Где теперь это твердое сердце, этот преданный друг, который всегда становился между мной и грозившей мне опасностью, который любил меня сильнее родного брата, к которому я чувствовал сыновнюю привязанность? Увы! Быть может, он уже умер.

Говоря это, француз опустил голову на руки и предался горьким мыслям, которые поднимались в его душе при встававших пред ним воспоминаниях.

Весельчак бросил на него задумчивый взгляд и пожал ему руку.

— Не падайте духом, друг мой, — тихо проговорил он.

— Да, — вновь начал француз, — он говорил то же самое, когда видел

меня пораженного горем, когда я чувствовал, что надежда покидает меня. Не теряй бодрости, — говорил он своим мужественным голосом, положив мне на плечо руку, и я чувствовал, точно гальванический ток пробежал по мне от этого прикосновения. Я оживлялся при звуках этого милого голоса и чувствовал, что ко мне вновь приливает жажда начать борьбу, я чувствовал себя сильнее... Несколько лет прошло среди самого безмятежного счастья. Я обожал свою жену, у меня были прелестные дети, я строил в мечтах ожидавшую их счастливую судьбу. У меня было все, что желает иметь каждый человек, все, за исключением моего бедного товарища, о котором я, несмотря на все мои старания, не мог собрать никаких сведений с тех пор, как он меня покинул. Теперь мое счастье исчезло навеки: моя жена, мои дети в могиле. Сонные, они были коварно перерезаны индейцами, которые ворвались на асиенду. Один я остался в живых и бродил по дымившимся развалинам своего жилища, где протекло столько счастливых дней. Все, что я любил, погибло под развалинами, мое сердце разбито, я не хотел пережить того, что было мне дорого. Друг, единственный друг, оставшийся мне верным, спас меня. Он силой увел меня к своему племени — он был индейцем. Там он ухаживал за мной, как преданный, любящий брат, он возвратил меня к жизни и вернул, если не надежду на счастье — оно уже невозможно для меня, — то, по крайней мере, силы для борьбы с судьбой, которая нанесла мне столько жестоких ударов. Но и он вот уже несколько месяцев как умер. Прежде, чем закрыть глаза навеки, он заставил меня поклясться, что я исполню последний его завет. Я дал ему слово, и вот что он сказал мне: «Брат, каждый человек должен в своей жизни стремиться к какой-либо цели. Когда я умру, отправься на поиски друга, о котором ты так часто вспоминаешь и которого ты так давно потерял из виду. Ты найдешь его, я уверен в этом. Он укажет тебе цель в жизни». Два часа спустя отважный вождь скончался на моих руках. Как только тело его опустили в могилу, я отправился в путь. И вот теперь, как вы видите, я прибыл в Гуаймас. Я намерен теперь же без промедления отправиться в пустыню. Если мой друг еще жив, то только там могу я надеяться найти его...

Воцарилось продолжительное молчание.

Наконец заговорил Весельчак:

— Гм! Все это очень печально, дружище, ничего не могу больше прибавить сейчас, — сказал он и потряс головой. — Вы взялись за дело почти невозможное, шансов на успех у вас почти нет. Человек не больше песчинки, когда он затерян в безмерных пространствах пустыни. Кто знает, если он даже и жив, где он теперь находится? Вы будете искать его в одном месте, а он переедет в другое. Однако я намереваюсь сделать вам

предложение, которое, я думаю, должно быть вам выгодно.

— Друг мой, я могу сказать, какое предложение вы хотите мне сделать, я знал его прежде, чем вы подумали о нем. Я заранее благодарю вас и принимаю его, — живо проговорил, перебивая его, француз.

— Итак, решено. Мы едем вместе в земли апачей.

— Да, — подтвердил француз.

— Слава Тебе, Господи! Ты не забыл еще обо мне. Едва я разлучился с Чистым Сердцем, как Богу было угодно, чтобы я встретил такого друга, как вы.

— Кто такой Чистое Сердце, о котором вы упомянули?

— Это друг, с которым я жил много лет и которого вы когда-нибудь узнаете. Итак, с Божьей помощью, на рассвете мы тронемся в путь.

— Когда вам угодно!

— Я назначил Орлиной Голове свидание в двух днях пути отсюда и едва ли ошибусь, если скажу, что он давно уже ждет меня.

— Но что вы будете делать в землях апачей?

— Не знаю еще. Орлиная Голова просил меня сопровождать его, вот я и еду. Обычно я не стараюсь выведать у друзей об их планах больше, чем они сами считают нужным сказать мне. Благодаря этому и они, и я чувствуем себя менее связанными.

— Совершенно верно, мой дорогой Весельчак. Но так как нам придется жить вместе, как, по крайней мере, я надеюсь...

— И я также.

— ... то, — продолжал француз, — вам следовало бы узнать мои имя и фамилию, которые я до сих пор не назвал вам.

— Это все равно, я дам вам другое имя, прозвище, если вам нужно сохранить инкогнито.

— Инкогнито для меня вовсе не нужно, я — граф Луи де Пребуа-Крансе.

Весельчак вскочил с места, как бы подброшенный пружиной, снял свою меховую шапку и почтительно поклонился своему новому другу.

— Простите меня, граф, — проговорил он, — я слишком фамильярно позволил себе обращаться к вам. Если бы я знал, с кем имею честь говорить, я бы, разумеется, воздержался от этого.

— Весельчак, Весельчак, — с печальной улыбкой проговорил граф, схватив его за руку, — разве так следует начинаться нашему знакомству? Здесь двое нас, готовых вести совершенно одинаковую жизнь, подвергаться одним и тем же опасностям, встретиться с одними и теми же врагами. Так оставим же глупым жителям городов эти нелепые сословные

разграничения, которые не имеют для нас никакого значения, станем друг другу братьями, открыто, честно, всей душой. Пусть я буду для вас только Луи, ваш лучший друг, а вы для меня будете Весельчаком, отважным лесным охотником.

Лицо канадца просияло от удовольствия при этих словах.

— Хорошо сказано, — радостно проговорил он, — хорошо сказано, честное слово! Я только бедный, никому не известный лесной охотник, и, честное слово, к чему мне скрываться? Что вы мне сказали, я запечатлел в своем сердце! Жив Господь небесный! Я ваш, Луи, на жизнь и на смерть и надеюсь скоро доказать вам, дружище, что я кое-что значу.

— Я в этом убежден... Но прислушайтесь, что это такое?

— Боже мой!

В эту минуту на улице раздался такой страшный шум, что заглушил даже гул в пулькерии. Как всегда случается в подобных обстоятельствах, весь сброд, находившийся в ней, как по команде умолк и стал внимательно прислушиваться. Теперь можно было ясно различить бряцание сабель, ржание лошадей, резкие щелчки выстрелов.

— Что это значит?! — воскликнул Весельчак. — Там, на улице, битва!

— Боюсь, что так, — флегматично подтвердил напившийся почти до бесчувствия пулькеры, проглатывая еще один стакан рефино.

Вдруг на дверь обрушились удары эфесом сабли и ложем пистолета, она затряслась на своих расхлябанных, непрочных петлях, и кто-то снаружи закричал громким разгневанным голосом:

— Отворите же, черт вас возьми! Или я сорву с петель эту несчастную дверь.

ГЛАВА IV. Граф Максим Гаэтан де Лорайль

Прежде чем объяснить читателю причину адского крика и шума, внезапно потревоживших мирное времяпрепровождение людей, собравшихся в пультерии, нам следует вернуться немного назад. Почти за три года до того времени, когда начинается наш рассказ, в Париже в одну холодную декабрьскую ночь восемь человек, принадлежавших, судя по костюму и манерам, к высшему парижскому обществу, собрались в элегантном кабинете кафе д'Англе.

Был поздний час ночи, свечи обгорели уже на две трети и тускло освещали комнату, дождь бил в стекла, печально и заунывно свистел ветер.

Восемь человек сидели вокруг стола, только что окончив великолепный ужин, и, казалось, против своей воли поддались унынию, царившему в природе. Кто, казалось, дремал, откинувшись на спинку кресла, кто, хотя и бодрствовал, по-видимому, не обращал ни малейшего внимания на происходившее вокруг.

Часы на камине медленно пробили три часа. Едва успел смолкнуть последний удар, как под окнами, выходящими на бульвар, слышалось сухое щелканье бича и звон бубенчиков почтовых лошадей.

Отворилась дверь, и на пороге появился гарсон.

— Почтовая карета, которую его сиятельство граф де Лорайль изволили требовать, готова, — доложил он.

— Спасибо, — поблагодарил его один из сидевших.

Гарсон поклонился и вышел, затворив за собой дверь.

Несколько слов, произнесенных гарсоном, словно нарушили царившее очарование, все поднялись, как бы пробудившись от сна, и сразу обратились к молодому человеку, находившемуся среди них.

— Итак, — заговорили они, — это решено? Ты едешь?

— Еду, — решительно подтвердил тот.

— Но куда ты едешь? Нельзя же покидать свою родину, своих друзей так просто — взял да поехал.

Тот, к которому обращались, печально усмехнулся.

Граф де Лорайль был красивый молодой человек с выразительными, решительными чертами лица, с небрежной аристократической усмешкой на тонких губах. Он действительно принадлежал к кровной родовой

аристократии и считался одним из самых знаменитых светских львов своего времени.

Он поднялся и окинул взглядом своих товарищей.

— Господа, — начал он, — я понимаю, что поведение мое кажется странным, и вы имеете право требовать от меня объяснений. Я же со своей стороны прошу позволить мне предложить вам эти объяснения, так как, поверьте, именно с этой целью я и созвал вас сегодня на последний вечер, который мне хотелось провести вместе с вами. Час разлуки пробил, лошади ждут, завтра утром я буду уже далеко от Парижа и через восемь дней покину Францию навсегда. Итак, слушайте меня.

Друзья слушали графа с глубочайшим вниманием и при последних его словах тесно обступили его.

— Не торопитесь, господа, — продолжал он, — рассказ мой будет краток. Я все объясню в двух словах.

Я окончательно разорился. У меня остается всего несколько билетов по тысяче франков, с которыми в Париже я могу рассчитывать только на то, что умру с голоду или через несколько месяцев должен буду пустить себе пулю в лоб. Перспектива для меня, смею вас уверить, не слишком привлекательная. Другой причиной моего отъезда является то, что я ловко управляю оружием, из-за чего, сам того не желая, приобрел репутацию дуэлянта, которая тяготит меня, особенно после этого несчастного дела с бедным виконтом Морсаном, которого я опять-таки против своей воли вынужден был убить, чтобы прекратить распускаемые им про меня оскорбительные слухи. Словом, по причинам, которые я вам высказал (и по другим, которые, я думаю, не заинтересуют вас), Франция мне опротивела до такой степени, что я жду не дождусь, когда покину ее. Теперь в последний раз наполним бокалы, и прощайте, друзья мои! Придется ли нам когда-нибудь свидеться!

— Еще одно слово! — заметил один из присутствующих, говоривший ранее. — Вы не сказали нам, граф, куда вы намерены ехать, в какие страны.

— Неужели вы не догадываетесь? В Америку, конечно. Мне все говорят, что у меня нет недостатка в смелости и сметливости, и вот я еду в страну, в которой, если верить рассказам, этих двух качеств совершенно достаточно для того, чтобы сделать состояние. Есть у вас еще что-либо, о чем вы желаете спросить меня, барон? — прибавил он.

Барон, прежде чем ответить, погрузился в глубокие размышления. Наконец он поднял голову и устремил на графа холодный, пронзительный взгляд.

— Неужели вы серьезно собираетесь уехать, мой друг?

— Совершенно серьезно.

— Поклянитесь мне в этом своей честью.

— Клянусь своей честью, что я уезжаю.

— И неужели вы решили создать себе в Америке положение, по крайней мере, равное тому, какое вы занимаете здесь?

— Да, — отвечал решительно граф, — я буду стремиться к этому всеми имеющимися в моем распоряжении средствами.

— Отлично. В свою очередь, выслушайте меня, граф, и, если вы сумеете извлечь какую-либо пользу из того, что я вам открою, быть может, с Божьей помощью, вы будете иметь успех в ваших безрассудных планах.

Все присутствующие еще теснее окружили говорящих. Сам граф, казалось, заинтересовался его словами.

Барон Спурцгейм был человек лет сорока пяти. Его манеры, резкие черты лица, взгляд, полный какого-то особенного выражения, говорили о том, что он не подходит под обычную мерку, и характеризовали его в глазах всего общества и немногих избранных его друзей как человека необыкновенного, имеющего право на особое внимание.

Говорили, что он обладает колоссальным состоянием, которое проживает по-царски, но никто понятия не имел о его прошлом, хотя он и был принят в высшем обществе.

Ходили смутные слухи, что он долго путешествовал в далеких краях, жил некоторое время в Америке. Но, как известно, нет ничего неопределеннее подобных слухов, и не они открыли перед ним двери аристократических салонов. Случилось так, что австрийский посланник несколько раз (сам не понимая, как это случилось) одалживал у него незначительные суммы денег и должен был в виде теплой благодарности ввести его в свой дом.

Из всех своих новых знакомых и собутыльников, встретившихся ему там, барон всего ближе сошелся с графом. Барон заинтересовался им и даже несколько раз, предугадывая его стесненные обстоятельства, изыскивал способы окольными путями помочь ему.

Граф де Лорайль, несмотря на свою гордость, страдавшую от этих подачек, питал к барону величайшую благодарность и, сам того не замечая, подчинился его влиянию.

— Говорите, но покороче, дорогой барон, — сказал де Лорайль, — вы видите, лошади уже ожидают меня.

Не говоря ни слова, барон позвонил. Явился гарсон.

— отошлите лошадей и скажите, чтобы они явились снова к пяти часам утра. Ступайте.

Гарсон поклонился и вышел.

Граф не сделал ни малейшего замечания, не выразил ни малейшего протеста, хотя его изумление росло с каждым мгновением. Барон налил себе полный бокал шампанского, одним махом выпил его, сел в кресло, скрестил руки, откинулся на спинку и несколько минут молчал.

— Теперь, милостивые государи, — начал барон своим резким, насмешливым голосом, — так как наш друг де Лорайль рассказал нам свою историю и так как мы все расположены теперь к откровенности, то почему бы мне не рассказать свою? Погода ужасная, дождь льет как из ведра. Здесь нам тепло, уютно, у нас вино и сигары — две прекрасные вещи, если ими не злоупотреблять, — что ж нам теперь делать, как не посвящать друг друга в тайны нашей жизни? Правда, лучше ничего и не придумаешь! Итак, слушайте меня. Я думаю, что многих заинтересует мой рассказ, так как убежден, что некоторые до сих пор не могут составить определенного мнения обо мне.

Большинство из присутствующих разразилось смехом при этой тираде. Когда веселость утихла, барон продолжал.

— В первой части моего рассказа я буду краток, как граф. В наше время вследствие предрассудков воспитания и положения в обществе мы часто получаем от жизни суровый урок, проматывая, не зная когда и как, за несколько лет отцовские и дедовские состояния. Это случилось и со мной, как случится и с каждым из вас. Мои предки в средние века были мелкими баронами, жившими разбоями. Родство когда-нибудь да даст о себе знать. Когда мои последние источники доходов иссякли, инстинкты предков пробудились во мне, и взоры мои обратились к Америке. Менее чем за десять лет я собрал там колоссальное состояние, которое в настоящее время я имею несказанное счастье не проматывать, так как урок, полученный мною, был слишком суров, и я не желаю его повторения, а проживать в вашем милом обществе, не трогая, однако, самого капитала, а довольствуясь процентами с него.

— Но, — нетерпеливо перебил его граф, — как же удалось вам собрать колоссальное состояние, и, кстати, каковы его размеры?

— Сорок миллионов, — холодно ответил барон.

— Ого! — пробежало по собранию.

— Колоссальное состояние, это точно, но каким же образом вы его нажили? — настаивал граф.

— Если бы я не имел намерения это-то именно и сообщить вам, то, поверьте, дорогой граф, я не стал бы занимать вашего внимания теми пустяками, которые вы только что выслушали.

— Скорее к делу, мы слушаем! — раздались восклицания.

Барон обвел присутствующих холодным взглядом.

— Прежде всего, выпьем по бокалу шампанского за успех нашего друга, — заметил он саркастическим тоном.

Бокалы были наполнены, собравшиеся чокнулись и разом осушили их. Любопытство их дошло до крайних пределов.

Поставив свой бокал перед собой, барон, не торопясь, закурил сигару и обратился к графу.

— Я обращаюсь теперь именно к вам, мой друг, — начал он, — вы молоды, предприимчивы, энергичны, обладаете железным здоровьем. Для меня несомненно, что, если вы только будете живы, вас ждет впереди успех, что бы вы ни начали, какую бы цель себе не поставили. В той жизни, которую вы хотите начать, главная причина успеха (скажу даже более, единственная) — это знать в совершенстве среду, в которой вам придется действовать, и общество, в которое вам придется войти. Если бы в начале моей жизни в качестве искателя приключений я имел бы случай, подобный представляющемуся сейчас вам, встретить друга, который согласился бы посвятить меня в тайны открывающегося передо мной мира, я создал бы свое богатство пятью годами раньше. Так как для меня никто этого не сделал, то я хочу сделать это для вас. Быть может, позже вы будете благодарны мне за те сведения, которые я желаю вам сообщить и из которых вы можете уяснить, какого направления следует вам держаться в готовящемся открыться перед вами лабиринте. Прежде всего, примите за правило, что люди, с которыми вы хотите жить, ваши естественные враги. Каждый день, каждый час вы должны быть готовы выдержать суровую борьбу. Все средства должны быть хороши для вас, лишь бы они могли обеспечить вам победу. Отбросьте в сторону все правила честности, великодушия. В Америке это все пустые слова, бесполезные даже для того, чтобы провести дураков, по той причине, что никто им все равно не поверит. Единственный бог есть только в Америке, это — золото, и чтобы добыть золото, американец способен на все. При этом там нет места, как в нашей старой Европе, даже обличию честности. Все делается откровенно, прямо, без малейших околичностей, с полным бесстыдством и без всякого сожаления. Если вы это усвоите себе, то путь ваш ясен: нет такого смелого и дерзкого плана, который не сулил бы успеха в этой стране, так как средств для его выполнения бездна. Американец — человек, вполне оценивший силу сообщества. Это и есть рычаг, которым приводятся в исполнение все предприятия. Высаживаясь на американском берегу один, без друзей, без знакомых, как бы ни были вы смелы, умны,

предприимчивы, вы один ничего не значите. Один, как песчинка, перед лицом всех.

— Это правда, — пробормотал граф.

— Терпение, — с усмешкой заметил барон. — Неужели же вы думаете, что я хочу пустить вас в битву без брони? Нет, нет, я вам намерен дать броню, чудную, закаленную, смею вас уверить.

Все присутствующие с изумлением слушали этого человека. Он словно вырастал на их глазах. Барон притворялся, будто не замечает производимого им впечатления, и через минуту продолжал с ударением на каждом слове, как бы тем глубже желая запечатлеть их в памяти графа.

— Запомните хорошенько каждое мое слово, все они имеют для вас огромную важность, друг мой. От этого положительно зависит успех вашего путешествия в Новый Свет.

— Говорите, ни одна буква не будет забыта мной, — перебил граф с лихорадочным нетерпением.

— Когда иностранцы начали переселяться в Америку, образовалось общество смелых людей без чести и совести, не знавшее ни милосердия, ни снисхождения, не признававшее никакого правительства, никакой национальности, так как на самом деле в нем были представители всяких национальностей. Это товарищество было основано на острове Черепахи [13](#), неведомой, неприступной скале, затерянной в безмерных пространствах океана. Оно управлялось правительством, чудовищным вследствие того, что основанием его владычества являлось насилие, и признавало только одно право — право сильного. Эти смельчаки составили для себя поистине драконовский устав и назвались береговыми братьями. Они разделились на две группы: буканьеров и флибустьеров.

Буканьеры бродили по девственным лесам, охотились за бизонами, флибустьеры плавали по морям и вели непрерывную войну со всеми флагами под предлогом войны с испанцами. На самом же деле они занимались только грабежом богатых в пользу бедных — единственное найденное ими средство для установления равновесия между этими двумя классами. Береговые братья набирались из подонков без рода и племени, прибывавших из Старого Света. Они стали настолько сильными, что испанцы трепетали за свои владения. Один из блестящих королей Франции не брезговал заключать с ними договоры и направлять к ним посла. Затем в силу обстоятельств, подобно всем государствам, возродившимся из анархии и не имевшим в себе жизненного, объединяющего начала, когда морские державы почувствовали в себе силу, береговые братья как-то утихли, смирились. Чтобы отделаться от них, полагали, что их требуется не

победить, а разобщить. Это оказалось не так-то легко, и вы в этом сейчас убедитесь. Прошу простить меня за длинное и скучное отступление, но оно необходимо, чтобы вы поняли то, что я вам расскажу сейчас.

— Уже половина пятого, — заметил граф, — нам остается не более сорока минут.

— Этого хоть и немного, но вполне достаточно, — ответил барон. — Итак, я продолжаю. Береговые братья не были уничтожены, и их не удалось разъединить, они преобразовались, с неслыханной ловкостью приспособившись к новым требованиям и веяниям времени. Они переменили шкуру — тигры приняли личину лисиц. Общество береговых братьев стало обществом дофиеров. Вместо того, чтобы смело идти вперед, как прежде, с топором в руках и кинжалом за поясом, бросаться на abordаж неприятельского судна, они роют ныне подземные ходы. В настоящее время дофиеры — владыки Нового Света. Их нигде нет, но они вездесущи, они царят над всем, их влияние чувствуется во всех классах общества, они встречаются повсюду, но их никто нигде не может поймать. Это они отторгли Соединенные Штаты от Англии, Перу, Чили и Мексику от Испании. Могущество их тем более безгранично, что оно сокровенно, неведомо и почти никем не признается, в этом их сила. Быть непризнаваемым — вот в чем заключается сила каждого общества, считающегося тайным, к чему оно и должно стремиться. В Америке не проходит ни одной революции, ни одного движения, чтобы в них не выразилось влияние дофиеров, и не выразилось победоносно — иногда в пользу успеха движения, иногда в пользу его уничтожения. Они всемогущи, они составляют все. Вне их круга ничего нельзя предпринять даже с малейшей надеждой на успех. Итак, вот во что в силу хода вещей преобразовались менее чем за два века береговые братья — в дофиеров, в ту ось, вокруг которой вращается, даже не подозревая об этом, вся жизнь Нового Света. Достоин сожаления жребий этой чудной страны, на который она осуждена с самого своего открытия, — быть всегда в руках бандитов всякого рода, которые, по-видимому, задались единственной целью эксплуатировать ее во всех формах, не давая ей ни возможности, ни надежды на освобождение!

Последовало довольно продолжительное молчание. Каждый раздумывал о том, что ему довелось услышать. Сам барон уронил голову на руки и, по-видимому, совсем погрузился в мир образов, им же самим вызванных, в мир воспоминаний, полных скорби и горечи.

Отдаленный звук ехавшего экипажа, быстро приближавшегося, напомнил графу де Лорайлю, что тяжелая минута отъезда наступает.

— Вот мой экипаж, — проговорил он, — я еду, я не слушаю больше.

— Еще одну минуту, — продолжал барон. — Скажите последнее прости вашим друзьям и товарищам.

И, подчиняясь против воли влиянию этого удивительного человека, граф повиновался, казалось, не обратив внимания на его слова.

Он поднялся, обнял каждого из своих друзей, каждому тепло пожал руку, выслушал искренние пожелания успеха и вышел из кабинета в сопровождении барона.

Почтовая карета ожидала у крыльца кафе. Молодые друзья открыли окна кабинета и посылали отъезжавшему другу последние прощальные приветствия.

Граф бросил долгий взгляд на бульвар. Ночь была темна, дождь хотя и перестал, но по небу неслись тяжелые тучи, газовые рожки мерцали в тумане, как далекие звезды.

— Прощайте! — проговорил граф подавленным голосом. — Прощайте! Кто знает, вернусь ли я?

— Не теряйте бодрости! — раздался над его ухом суровый голос.

Молодой человек встрепенулся, рядом с ним стоял барон.

— Садитесь, мой друг, — проговорил тот, помогая ему сесть в экипаж, — я еду с вами до заставы.

Граф влез в карету и с волнением опустил на сиденье.

— На Нормандское шоссе! — крикнул барон почтальону, захлопывая дверцу.

Почтальон щелкнул бичом, карета тронулась.

— Прощайте, до свидания, — донеслись до отъезжающих голоса друзей, оставшихся в кафе д'Англе.

Долгое время барон и граф не проронили ни слова. Наконец барон начал:

— Гаэтан, — проговорил он.

— Что вам угодно? — отвечал граф.

— Я еще не окончил свой рассказ.

— Это правда, — рассеянно проговорил граф.

— Хотите, я закончу его?

— Говорите, мой друг.

— Дорогой мой, вас выдает тон вашего голоса. Ваши мысли находятся сейчас далеко отсюда. Несомненно, выдумаете о тех, кого покидаете.

— Увы! — со вздохом промолвил граф. — Я один на земле. О чем и о ком мне жалеть? У меня нет ни друзей, ни родных.

— Неблагодарный! — с упреком проговорил барон.

— Это правда. Простите меня, дорогой, я не подумал о том, что говорю.

— Я вас прощаю, но с условием, чтобы вы выслушали меня.

— Обещаю вам это.

— Друг мой, если вы хотите иметь успех, вам необходимы дружба и покровительство дофиеров, о которых я сейчас рассказывал.

— Увы! Как я добьюсь дружбы и покровительства, я, жалкий, никому не известный человек? Я содрогаюсь теперь при мыслях об этой стране, в которой я мечтал создать такое чудесное будущее. Повязка спала с глаз моих, я вижу всю безосновательность своих планов, надежда покидает меня.

— Так быстро! — воскликнул барон. — Дитя без воли, оно уже отказывается от борьбы, которой еще и не отведало! Безвольный человек, тряпка! Покровительство и дружба так вам необходимы. Если хотите, я укажу вам, как их найти.

— Вы? — воскликнул, вздрогнув, граф.

— Да, я! Неужели вы думаете, что я для одного удовольствия мучил вас два часа, играя с вами, как ягуар с ягненком, только для того, чтобы доставить себе наслаждение поглумиться? Нет, Гаэтан. Если вы так думаете, то ошибаетесь. Я вас люблю. Когда я узнал о вашем намерении, я торжествовал, вы поднялись в моих глазах. Когда сегодня вечером вы так откровенно объяснили нам ваше положение и посвятили в ваши планы, я узнал в вас себя, мое сердце затрепетало, я чувствовал себя одну минуту счастливым и решил вывести вас на путь такой широкий, великий и прекрасный, что не достигнуть успеха, идя по нему, можно только тогда, когда не желаешь его достигнуть.

— О! — твердо проговорил граф. — Пусть мне будет суждено пасть в борьбе, которая нынче ночью начинается между мной и всем человечеством. Но не бойтесь, мой друг, я паду благородно, как подобает отважному бойцу.

— Я убежден в этом. Мне теперь осталось сказать вам всего несколько слов. Я сам также был дофиером, я и теперь принадлежу к этому товариществу и, благодаря моим товарищам, я составил себе состояние. Возьмите этот бумажник, наденьте на шею эту цепочку с медальоном, а когда вы будете один, прочтите содержащиеся в бумажнике наставления и действуйте согласно им. Если вы будете в точности следовать им, то я ручаюсь за ваш успех. Вот дар, который я сохранил для вас и который я хотел отдать вам наедине.

— О, Боже мой! — в волнении воскликнул граф.

— А вот и застава, — проговорил барон, когда карета остановилась, — пора расставаться. Прощайте, друг мой, мужайтесь и не поддавайтесь унынию! Обнимите меня. Особенно не забывайте о бумажнике и медальоне.

Оба друга горячо обнялись без лишних слов. Наконец барон открыл дверь и выпрыгнул из кареты.

— Прощайте, — крикнул он в последний раз, — прощайте, Гаэтан! Прощайте же!

Почтовая карета в это время уже катилась по большой дороге.

Странная вещь, как только эти два человека расстались, оба они, словно в отчаянии, покачали головами и проговорили одно и то же слово, хотя один шел большими шагами по улице, а другой уносился в противоположную сторону на мягких подушках почтового экипажа.

Слово это было следующее:

— Может быть!

Оно показало, что, несмотря на все их усилия, они только старались обмануть себя и питали, как тот, так и другой, весьма слабую надежду на успех.

ГЛАВА V. Дофиеры

Покинем теперь Старый Свет и перенесемся опять в Новый.

В Америке существует необычный город, не сравнимый ни с каким другим городом на земном шаре. Этот город называется Вальпараисо.

Не правда ли, какое красивое имя! Оно ласкает ухо, как припев нежной любовной песенки.

И действительно, подобно кокетливой креолке, этот городок разбросался на берегу чудной бухты, наполнил ее шумом и жизнью, задрапировался зеленью тропических садов. Три величественные горы ревниво оберегают его, купая свои розовые основания в лазурных волнах Тихого океана и закутав задумчивые вершины в тяжелые, грозные тучи, которые идут от самого мыса Горн и густыми клубами крутятся, медленно и зловеще расплзаясь по крутым склонам Кордильер.

Хотя он и расположен на чилийском берегу, но в действительности он не признает никакой национальности или, лучше сказать, он признает их все, так как в нем находятся представители всех наций.

В Вальпараисо встречаются искатели приключений из многих стран, там говорят на всех языках и процветает всякая торговля. Пестрое население его состоит из удивительнейших личностей, собравшихся со всех концов света в погоне за богатством. В этой погоне заатлантическая цивилизация пробилась себе торную дорожку, и влияние ее чувствуется во всех проявлениях жизни южноамериканских республик.

Вальпараисо, как почти все торговые центры Южной Америки, представляет собой странное скопление безобразных лачуг рядом с великолепными дворцами. Они занимают береговую полосу и карабкаются дальше по склонам окружающих гор.

В эпоху, к которой относится наш рассказ, улицы его были узки, грязны, сюда не проникали ни лучи солнца, ни свежий воздух, мостовые отсутствовали, всякие нечистоты из домов выбрасывались, как в помойную яму, под ноги проезжающим, и зимние ливни размачивали почву до такой степени, что для того, чтобы перебраться к соседу, живущему напротив, приходилось седлать выносливую, привычную лошадь, так как нога пешехода увязала буквально выше колена.

Вонь и миазмы в городе стояли ужасные, об ассенизации никто не помышлял, и жестокие дизентерии и лихорадки вместе со страшным бичом тропических стран — желтой лихорадкой — никогда не оставляли город

своим милостивым вниманием, выхватывая из его населения обильное число жертв.

Говорят, что ныне все это изменилось, Вальпараисо принарядился и стал чище. Охотно верим этому, хотя беспечность южноамериканского населения, превосходящая даже нашу собственную, делает это маловероятным, и мы с осторожностью относимся к подобному слуху.

На одной из самых грязных и не пользовавшихся особенно хорошей репутацией улиц Вальпараисо стоял дом, который мы намерены сейчас описать.

Надо признаться, что если архитектор выказал себя особенно воздержанным в распределении украшений этого здания, то он зато широко приспособил его к разнообразным вкусам, привычкам и занятиям его будущих владельцев, через руки которых ему предстояло пройти.

Этот дом был построен из глины, смешанной с соломой, фасадом своим он выходил на Калле-де-ла-Мерсед, а задняя часть его, опираясь на столбы, немного выдавалась в море. В этом доме жил трактирщик. Вопреки традициям постройки европейских зданий, которые кверху сужаются, описываемый дом кверху расширялся, так что верхний его этаж был просторен и светел, а торговые помещения нижнего этажа страдали некоторой теснотой и отсутствием света.

Нынешний владелец ловко воспользовался этим расположением и в безмерной толще стены нижнего этажа устроил комнату, в которую попадали по очень узкой лесенке, находившейся также внутри стены.

Эта комната была построена таким образом, что малейший звук на улице долетал сюда совершенно ясно и отчетливо, тогда как внутри нее заглушались самые сильные крики, так что уже в соседнем помещении ничего не было слышно.

Почтенный трактирщик, владелец этого дома, знался с самым разношерстным сбродом: контрабандистами, бродягами, шулерами и прочими людьми, ремесло которых привлекало иногда внимание чилийской полиции. Ввиду последнего обстоятельства окно, выходящее на море, столб, вбитый около него, и шлюпка, привязанная к кольцу в столбе, всегда готовы были дать последнее, крайнее убежище, на тот случай, если бы любопытство полицейского агента дошло до того, что угрожало бы проникнуть во все закоулки этой берлоги.

Этот дом назывался и, конечно, называется и до сих пор, если только землетрясение или пожар не уничтожили его, локанда дель-Соль.

На железном листе, висевшем на улице перед домом, неизвестным художником была изображена красная физиономия, окруженная

оранжевыми лучами и долженствовавшая представлять солнце и объяснять название трактира, приведенного выше. [14](#)

Сеньор Бенито Сарсуэла, хозяин локанды дель-Соль, был сухопарый, худой детина с угловатым лицом и подозрительным взглядом. Он представлял помесь арауканской, негритянской и испанской крови и соединял в себе недостатки и пороки трех рас: красной, черной и белой, ни у одной из них не позаимствовав ничего положительного. Под видом содержания скромного трактира он обдeldывал еще десяток других дел и делишек, из которых самое невинное, если бы оно было открыто, привело бы его к пожизненному заключению в острог.

Спустя приблизительно два месяца после событий, рассказанных в предыдущей главе, около одиннадцати часов вечера, холодного и туманного, сеньор Бенито Сарсуэла сидел за своей конторкой, печально созерцая пустую залу своего заведения.

Снаружи ветер звенел вывеской, изображавшей солнце. Черные облака грозно ползли с юга, прорываясь по временам разрушительными ливнями на уже достаточно намокшую землю.

— Ну вот, — вполголоса проговорил наконец трактирщик, — еще один день оканчивается так же дурно, как другие. Милосердный Боже! — прибавил он с выражением глубокой покорности воле Божьей. — Вот уже несколько дней, как нет мне никакой удачи. Если это продолжится еще неделю, я разорен.

Действительно, вот уже почти месяц в силу каких-то необъяснимых обстоятельств локанда дель-Соль ни разу не видела в своих стенах обычного оживления, и ее удрученный владелец терялся и догадках, чему следует приписать такое затишье.

В обширной зале не слышалось более чоканья стаканов, шумных разговоров и звона разбитой посуды, которую в пылу своих споров разгорячившиеся посетители нещадно колотили, лихо бросая на пол.

Печальный пример превратности всего земного: полное до краев быстро сменяется безнадежно пустым.

Можно было бы подумать, что чума заглянула в этот дом. Наполненные бутылки стояли правильными рядами на полках, но в течение дня заходили всего два-три посетителя, осушавших по стакану писко [15](#) и тут же спешивших расплатиться и удалиться, несмотря на всю любезность хозяина, старавшегося их удержать, порасспросить о новостях и развлечь свою скуку.

Произнеся приведенные выше слова, достойный Бенито небрежно

поднялся и в самом скверном расположении духа приготовился запереть трактир, дабы сэкономить хотя бы на освещении, как вдруг вошел посетитель, за ним другой, третий, потом их стало шесть, десять, а потом хозяин и счет потерял.

Все посетители были закутаны в широкие плащи. Надвинутые на глаза широкополые шляпы совершенно не позволяли разглядеть их лица.

В зале стало тесно от странных посетителей. Все они пили, курили, но не проронили между собой ни единого слова. Все столы были заняты, но в локанде царили столь глубокое молчание и тишина, какие можно ожидать только в церкви. Можно было различить шум дождя на улице и шлепанье лошадиных ног, с трудом пробиравшихся по невероятной грязи.

Трактирщик, приятно удивленный таким неожиданным оборотом, едва успевал исполнять требования гостей. Но тут возникло обстоятельство, которого он далеко не ожидал. Хотя, как говорит испанская пословица, деньги считать никогда не устанешь, а пословицы составляют народную мудрость, но в данном случае дон Бенито пришел, в конце концов, в смущение. Очевидно, его заведение было избрано местом собрания какой-то неизвестной партии. Не прерывавшийся поток посетителей, как море во время прилива, наводнил большую залу, затем малую, соседнюю, потом проник на верхние этажи и заполнил их.

Часы пробили одиннадцать. В локанде собралось более двухсот человек.

Дон Бенито с характерной для него проницательностью сообразил, что готовится что-то необычайное и что дом его избран местом действия неизвестного спектакля.

Неожиданно он почувствовал прилив ужаса. Он схватился за голову и в отчаянии никак не мог придумать средства избавиться от мрачных, молчаливых гостей.

Наконец у него блеснула мысль, он поднялся с решительным видом и направился к выходной двери, словно желая ее запереть.

Посетители продолжали оставаться немые как рыбы, ни один из них даже не пошевелился, они как будто ничего не видели. Дон Бенито чувствовал, что холодеет от ужаса.

В это время ему на помощь неожиданно явился серено — ночной сторож, проходивший мимо и кричавший:

— Ave Maria purissima! Las once hondado y llueve! ¹⁶

Это был знак, что пора запирать торговые помещения и гасить огни. Фраза эта была произнесена нараспев с такими жалобными интонациями, что они должны были бы растопить даже каменное сердце, однако на

застывших посетителей локанды не произвели ни малейшего впечатления.

Ужас заставил сеньора Сарсуэлу сделать сверхъестественное усилие, и он попытался вступить в переговоры со своими настойчивыми посетителями. Он вышел на середину залы, напустил на себя самый беззаботный вид, подбоченился, поднял голову и начал так:

— Сеньоры кабальеро! — Но, несмотря на все его усилия, в голосе его слышались дрожащие ноты. — Уже одиннадцать часов, постановлением полиции запрещено производить торговлю позднее этого часа, поэтому не угодно ли вам немедленно очистить мое заведение, дабы я его запер.

Этот призыв, на который он возлагал столько надежд, произвел совершенно противоположное действие.

Неизвестные крепко ударили своими стаканами о столы и сразу все вместе закричали:

— Вина!

Трактирщик даже подпрыгнул, пораженный этим ревом.

— Однако, — попытался он снова, — полицейские постановления, кабальерос, говорят ясно. Уже одиннадцать часов и...

Но ему не пришлось договорить. Рев возобновился еще сильнее, посетители заорали, и в нижней зале пронеслось подобно громовому раскату:

— Вина!

Тогда в душе трактирщика произошла весьма понятная реакция. Вообразив, что посетители желают принести вред лично ему и что здесь задеты его интересы, он сразу из труса превратился в скрягу, с отчаянием готового защищать то, что ему всего дороже, — свое добро.

— А-а! — закричал он в исступлении. — Так вот вы как! Отлично, посмотрим, правда ли я не хозяин в своем доме. Я пойду позову алькальда!

Эта угроза в устах почтенного Сарсуэлы показалась настолько забавной, что все собрание с замечательным единодушием разразилось гомерическим хохотом. Гнев трактирщика при этом превратился в бурное бешенство. Наклонив голову, как бык, он ринулся к дверям среди несмолкаемых взрывов хохота, свиста и улюлюканья.

Но едва только он занес ногу за порог своего дома, как вновь входивший посетитель бесцеремонно взял его за руки и отбросил назад в залу, надменно и насмешливо проговорив:

— Какая муха укусила вас, хозяин? Вы с ума сошли, выходить в такое время из дома с непокрытой головой?! Вы же схватите плеврит!

И пока хозяин локанды, запуганный и смущенный этим толчком, старался удержаться на ногах и привести в порядок свои мысли,

неизвестный без всякого стеснения, словно у себя дома, приказал закрыть окна ставнями и запереть дверь на замок и задвижку. Первое было исполнено несколькими посетителями, а второе самим Бенито с его обычным старанием и тщательностью.

— Ну, теперь поговорим, земляк, если хочешь, — обратился вновь вошедший к опешившему хозяину. — Ах, да ты не узнаешь меня, что ли? — прибавил он, снимая шляпу и обнажая свою красивую голову и умное лицо, на котором в это время блистала насмешливая улыбка.

— О! Сеньор дон Гаэтан, — проговорил Сарсуэла, которому это посещение не обещало ничего хорошего, а посему он едва смог скрыть ужасную гримасу.

— Ну, тише, ни слова, — проговорил вновь вошедший. — Иди сюда.

И он жестом пригласил трактирщика в отдаленный угол и там спросил его шепотом на ухо:

— Есть у тебя кто-нибудь посторонний?

— Вон, посмотрите, — с жалостливой миной указал он на толпу ранее ввалившихся посетителей, которые продолжали невозмутимо пить вино, — эта орава чертей с полчаса тому назад набилась в мое заведение. Пьют они здорово, но рожи у них больно подозрительны и не внушают особого доверия честному человеку.

— Ну, их тебе нечего бояться, речь не о них. Я спрашиваю, нет ли у тебя посторонних гостей. Что касается этих, то ты, должно быть, знаешь их не хуже меня.

— Внизу и наверху у меня сидят только эти кабальерос, которых, вы думаете, я знаю. Может быть, но так как они очень уж низко опустили свои шляпы, то я вижу только кончики их носов и никого не могу узнать.

— Ты глуп, любезный. Эти люди, которые так интересуют тебя, — дофиеры.

— Неужели? — воскликнул изумленный хозяин. — Так зачем же они закрывают свои лица?

— Вероятно, потому, дорогой Сарсуэла, что им вовсе не требуется, чтобы их видели.

И засмеявшись прямо в лицо застывшему в изумлении хозяину локанды, незнакомец сделал знак, и два человека поднялись с места.

Они бросились к Сарсуэле и, прежде чем он мог что-либо сообразить, связали его так, что он не мог шевельнуть ни одним членом.

— Не бойся, ничего дурного тебе не сделают, — продолжал дон Гаэтано. — Нам нужно побеседовать кое о чем без свидетелей, а так как ты по природе своей немного болтун, то мы и принимаем свои меры, вот и все.

Но будь спокоен, немного погодя ты будешь совершенно свободен. Ну вы, скорее поворачивайтесь, забирайте его, положите на постель и запирайте на два замка. До свидания, дорогой хозяин, особенно рекомендую не волноваться и не выходить из себя.

Приказание было в точности исполнено. Бедный Сарсуэла был связан, в рот ему засунули тряпку, взвалили его на плечи, отнесли в спальню, бережно положили на постель и заперли. Сарсуэла не оказывал ни малейшего сопротивления.

Оставим теперь хозяина локанды предаваться своим далеко не веселым мыслям и вернемся к остальным посетителям: они для нас гораздо интереснее, чем дон Сарсуэла.

Дофиеры, как только хозяин локанды был унесен, немедленно отодвинули к стенам столы и таким образом освободили середину залы. Здесь они установили рядами скамейки, на которые и уселись.

Локанда дель-Соль за несколько минут превратилась в некоторое подобие зала общественных заседаний.

Последний из вошедших в локанду, очевидно, играл роль главного. После удаления хозяина он снял свой плащ, дал знак замолчать и начал на прекрасном французском языке чистым звучным голосом:

— Братья, благодарю вас за вашу аккуратность.

Дофиеры поклонились в ответ.

— Господа, — продолжал он, — мы приближаемся к нашей цели. Скоро, я надеюсь, у нас появится возможность, мы выйдем из подполья, в котором мы до сих пор таимся, и займем на свете Божьем то место, на которое мы по праву можем рассчитывать. Америка замечательная страна, в ней каждый может найти удовлетворение своим желаниям и стремлениям. Я, как обещал пятнадцать дней тому назад, когда имел честь в первый раз собрать вас, отдал необходимые распоряжения. Все они были выполнены успешно. Вы сами, братья, назначили меня стать во главе мексиканского движения. Благодарю вас за эту честь, братья. Мне уже предоставлен участок в три тысячи акров в Верхней Соноре, близ Гетцали. Первый шаг сделан. Де Лавилль, мое доверенное лицо, отправился вчера в Мексику, чтобы принять во владение уступленную нам землю. У меня есть к вам просьба. Вы все, собравшиеся здесь, — или европейцы, или североамериканцы, — меня поймете. Мы, дофиеры, преемники береговых братьев, уже достаточно долго являемся как бы безучастными зрителями тех событий, которые совершаются в американских республиках, свидетелями внезапных переворотов и открытых революций в старых испанских колониях. Пришел час принять прямое участие в кипящей

вокруг нас борьбе. Мне требуется полтора ста преданных людей. Гетцали послужит нам отправной точкой. Я расскажу, чего ожидаю от тех, кто пойдет за мной, но пусть они стараются достигнуть поставленной цели. Предприятие, в котором я, быть может, даже погибну, задумано в наших общих интересах; если я буду иметь успех, каждый из участников получит огромные выгоды и займет блестящее положение. Вы знаете, кто ввел меня в ваше общество, ваше доверие к нему безгранично, знак, который я показал вам, доказывает, что он вполне доверяет мне. Угодно ли вам доверять мне так же, как доверял мне он? Без этого я ничего не могу предпринять. Жду вашего ответа.

Он замолчал.

Присутствующие после этого начали оживленно между собой переговариваться, не повышая, однако, чрезмерно голоса. Это продолжалось довольно долго. Наконец восстановилось молчание. Один из присутствующих поднялся:

— Граф Гаэтан де Лорайль, — начал он, — наши братья уполномочили меня говорить от их имени. В наше общество вы были введены человеком, которому мы верим безусловно. Ваш образ действий, по-видимому, вполне оправдывает такую рекомендацию. Полтора ста человек, которых вы требуете, к вашим услугам и пойдут за вами, куда бы вы их ни повели. Они уверены, что, помогая вам в ваших начинаниях, они тем самым куют и свое счастье. Я, Диего Леон, прошу поставить меня первым в списки тех, кто последует за вами.

— И меня!.. И меня!.. И меня!.. — наперебой стали предлагать себя дофиеры.

Граф поднял руку, воцарилось молчание.

— Братья, благодарю вас, — вновь начал он. — В Вальпараисо останется главная штаб-квартира нашего общества, в Вальпараисо же я наберу решительных людей, которые мне скоро понадобятся. А теперь мне нужно только сто пятьдесят человек. Если мои планы осуществляются, кто знает, что еще ожидает нас в будущем? Я сам своей рукой подписал условия, которые будут в точности выполнены как мною, так и вами, я в этом не сомневаюсь. Прочтите и подпишите сами, через два дня я отправляюсь в Тальку, но не далее как через шесть недель я соберу здесь тех, кто хочет идти со мной, и самым подробным образом сообщу о своих планах.

— Капитан де Лорайль, — отвечал Диего Леон, — вы говорите, что вам нужно только сто пятьдесят человек. Выбирайте — все хотят идти с вами.

— Спасибо еще раз, мои храбрые товарищи. Поверьте мне, однако, каждому придет свой черед, и дела хватит на всех. Я задумал грандиозное мероприятие, достойное вас. Делать выбор, значит, возбуждать ревность среди одинаково достойных людей. Диего Леон, поручаю вам тянуть по жребию имена тех, кто будет участвовать в первой экспедиции.

— Будет исполнено, — отвечал Диего Леон, старый ефрейтор спаги [17](#), методичный и хладнокровный, сохранивший до сих пор привычку к суровой дисциплине.

— Теперь, друзья мои, еще одно слово. Помните, что в течение трех месяцев я вас буду ждать в Гетцали, а там, с Божьей помощью, счастливая звезда дофиеров выведет нас! Выпьем теперь, братья, за успех нашего предприятия.

— Выпьем! — отвечали с жаром преемники береговых братьев.

И вот вино потекло рекой.

Всю ночь длилась оргия и к утру приняла гигантские размеры. Граф де Лорайль, благодаря чудному талисману, который вручил ему при расставании барон, тотчас по прибытии в Америку очутился во главе шайки решительных, ни перед чем не останавливающихся людей, и, как человек умный, он чувствовал, что с их помощью может совершить немаловажные дела.

Спустя два месяца после описанного собрания граф и его сто пятьдесят сподвижников собрались в колонии Гетцали, прекрасном имени, которое, благодаря действию неких тайных сил, удалось получить графу де Лорайлю.

На удивление самому себе граф чувствовал себя счастливым. Все ему удавалось: планы, самые, по-видимому, безумные, были блестяще выполнены, его колония процветала, и мексиканское правительство только радовалось этому.

Граф со свойственным ему тактом и глубоким знанием света заставил замолчать завистников. Он завел известный круг друзей и влиятельные знакомства, которыми пользовался во многих обстоятельствах, умело прибегая к их помощи.

Можно представить себе, что было сделано им за такой малый промежуток времени — менее трех лет. В тот момент, когда граф предстает перед читателем, он почти достиг цели своих постоянных и страстных желаний. Действительно, он решил создать себе почетное положение в обществе, женившись на дочери дона Сильвы де Торреса, одного из наиболее богатых асиендадос Соноры, и благодаря влиянию своего будущего тестя ему удалось получить патент на чин капитана отряда

охотников, который должен был оттеснить от границ Мексиканской республики апачей и команчей, беспокоивших своими набегами приграничные округа. Отряд этот граф имел право набрать из одних европейцев, если ему будет это более удобным,

Возвратимся теперь в дом донна Сильвы де Торреса, который мы покинули почти в то самое время, когда в него вошел граф де Лорайль.

ГЛАВА VI. Через окно

Когда молодая девушка покидала гостиную, удаляясь в свой будуар, граф де Лорайль проводил ее долгим взглядом с выражением полного недоумения относительно поведения своей невесты, особенно теперь, когда недалеко была уже свадьба, которая должна будет соединить их навеки. Но подумав несколько секунд, он тряхнул головой как бы для того, чтобы отогнать печальные мысли, которые лезли в голову, и обратился к своему будущему тестю.

— Поговорим о делах, если это вам удобно, — начал он.

— У вас разве есть что-либо новое сообщить мне?

— Много нового.

— Интересного?

— А вот увидите.

— Посмотрим. Я сгораю от нетерпения.

— Начнем по порядку. Вы знаете, почему я покинул Гетцали?

— Достаточно хорошо. Итак, значит, вы добились успеха?

— Как я и ожидал. Благодаря некоторым письмам, которые у меня были, и особенно благодаря вашей благосклонной рекомендации генерал Маркос был очень любезен со мной. Он дал мне полную свободу действий, позволив набрать не только сто пятьдесят человек, но даже вдвое больше, если понадобится.

— Ого! Это отлично, это великолепно!

— Не правда ли? Кроме того, он прямо сказал мне, что в такой войне, какая нам предстоит, а охота за апачами — это настоящая война, он находит необходимым предоставить мне полную свободу действий, заранее утверждая своей властью все, что я найду необходимым и полезным предпринять, так как убежден, что это предпринимается для славы и в интересах Мексики.

— Великолепно! Я просто счастлив. Но в чем состоят теперь ваши намерения?

— Я решил первым делом от вас направиться в Гетцали, в котором я не был уже около трех недель. Мне нужно посетить колонию, чтобы убедиться, все ли в ней в порядке и счастливо ли живут мои колонисты. Но прежде, чем я уведу с собой большую часть сил, которыми я располагаю, необходимо возвести вокруг колонии кое-какие земляные укрепления, чтобы остающиеся могли отразить внезапное нападение индейцев. Это тем

более важно, что Гетцали в любом случае останется моей штаб-квартирой.

— Это верно. И когда вы отправляетесь?

— Сегодня же ночью.

— Так скоро?

— Что же делать... Вы сами знаете, что времени у нас в обрез.

— Действительно. У вас есть еще новости?

— Простите меня, но у меня есть вопрос, который я специально оставил напоследок.

— Вы считаете, следовательно, что он имеет особенный интерес?

— Громадный.

— Ого! Так я вас слушаю, мой друг. Говорите скорее.

— Со времени моего прибытия в ваши края, в то время, когда дела, которые я, благодарение Богу, довожу ныне до благополучного конца, находились еще в состоянии прожектов, вы были так добры, сеньор Сильва, предоставив в мое распоряжение не только ваше влияние, которое громадно, но и ваше богатство, которое бессчетно и безмерно.

— Это правда, — с улыбкой отвечал мексиканец.

— Я широко воспользовался вашим предложением, часто прибегал к заимствованиям из вашего кошелька и пользовался при всяком удобном случае вашим влиянием. Позвольте же мне теперь вернуть вам часть моего долга, которую я в состоянии уплатить, причем заранее признаюсь, что я не могу уплатить вам другую часть. Вот, — прибавил он, вынув из кармана бумагу, — чек на сто тысяч пиастров, уплачиваемый по предъявлении мексиканскими банкирами Уолтер, Блоунт и К. Я счастлив, поверьте мне, дон Сильва, что могу так быстро с благодарностью возратить взятую у вас сумму, не потому, что...

— Позвольте, — с живостью прервал его асиендадо, жестом отстраняя протянутую ему бумагу, — мы, кажется, не понимаем друг друга.

— Как так?

— Я вам сейчас объясню. Прибыв в Гуаймас, вы представили мне, граф, письмо от человека, с которым я, правда, не был связан слишком тесными узами, но которому я многим обязан и с которым мы в течение нескольких лет были в дружеских, искренних отношениях. Барон Спурцгейм рекомендовал вас скорее как любимого сына, чем друга, в котором он принимает участие. И вот перед вами сразу открылись двери моего дома. Я считал себя обязанным сделать это. Затем, когда я узнал вас и мог оценить ваш высокий ум и открытый, благородный характер, наши отношения, сперва не переходившие границ делового знакомства, стали более тесными, теплыми, близкими, я предложил вам руку моей дочери, и

вы согласились.

— Я считаю это за счастье! — горячо перебил граф.

— Отлично, — воскликнул асиендадо, смеясь. — Деньги, которые я мог бы получить с постороннего, деньги, которые принадлежат мне по праву, могут свободно остаться у моего зятя. Разорвите этот чек, прошу вас, дорогой граф, и не будем говорить о таких пустяках.

— Да! — грустно возразил на слова дона Сильвы граф. — Вот это-то сильно и смущает меня. Я еще не ваш зять, и, признаюсь, боюсь, что никогда не буду им.

— А кто вам дал повод думать так? Разве вам недостаточно моего слова? Слово дона Сильвы де Торреса, граф де Лорайль, есть гарантия, в которой никто не смеет усомниться.

— Я также нисколько не сомневаюсь в нем и говорю не о вас.

— А о ком же?

— О донье Аните.

— О моей дочери?

— Да.

— Ого! Друг мой, объяснитесь, а то, признаюсь, я ничего не понимаю, — воскликнул дон Сильва, поднялся и принялся, как он всегда делал, когда был взволнован, мерить комнату шагами.

— Боже мой! Я в отчаянии от того, как она относится ко мне. Я люблю донью Аниту. Любовь, вы знаете, ослепляет. Хотя она и считается уже моей невестой, мила и любезна со мной, но, признаюсь, мне кажется, что она не любит меня.

— Гаэтан! Вы сошли с ума! Молодые девушки сами не знают, кого они любят. Не обращайтесь внимания на ее ребяческие выходки. Я вам ручаюсь, что она будет вашей женой.

— Однако, если она любит другого, то я не желал бы...

— Вот еще! Ну, оставим. Это все глупости. Анита никою не любит, кроме вас, я убежден в этом. Хотите убедиться в этом немедленно? Вы сегодня ночью, говорите, выезжаете в Гетцали?

— Да, сегодня ночью.

— Великолепно! Прикажите приготовить для моей дочери и для меня комнаты на вашей асиенде. Через несколько дней мы будем у вас.

— Возможно ли это?! — радостно воскликнул граф.

— Завтра на рассвете мы выезжаем. Итак, спешите.

— О-о! Тысячу раз благодарю вас.

— Ну вот! Теперь вы убедились?

— Я самый счастливый из смертных.

— Тем лучше.

Оба они еще перебросились несколькими словами и разошлись, вновь обещав друг другу скоро увидеться.

Дон Сильва, привыкнув деспотически распоряжаться в своем доме, не позволял никому вмешиваться и нарушать его волю. Он велел служанке передать своей дочери, чтобы она была готова, потому что на следующее утро с восходом солнца они отправятся в довольно далекое путешествие. Он не допускал даже и мысли о возможности неповиновения.

Это известие как громом поразило молодую девушку.

Уничтоженная, она опустилась в кресло и залилась слезами. Она видела, что это путешествие служило лишь предлогом, чтобы разлучить ее с тем, кого она любила, и отдать ее, беззащитную, в руки того человека, которого она боялась и который считался ее женихом и будущим мужем.

Бедная девушка просидела так несколько часов. За эти часы она совершенно обессилила, осунулась, отчаянию ее не было предела. Об отдыхе она и не думала, сон не шел, чтобы сомкнуть веки, опухшие от слез. Она чувствовала приступы лихорадки.

Мало-помалу город затихал, все вокруг засыпало, а тот, кто еще не уснул, искал приюта где-нибудь под гостеприимным кровом. Дом доня Сильвы стоял погруженный в полный мрак, только слабый свет горел в окнах комнаты доньи Аниты, показывая, что она не спит.

В это время на стене противоположного дома обрисовались робко и боязливо крадущиеся тени. Двое мужчин, закутанные в широкие плащи, остановились и жадно уставились на окна доньи Аниты. Эта жадность взгляда выдавала в них или воров, или влюбленных.

Двое мужчин принадлежали, очевидно, к последним.

— Гм! — проговорил один тихим голосом. — И ты уверен в том, что ты сказал, Кукарес?

— Как в своем вечном спасении, сеньор Марсиаль, — отвечал вечно веселый Кукарес, — проклятый англичанин вошел как раз в то время, когда я был в доме. Дон Сильва, кажется, в самых лучших отношениях с этим еретиком.

Надо заметить, кстати, что для мексиканцев все иностранцы — англичане, к какой бы нации они не принадлежали, и, следовательно, еретики ¹⁸. Так было в недавнем прошлом, так, вероятно, осталось и до сих пор. Поэтому все иностранцы принадлежали к числу людей, которых можно было без малейших сомнений убивать, и это считалось не преступлением или грехом, а даже подвигом.

В оправдание мексиканцев следует добавить, что всякий раз, как

представлялся случай, они избивали англичан с рвением, которое показывало их крайнее благочестие.

Дон Марсиаль угрюмо произнес:

— Честное слово, уже два раза этот человек становился на моем пути, и я щадил его. Но пусть он остережется сделать это в третий раз.

— О! — отвечал Кукарес. — Достоуважаемый брат Беччико говорит, что можно получить отпущение многих грехов, если отсесть англичанина [19](#). Мне еще не случалось встретить ни одного, хотя на моей совести уже восемь смертей. Я ужасно желаю прибавить к этому списку еще и англичанина, это было бы очень выгодной штукой.

— Ну, потерпи немного, если хочешь, чтобы у тебя на плечах сидела твоя голова. Человек этот принадлежит мне.

— Хорошо, не будем больше говорить об этом, — отвечал верный спутник дона Марсиаля, подавляя вздох, — я оставлю его вам. Все равно красавица, кажется, от всего сердца чувствует к нему отвращение, в этом я уверен, и вам нечего беспокоиться.

— Есть ли у тебя доказательства того, что ты говоришь?

— Какое же еще доказательство лучше того, что она уходит всегда, как он появляется, и лицо ее без всякой видимой причины покрывается бледностью?

— О, я отдал бы тысячу унций, лишь бы узнать, как мне следует поступить!

— Кто же вам мешает? Все спят, никто вас не увидит, окна не очень высоко, не более пятнадцати футов. Я уверен, что донья Анита с радостью поговорит с вами.

— О! Если бы я был уверен в этом! — в нерешительности пробормотал Марсиаль, исподтишка бросая взгляд на все еще освещенное окно.

— Кто знает! Быть может, она ждет вас.

— Замолчи, несчастный!

— Зачем же молчать? А вы слушайте, когда говорят правду. Бедная девушка, должно быть, чувствует себя глубоко несчастной. Вероятно, ей нужна помощь.

— Кто сказал тебе это? Ну, я слушаю тебя, говори дальше, да покороче.

— Вещь очень простая: через восемь дней донья Анита де Торрес выйдет замуж за англичанина дона Гаэтана.

— Ты лжешь, негодяй! — вскричал Марсиаль, едва сдерживая гнев. — Смотри, что-то подталкивает меня всадить тебе в горло кинжал, чтобы

оттуда больше не выходили такие гнусные слова, как те, что ты сейчас произнес.

— Напрасно, — спокойно и невозмутимо отвечал Кукарес, — я лишь повторяю то, что слышал, и ничего не прибавляю. Один только вы во всем Гуаймаса не знаете этой новости. Да и нет ничего удивительного в этом, так как сегодня вы в городе первый день, целый месяц вас не было.

— Это правда, но что же делать?

— Очень просто! Последовать моему совету.

Тигреро долго смотрел в окно и наконец в нерешительности, снедаемый глубокой внутренней борьбой, опустил голову.

— Что скажет она, увидев меня? — произнес он, говоря как бы сам с собой.

— Карамба! — отвечал леперо с саркастической улыбкой. — Она скажет: «Добро пожаловать, мой милый, мой дорогой». Это так же ясно и верно, как наше вечное спасение. Дон Марсиаль, неужели вы превратились в робкое дитя, которое дрожит от взгляда женщины? Счастье имеет всего три волоска и в любви, и на войне, и когда оно приближается к вам, надо суметь схватиться за один из них. Если же пропустишь удобный случай, то другой может и не представиться.

Мексиканец приблизился к леперо, положил ему на плечо руку и заглянул в его кошачьи глаза.

— Кукарес, я верю тебе, — проговорил он глухим голосом. — Ты меня знаешь, я выручал тебя не раз. Если ты меня обманешь, я убью тебя, как шакала.

Тигреро произнес эти слова с выражением, в котором слышалась такая глухая ярость, что даже выдавший виды леперо побледнел и против воли задрожал всем телом, так как он хорошо знал человека, который говорил с ним.

— Я предан вам всей душой, дон Марсиаль. — ответил он голосом, которому напрасно старался придать твердость. — Что бы ни случилось, рассчитывайте на меня. Что надо сделать?

— Ничего. Ждать, не спать и при малейшем подозрительном шуме, при появлении малейшей подозрительной тени предупредить меня.

— Положитесь на меня. Ступайте, делайте свое дело. Я глух и нем и во время вашего отсутствия не сомкну глаз.

— Отлично, благодарю! — отвечал Тигреро.

Он выступил на несколько шагов вперед, снял реату, обернутую вокруг пояса, и сжал ее в правой руке. Затем он поднял глаза, смерил расстояние, с силой покрутил ее над своей головой и пустил на балкон, выходящий из

комнаты доньи Аниты.

Петля закинулась за крюк, и реата крепко прицепилась к балкону.

— Помни же! — проговорил Тигреро, обернувшись к Кукаресу.

— Ступайте, — сказал тот, прислонившись к стене и закинув ногу за ногу. — Беру все на себя.

Мексиканец удовольствовался этим — или, по крайней мере, сделал вид, что удовольствовался. Он ухватился за реату и сделал громадный прыжок, как те пантеры, за которыми ему часто приходилось охотиться в пустыне, перехватил ее два раза и через несколько секунд был уже на балконе.

Затем он приблизился к окну.

Донья Анита спала в кресле, откинувшись на спинку.

Она казалось бледной и расстроенной, веки ее опухли от слез. Ее все-таки одолел сон, никогда не теряющий своей власти над молодым организмом. На ее бледных с голубыми жилками, словно мраморных, щеках еще свежа была полоса от скатившейся недавно слезинки. Марсиаль с нежностью глядел на ту, которую любил, не осмеливаясь войти и побеспокоить ее. Во время сна девушка показалась ему еще прекраснее. Казалось, ее окружал ореол девственности и чистоты, будто ангел порхал над ней и охранял ее святой покой.

Тигреро долго и с наслаждением любовался ею. Наконец он решился войти.

Стеклянная дверь была не заперта, а только затворена и отворилась от легкого толчка дона Марсиаля. Он сделал шаг и очутился внутри комнаты.

При виде этой комнаты и молодой девушки, такой чистой, такой спокойной, Тигреро почувствовал, что его охватывает религиозный ужас, сердце билось, как будто хотело выскочить из груди. Все еще колеблясь, обезумев от любви и волнения, он подошел и опустился перед доньей Анитой на колени.

Она открыла глаза.

— О-о! — вскричала она, увидев дона Марсиаля. — Да будет благословен Господь! Он посылает вас на помощь.

Тигреро смотрел на нее глазами, влажными от слез, грудь его трепетно и порывисто вздымалась.

Но вдруг девушка поспешно встала, к ней вернулось сознание и вместе с ним чувство стыдливости и робости, присущее каждой женщине.

— Уходите! — воскликнула она вдруг, отступая в глубину комнаты. — Уходите, кабальеро. Как вы сюда попали? Кто провел вас ко мне? Отвечайте, отвечайте же.

Тигреро покорно склонил голову.

— Бог, — невнятно проговорил он. — Бог один провел меня к вам, сеньорита, вы сами сказали это! О! Простите меня, что я осмелился так неожиданно беспокоить вас. Я совершил великое преступление, я знаю это, но вам угрожает беда, я почувствовал, я предугадал это. Вы одни, без помощи, не имеете поддержки, и я пришел сказать вам, сеньорита, я грешен, я недостойн служить вам, но я был бы счастлив умереть за вас! Во имя Бога, во имя того, что вы любите и чтите больше всего в мире, не отталкивайте моей любви! Мои руки, мое сердце — все принадлежит вам, располагайте ими.

Слова эти молодой человек произнес дрожащим голосом, стоя на коленях посреди комнаты. Руки его были сложены с мольбой, и взгляд не отрывался от доньи Аниты. Вся душа его, казалось, хотела излиться в этом взгляде.

Дочь асиендадо остановила на молодом человеке ясный взгляд и, не сводя с него глаз, против своей воли подошла к нему мелкими шагами, все еще колеблясь и дрожа. Подойдя к нему, она с минуту пребывала в нерешительности. Наконец она положила ему на плечи свои маленькие ручки и настолько приблизила свое милое лицо к его лицу, что Тигреро почувствовал на своем лбу ее дыхание, а ее длинные черные косы нежно щекотали ему щеки.

— Итак, вы любите меня, дон Марсиаль? — проговорила она своим красивым голосом.

— О! — только и мог проговорить обезумевший от счастья дон Марсиаль.

Мексиканка еще ближе приблизила к нему свое лицо, и ее губы коснулись его влажного лба.

— А теперь, — воскликнула она, отскочив назад легким, изящным прыжком, как вспугнутая лань, тогда как лицо ее залилось румянцем от того усилия, которое она сделала над собой, чтобы победить свою стыдливость, — а теперь защитите меня, дон Марсиаль, так как перед Богом, который видит нас и судит, я ваша жена!

Тигреро выпрямился, словно обожженный этим поцелуем. Лицо его сияло, глаза блестели, он схватил руки любимой девушки и повел ее в угол комнаты, где находилась статуя Божьей Матери, перед которой теплилась лампадка с благовонным маслом.

— На колени, сеньорита, — проговорил он торжественным голосом и сам опустился на колени.

Донья Анита повиновалась.

— Пресвятая Богородица, — начал дон Марсиаль, — Утешительница всех скорбящих, Ты знаешь сердца наши, Ты видишь чистоту помыслов наших и чистоту любви нашей. Перед Тобою я называю женой своей донью Аниту де Торрес. Клянусь защищать ее и охранять против всех и всего, хотя бы мне суждено было лишиться жизни в борьбе, которую я ныне начинаю за счастье той, которую люблю и которая отныне есть моя нареченная невеста.

Произнеся эти слова твердым, решительным голосом, Тигреро обернулся к молодой девушке:

— Теперь вы, сеньорита, — сказал он.

Молодая девушка с жаром сложила руки и, подняв к святому изображению свои полные слез глаза, начала произносить прерывающимся от волнения голосом:

— Матерь Божья, Утешительница, защита моя с первых дней моего рождения, Ты знаешь, люблю ли я Тебя. Я клянусь, что все, что говорил этот человек, правда. Пред Тобою я называю его своим мужем, и другого у меня не будет.

Они поднялись.

Донья Анита повела Тигреро на балкон.

— Идите, — сказала она. — На жену дона Марсиаля не должно упасть ни малейшего подозрения. Идите, муж мой, брат мой. Человека, за которого хотят меня выдать замуж, зовут граф де Лорайль. Завтра на рассвете мы отправляемся в путь, вероятно, для того, чтобы где-нибудь встретиться с ним.

— А он?

— Он, должно быть, уехал сегодня ночью.

— Куда он поехал?

— Я не знаю.

— Я убью его, честное слово.

— До свидания, дон Марсиаль, до свидания.

— До свидания, донья Анита, не бойтесь ничего, я жизнь отдам за вас.

И, запечатлев целомудренный поцелуй на лбу своей невесты, он подошел к балюстраде балкона, схватился за реату и соскользнул по ней вниз.

Донья Анита скинула петлю с крюка, нагнулась и следила за Тигреро, пока могла различить его стройную фигуру в темноте ночи, затем вошла в свою комнату и заперла окна и дверь.

— Боже мой! Боже мой! — подавляя рыдания, заговорила она. — Что я наделала! Пресвятая Дева, Ты одна можешь дать мне силы пережить все

это!

Она задернула занавеси на окнах, обернулась и вновь опустилась на колени перед статуей Богородицы. Но вдруг она выпрямилась и испустила крик ужаса.

В двух шагах от нее стоял дон Сильва де Торрес. Брови его нахмурились, и лицо было сурово.

— Дочь моя, — начал он медленным размеренным голосом, в котором слышалось едва сдерживаемое, клокотавшее в его груди волнение, — я все видел и все слышал. Не волнуйся, прошу тебя, отпирательство ни к чему не приведет.

— Отец мой!.. — могла только выговорить прервавшимся голосом дочь.

— Молчать! — крикнул он. — Теперь три часа утра. Мы едем с рассветом. Приготовься через две недели стать супругой дона Гаэтана де Лорайля.

И не удостоив дочь более ни одним словом, он тяжелыми шагами вышел из комнаты, тщательно заперев за собой дверь.

Оставшись одна, донья Анита наклонилась всем телом вперед, будто желая прислушаться к чему-то, обвела затем вокруг себя бессмысленным взором, сделала по комнате несколько нерешительных шагов, нервным жестом подняла руки к горлу, почувствовав, что ее словно душит что-то, испустила раздирающий душу крик и упала на пол лицом вниз.

Она лежала в глубоком обмороке.

ГЛАВА VII. Дуэль

Было около восьми часов вечера, когда граф де Лорайль вышел из дома дона Сильвы де Торреса. Ярмарка была в полном разгаре, улицы Гуаймаса были заполнены веселой, живой толпой, крики, песни, смех раздавались отовсюду, кучи золота на столах в игорных домах блестели заманчивым блеском при ярком свете многочисленных ламп. Лихие песни, визг и топот вырывались из пулькерий, заполненных народом. Граф и сам толкал кого-то, пробираясь через толпу, и его толкали, но то, что он услышал от дона Сильвы, привело его в такое радостное настроение, что он совсем не обращал внимания на такие мелочи.

Наконец, преодолев страшные трудности и затратив на это время втрое больше обыкновенного, он достиг дома, в котором остановился.

Ему понадобилось около двух часов, чтобы пройти около шестисот ярдов.

Войдя к себе, граф в первую очередь навестил кораль, в котором находилась его лошадь. Он сам дал ей две меры альфальфы, затем, приказав разбудить себя около часу пополудни, если бы он к этому времени еще не проснулся, он удалился в свою комнату, чтобы отдохнуть в течение нескольких часов.

Граф намеревался выехать около часа ночи, чтобы избежать дневной жары и ехать спокойнее.

Кроме того, после долгого разговора с доном Сильвой знатный искатель приключений чувствовал потребность побыть одному, чтобы восстановить в памяти все, что случилось с ним за день приятного и счастливого.

С тех пор как граф де Лорайль высадился в Америке, его сопровождало всюду, как он сам любил выражаться, чисто дурацкое счастье. Все ему удавалось, все желания его исполнялись. А произошло с ним вот что. Через несколько месяцев после прибытия ему удалось основать колонию, которая в настоящее время находилась на пути к процветанию. Сохранив свое подданство, а следовательно, и свободу действий, в смысле поддержки тех или иных политических стремлений он поступил на службу к мексиканскому правительству, получил чин капитана и стоял во главе отряда в сто пятьдесят беззаветно преданных ему людей, с которыми он мог, пожелай он того, отважиться на самые безумные предприятия. Наконец, ему предстояла женитьба на дочери человека,

который оказался так богат, что до сих пор он не мог еще сам определить размеров его состояния, и, хотя это не относилось к делу, невеста его была удивительно прекрасна.

К счастью или к несчастью, смотря по тому, какой точки зрения угодно будет придерживаться читателю, чтобы судить о нашем герое, он был настолько пресыщен и испорчен излишествами парижской жизни, что сердце его уже давно отвыкло биться под наплывом радости, горя или даже страха. Несмотря на молодые годы, все омертвело в его душе.

Тем не менее он оказался хорошо приспособленным к существованию в стране, куда его забросила судьба. В этой борьбе за жизнь, которая началась для него здесь, он имел огромное преимущество перед своими противниками, состоявшее в том, что страсть, давно уже умершая в нем, никогда не руководила его действиями, и потому он с замечательным хладнокровием обходил западни, которые расставлялись перед ним, и делал это так, как будто ничего особенного он даже и не замечал.

После всего сказанного едва ли нужно говорить, что он вовсе не любил девушку, на которой собирался жениться. Она была молода и хороша собой. Тем лучше. Но если бы даже она была стара и безобразна, то и тогда он также предложил бы ей руку. Какое ему дело до своей жены? В женитьбе он ищет одного только блестящего положения, которому бы завидовали другие.

Словом, у графа де Лорайля все было взвешено и рассчитано.

Было бы, однако, ошибкой утверждать, что у графа де Лорайля не было слабых сторон. Он был крайне самолюбив.

Эта страсть, быть может, наиболее сильная из всех, которые Провидение создало для испытания человеческого существа, была единственной точкой, в которой граф еще соприкасался с человечеством.

Самолюбие его достигло такой степени, особенно в последние месяцы, приняло такие гигантские размеры, что не было такой вещи, которой бы он не пожертвовал в угоду ему.

Но к чему, собственно, стремился этот человек? О чем мечтал он? Позднее перед читателем это откроется во всех подробностях.

Граф лежал, завернувшись в свой сарапе и растянувшись на ложе из звериных шкур, которые во всей Мексике заменяли постели. Других, по крайней мере, мексиканцы не знали.

Он спал, но с той чуткостью, которая знакома людям, находящимся в походе, на войне, когда каждая минута рассчитана, и если засыпаешь с намерением встать в такой-то час, то в этот час обязательно проснешься. В периоды душевного подъема некоторая часть человеческого организма

остается всегда бодрствующей.

В час ночи, подкрепив свои силы живительным сном, граф, как и предполагал, встал, зажег себо — мексиканскую восковую свечку, привел себя в порядок, тщательно осмотрел свои пистолеты и карабин, убедился, что его сабля легко и свободно выходит из ножен. Окончив приготовления, необходимые каждому заботящемуся о безопасности путешественнику в этих странах, он отпер дверь комнаты и направился к коралю.

Лошадь его с удовольствием дожевала остатки своей порции альфальфы. Граф задал ей мерку овса, которая вызвала у нее легкое ржание. Через некоторое время он оседлал ее.

В Мексике в описываемое время ни один всадник, к какому бы классу общества он ни принадлежал, не решился бы доверить заботу о своем коне другому. В этих полудиких краях спасение и надежда часто зависели от лошади.

Ворота в мексиканских гостиницах, или, лучше сказать, постоянных дворах, на одном из которых остановился граф, только затворялись, но не запирались, чтобы путешественники могли спокойно въезжать или выезжать, никого не беспокоя. Граф выехал, закурил сигару и поехал по знакомой уже читателю дороге из Гуаймаса в Ранчо.

Ничто по своей прелести не может сравниться с путешествием по мексиканским пустыням ночью. Земля, освеженная ночным ветром, орошенная обильной росой, испускает острый, живительный аромат. Тело становится бодрее и крепче, мысли яснее.

Луна, уже клонившаяся к закату, отбрасывала непомерно длинные тени от редких встречавшихся по дороге деревьев, и они казались в ее слабеющем красноватом свете рассеянной толпой чудовищных призраков.

Небо темно-синего цвета горело бесчисленным количеством звезд, между которыми чудным блеском сиял Южный Крест, которому индейцы дали название Порон, то есть Чайка. Ветер мягко шелестел засыхающей травой и ветвями деревьев. Мексиканская голубая сова издавала время от времени мелодичные крики, иногда их заглушали доносившиеся откуда-то издалека, из глубины пустыни, унылый вой кугуара, резкое мяуканье пантеры и дикой кошки или залиvistый лай шакалов, стайей гнавшихся за добычей.

При выезде из Гуаймаса граф дал было шпоры своему коню, но против воли, очарованный величием и поэзией теплой осенней ночи, незаметно с галопа перешел сначала на крупный шаг, а потом и на тихий. Он отдался наплыву мыслей, роем поднявшихся в его голове, и погрузился в сладкие мечты.

Потомок старинной и гордой франкской фамилии здесь, затерянный среди пустыни, восстанавливал в воображении минувший блеск своего имени, давно уже потускневшего и затерявшегося в толпе безродных выскочек. Сердце его наполнялось радостью и гордостью при мысли, что ему, быть может, суждено восстановить блеск имени своих предков и их огромное богатство, остатки которого до сих пор он умел только расточать.

Земля, которую он попирал, должна была возвратить ему во сто крат больше того, что он так безумно промотал. Теперь настал момент, когда, свободный от всяких пут, он мог осуществить эти планы, которые уже давно роились в его голове.

Он целиком перенесся в область мечтаний и совершенно перестал обращать внимание на то, что происходило вокруг.

Звезды начали гаснуть на небе. На востоке белой полосой обозначилась заря, и в ней появились красные тона. В воздухе стало холоднее. Граф, пробужденный от своих мечтаний ощущением холода и сырости от обильно выпавшей росы, плотнее завернулся в свой сарапе и опять пустил лошадь галопом, бросив взгляд на небо и воскликнув:

— О-о! Я достигну этого во что бы то ни стало.

Гордый вызов, ответа на который он словно ждал от неба!

Хотя день уже почти наступил, но ночной мрак в борьбе со светом сгустился, и, как это всегда бывает, стало темнее. Однако через несколько минут сумерки стали проясняться, и появилось солнце.

Первые дома пуэбло Сан-Хосе обрисовались белыми силуэтами. Они словно плавали в густом тумане совсем близко. Вдруг граф услышал позади себя топот по каменистой дороге нескольких лошадей, скакавших друг за другом.

В Америке встреча ночью на пустынной дороге со всадником в девяноста случаях из ста означает опасность.

Граф остановился и насторожился. Топот приближался.

Он был храбр и не однажды доказывал это. Тем менее он мог подозревать, что ему суждено быть убитым из-за угла, на дороге, бесславно сгинуть в гнусной засаде.

Он оглянулся вокруг, чтобы определить, насколько возможно для него спасение на тот случай, если бы приближающиеся оказались врагами.

Перед ним расстилалась голая равнина. Ни кустика, ни ложбинки, ни пригорочка, за которым можно было бы укрыться.

В двухстах шагах начинались первые дома селения. Граф моментально принял решение. Он изо всех сил прищпорил коня и помчался по направлению к Сан-Хосе.

Ему показалось, что всадники последовали его примеру и также ускорили галоп своих лошадей.

Так прошло несколько минут. Всадники приближались. Графу стало ясно, что они гнались за ним.

Он оглянулся назад. Два силуэта обрисовывались вдаль и быстро приближались. Кони их неслись как бешеные.

Между тем он уже въехал на улицу. Близость жилья придала ему твердости, ему показалось глупым бежать от опасности, быть может, всего лишь воображаемой. Круто повернув лошадь, он остановился посередине улицы, держа в обеих руках по пистолету, и стал ждать.

Незнакомые всадники подъезжали тем же быстрым аллюром, не сдерживая хода лошадей. Наконец они очутились в двадцати шагах от графа.

— Кто едет, откликнитесь! — крикнул он громко и твердо.

Неизвестные всадники не отвечали и только помчались скорее.

— Откликнитесь же, кто едет! — повторил граф. — Стойте, или я стреляю! — добавил он.

Последние слова он произнес так решительно, вся фигура его дышала такой отвагой, что после нескольких секунд заминки всадники остановились.

Их было двое.

Начинавшийся день позволил их ясно разглядеть: они были в мексиканских костюмах. Но, что удивительно для этих стран, где в подобных обстоятельствах разбойники оставляют обычно лица открытыми, лица незнакомцев были замаскированы.

— Милостивые государи, — крикнул граф, — что означает это упорное преследование?

— Вероятно, то, что мы хотим поскорее догнать вас, — с сарказмом ответил глухой голос.

— Так вы, значит, меня желали догнать?

— Да, если только вы тот иностранец, которого зовут графом де Лорайлем.

— Да, я граф де Лорайль, — без колебаний ответил граф.

— Хорошо, так мы желаем сказать вам пару слов.

— Говорите, хотя ваши манеры заставляют меня думать, что вы просто разбойники. Если, впрочем, дело идет о моем кошельке, то вот он, возьмите его и оставьте меня в покое, мне некогда.

— Оставьте ваш кошелек у себя, кабальеро. Нам нужна ваша жизнь, а не кошелек.

— Ага! Так это убийство?

— Ошибаетесь, вам предлагают честный бой.

— Гм! — проговорил граф. — Честный бой, двое против одного! Силы не совсем равны, мне кажется.

— Вы были бы правы, — надменно ответил тот, который говорил и раньше, — если бы это было действительно так, но мой спутник не примет участия, он ограничится ролью зрителя.

Граф подумал.

— Право, — сказал он наконец, — случай этот слишком странен! Дуэль в Мексике и с мексиканцем! Этого я никак не ожидал.

— Это верно, кабальеро, но надо быть готовым ко всему, мало ли что может случиться.

— Оставим пустые разговоры. Хорошо, я согласен драться и надеюсь доказать вам, что я человек решительный. Но прежде, чем окончательно принять ваш вызов, я желал бы знать, почему вы хотите непременно драться со мной?

— Зачем это вам?

— Как зачем? Мне это чрезвычайно интересно, *pardieu!* Не могу же я подставлять голову всякому шалопаю, который может встретиться мне в пути и которому взбредет в башку драться со мной.

— Не достаточно ли вам будет знать, что я вас ненавижу!

— *Parbleu!* Едва ли я могу удовлетвориться этим, тем более что вы предпочитаете держать свое лицо закрытым. Я желаю хотя бы видеть его.

— Довольно разговоров, — надменно прервал его незнакомец, — время идет, мы и так разговариваем слишком долго.

— Ну что ж, если так, то берегитесь! Предупреждаю, что я вызываю вас обоих. Француз нисколько не будет смущен, если увидит перед собой двух мексиканских бандитов.

— Ну, как хотите.

— Вперед!

— Вперед!

Три всадника пришпорили своих коней и рванулись с места. Съехавшись, они обменялись выстрелами из пистолетов и схватились за сабли.

Борьба была непродолжительна, но жестока. Один из неизвестных, получив легкую рану, был унесен своим конем и исчез в облаке пыли. Граф был задет пулей. Гнев его перешел в ярость. Он всеми силами старался уложить своего противника или сделать его, по крайней мере, неспособным к бою. Оказалось, однако, что этот противник был чрезвычайно силен,

обладал необычайной ловкостью и ни в чем не уступал графу.

Этот человек с глазами, как уголья, горевшими сквозь прорези в маске, ездил вокруг него с необычайной быстротой, заставляя своего коня делать самые смелые вольты, колол противника, наносил удары и с невероятной ловкостью увертывался от ответных.

Граф чувствовал, что ничего не может поделать с таким неутомимым врагом, движения его потеряли уверенность, глаза застилал туман, на лбу выступил крупный пот. А противник все усиливал быстроту и стремительность натиска. Он сохранял полное молчание, и графу начинало казаться, что в этом таинственном нападении есть что-то дьявольское. Исход битвы, печальный для графа, неумолимо приближался, но вдруг он почувствовал, что на плечи его упала петля, и не успев освободиться от нее, он сразу был выбит из седла и так сильно упал наземь, что лишился сознания и не мог сделать ни малейшего движения.

Второй незнакомец, проехав некоторое расстояние бешеным галопом, сумел в конце концов справиться с лошадей. Во всю прыть вернулся он к месту битвы. Ни его товарищ, ни граф, увлеченные борьбой, не заметили его приближения. Решив, что настал момент положить конец битве, он достал реату и набросил ее на графа.

Увидев своего противника на земле, незнакомец соскочил с коня и подбежал к нему.

Первым делом он освободил графа от стягивавшей его петли, затем стал растирать ему грудь, стараясь восстановить дыхание. Это продолжалось недолго.

— А-а! — проговорил граф, открыв глаза, и губы его сложились в горькую улыбку. Он поднялся и скрестил руки на груди. — Вот что вы называли честным боем?

— Вы сами были причиной того, что случилось, — невозмутимо отвечал незнакомец, — так как вы не согласились принять моих условий.

Француз не нашел нужным продолжать спор, он только пожал плечами с видом крайнего презрения.

— Ваша жизнь в моих руках, — продолжал его противник.

— Да, вы устроили мне гнусную засаду, но что делать! Убейте меня, и покончим с этим.

— Я не хочу убивать вас.

— Что же хотите вы?

— Сообщить вам одну вещь.

— Мне?

— Вам.

Граф расхохотался.

— Вы, должно быть, сумасшедший, милейший.

— Вовсе нет. Выслушайте внимательно, что я вам скажу.

— Если при этом я могу надеяться, что, исполнив ваше требование, я избавлюсь от вашего присутствия, то говорите.

— Хорошо. Сеньор граф де Лорайль, ваше прибытие в эту страну причинило горе двум лицам, — с мексиканским акцентом проговорил незнакомец.

— Вы смеетесь надо мной, что ли?

— Я говорю серьезно. Дон Сильва де Торрес предложил вам руку своей дочери?

— Что за дело вам до этого?

— Отвечайте на вопрос.

— Да, это правда, скрывать не буду.

— Донья Анита не любит вас.

— Откуда вам это известно? — спросил граф с вызывающей насмешкой.

— Я знаю это. Я знаю также, что она любит другого.

— Вы это знаете?

— Да, а также то, что и этот другой ее любит.

— Тем хуже для него, так как, клянусь, я не уступлю ее никому.

— Вы ошибаетесь, сеньор граф, — опять со своим акцентом возразил мексиканец, — вы или уступите ее, или умрете.

— Ни то ни другое! — закричал в исступлении граф, оправившись от полученного им удара. — Повторяю вам, что я женюсь на донье Аните. Если она меня не любит — в чем я сомневаюсь, однако, — пусть так. Это очень грустно. Надеюсь, что со временем она изменит свое отношение ко мне. Этот брак мне кажется подходящим, ничто не может заставить меня отказаться от него.

Незнакомец слушал его в состоянии крайнего возбуждения, его глаза метали молнии, он яростно ударял ногой в землю. Тем не менее он сделал над собой усилие и отвечал медленно и твердо:

— Помните, кабальеро, что вы делаете. Я дал себе слово предупредить вас и предупреждаю открыто и честно! О, если бы Бог вразумил вас, если бы слова мои нашли отклик в вашем сердце и вы им последовали!.. Как только мы вновь еще раз сойдемся, один из нас двоих умрет.

— Будьте спокойны, я буду впредь осторожен. Только предупреждаю вас, что вы напрасно упускаете случай убить меня, другого такого вам не представится.

Оба всадника вскочили на лошадей.

— Граф де Лорайль, — прибавил говоривший доселе незнакомец, наклоняясь к графу, — в последний раз говорю вам, берегитесь, я имею громадное преимущество перед вами: я знаю вас, а вы меня не знаете. Мне всегда, как только я захочу этого, легче найти вас! Мы потомки индейцев и испанцев; мы глубоко ненавидим и не забываем врагов наших! Берегитесь!

Слова свои незнакомец закончил ироническим поклоном графу, захохотал, вонзил шпоры в коня и исчез с головокружительной быстротой, сопровождаемый своим молчаливым спутником.

Граф следил за ними задумчивым взглядом. Когда они исчезли в предрассветных сумерках, он тряхнул несколько раз головой как бы для того, чтобы отогнать мрачные мысли, поднял свою саблю и пистолеты, которые лежали на земле, взял под уздцы лошадь и медленными шагами направился к пулькерии, вблизи которой происходила борьба.

Свет, струившийся из щелей между досками двери, песни и смех, раздававшиеся внутри, дали ему повод думать, что он найдет в этом доме временное убежище.

— Гм! — рассуждал он сам с собой. — Этот бандит говорил правду, он знает меня, а я не могу найти его. Слава Богу! Вот и настоящая, неподдельная ненависть ко мне! Ба-а! — прибавил он после некоторого раздумья. — Что за важность! я чувствую себя очень счастливым, мне как раз не хватало врага! Честное слово, этот молодец подоспел очень кстати. Но если бы даже сам ад ополчился на меня, клянусь, и это не заставило бы меня отказаться от руки доньи Аниты.

В это время он подошел к дверям пулькерии и постучался.

Нетерпеливый по своему характеру и к тому же опечаленный постигшей его неудачей и выдержанной им борьбой, граф готовился уже совсем привести в исполнение свою угрозу — сорвать дверь с петель, как вдруг она отворилась.

— Чтоб вам всем провалиться к черту! — закричал он с крайним раздражением. — Вы позволяете убивать людей перед вашими дверьми и пальцем не шевельнете, чтобы прийти к ним на помощь!

— Ого! — воскликнул вдруг заволновавшийся содержатель пулькерии. — Разве кого-нибудь убили?

— Слава Богу, никого, но я был сейчас на волосок от смерти.

— О! — небрежно ответил пулькеро. — Если на всякий крик о помощи выскакивать ночью на улицу, то это надо совсем ночей не спать, а кроме того, это и опасно — еще ввяжешься в какое-нибудь подсудное дело.

Граф надменно пожал плечами и вошел в дом, ведя за собой лошадь.

Дверь тотчас же затворилась.

Граф де Лорайль не знал мексиканского обычая, что тот, кто находил труп или возбуждал дело против убийцы в качестве частного обвинителя, нес на себе и все судебные издержки, которые были довольно велики, иск же ни в коем случае не мог, разумеется, принести ни малейшей пользы убитому.

Во всех мексиканских провинциях все были так глубоко убеждены в истине того, что мы сейчас сказали, что все свидетели убийства обыкновенно разбегались, не думая об оказании какой-либо помощи жертве. В случае, если смерть медлила прийти, чтобы прекратить страдания раненого и изувеченного, он испытывал самые жестокие муки, не надеясь, что кто-либо решится облегчить их. Горе сострадательному прохожему, который помог бы ему, а раненый на его руках умер!

В Соноре поступают еще бесчеловечнее: как только начинается драка с оружием и человек падает, все двери наглухо запираются.

ГЛАВА VIII. Отъезд

Как объявил дон Сильва де Торрес, что они поедут с рассветом солнца, так оно и вышло.

В Мексике, а особенно в Соноре, где дорог нет совершенно, способ путешествовать не похож на тот, к которому мы привыкли в Европе.

В Мексике нет ни почтовых экипажей, ни станций. Единственный способ передвижения — путешествие верхом.

Путешествие, которое может продлиться всего несколько дней, вызывает массу сборов и хлопот. Необходимо все везти с собой, так как в дороге раздобыть ничего нельзя. Постели, палатки, провизия и даже вода, особенно вода, должны быть запасены для путешествия и размещены во вьюках на мулах. Если отнестись легкомысленно к подобному путешествию, то надо быть готовым спать на голой земле, рискуя в то же время умереть от голода и жажды.

Кроме того, следует иметь при себе достаточно сильный конвой, хорошо вооруженный, для защиты от диких зверей, индейцев и в особенности от грабителей, которыми кишат все мексиканские дороги из-за господствующей в этой несчастной стране анархии.

Поэтому вполне понятно желание доня Сильвы пораньше выбраться из города, чтобы засветло отъехать подальше.

Патио его дома уподобился в это раннее утро постоялому двору. Пятнадцать навьюченных мулов стояли, ожидая отправления. Готовили паланкин, в котором должна была ехать донья Анита.

Сорок оседланных лошадей были привязаны к кольцам в стене дома. Пеон держал под уздцы великолепного жеребца, предназначенного для доня Сильвы. Он ржал, бил копытом, раздувал ноздри и нетерпеливо грыз серебряную уздечку.

Во дворе стоял гул от криков, смеха, ржания.

На улице собралась толпа, в гуще которой стояли и Кукарес с доном Марсиалем, вернувшиеся из своей поездки в Ранчо. Люди с недоумением смотрели, не понимая, какая причина заставила доня Сильву предпринять путешествие в такое раннее время года, когда жить в сельской местности так неудобно.

Отовсюду доносились замечания и предположения относительно цели такого странного путешествия.

Среди собравшихся, привлеченных любопытством, находился один,

очевидно, индеец, который, небрежно прислонившись к стене противоположного дома, не спускал глаз с дверей дома донна Сильвы и внимательно следил за всеми действиями его многочисленной прислуги.

Этот человек, еще очень молодой, был похож на индейца племени яки, но внимательный наблюдатель мог заметить иное. Широкий лоб, блестящие глаза, которые он, очевидно, нарочно сейчас щурил, надменный рот, какое-то изящество сильных, мускулистых, словно из бронзы изваянных членов, что-то смелое, решительное, независимое во всей фигуре заинтересовавшего нас человека говорили, что он скорее принадлежит к гордым команчам или свирепым апачам, чем к глупым яки. Но в настоящую минуту в толпе никто и не думал заниматься индейцем, да и сам он старался не привлекать к себе внимания.

Яки обыкновенно приходили в Гуаймас наниматься в качестве пеонов и прислуги, так что присутствие индейца не заключало в себе ничего необычного.

Наконец в восемь часов дон Сильва де Торрес появился в дверях своего жилища, ведя под руку свою дочь, одетую в изящный дорожный костюм.

Донья Анита была бледна, как лилия. Она казалась сильно уставшей; красные глаза говорили о душевных муках, которые она пережила за ночь. Она делала страшные усилия, чтобы не разрыдаться здесь, на глазах у всех.

При виде ее дон Марсиаль и Кукарес обменялись быстрым взглядом, в то время как по губам индейца, о котором мы говорили выше, скользнула чуть заметная неопределенная улыбка.

При появлении асиендадо воцарилась полная тишина. Погонщики кинулись по своим местам к порученным им мулам, конные, вооруженные с головы до ног, вскочили в седла, и дон Сильва, окинув все внимательным взглядом и убедившись, что все исполнено согласно его приказаниям, усадил дочь в паланкин, где она тотчас же закуталась в широкий ребосо, словно птичка свернулась в гнездышке.

По знаку донна Сильвы мулы, привязанные задний к хвосту переднего, начали выступать из ворот за первым, который вел их, побрякивая бубенчиками. По бокам шли погонщики.

Прежде чем сесть на лошадь, дон Сильва обратился к старому слуге, который почтительно стоял перед ним, держа в руках соломенную шляпу:

— Прощай, ньо ²⁰ Пелучо, — сказал он, — я доверяю тебе дом. Смотри за ним, береги все, что есть там. Я оставляю тебе в помощь Педрито и Флоренсио, они в твоём распоряжении. Смотри, чтобы все было без меня в порядке.

— Будь спокоен, дорогой мой, — отвечал старый слуга своему господину, выросшему на его руках, — слава Богу, не в первый раз оставляешь ты меня здесь одного, я уверен, что и на этот раз справлюсь.

— Правда, правда, ты предан мне, ньо Пелучо, — улыбаясь ответил дон Сильва, — тебя можно только похвалить. Я совершенно спокойно оставляю все на тебя.

— Да хранит тебя Бог, дорогой мой, а также и Аниту, — добавил старик, перекрестившись.

— До свидания, ньо Пелучо, — ответила на пожелание старого слуги и донья Анита, высунувшись из паланкина, — я знаю, ты сбережешь все, что я люблю.

Старик, радостно бормоча что-то, наклонил голову.

Дон Сильва дал знак к отправлению, и весь караван зашевелился и тронулся по направлению к пуэбло Сан-Хосе.

Утро было чудное, одно из тех, которые бывают только в этих благодатных местах. Ночной ветер очистил воздух, небо стояло над головами безоблачное, матово-синее, солнце поднялось уже высоко и лило на землю свои теплые лучи, просеивавшиеся через ароматную мглу, поднимавшуюся с земли. Воздух был напоен горьким, жгучим запахом, ветерок время от времени освежал его; через дорогу то и дело перелетали ярко окрашенные птички. Мулы шли за бубенчиками нены мадрины — кобылицы, шедшей во главе каравана. Погонщики затянули песню.

Караван спокойно выступал по песчаной равнине, поднимая за собой облака пыли, длинной змеей извивался по бесчисленным поворотам наезженной дороги. Авангард из десятка всадников рыскал впереди, осматривая каждый кустик и пригорок. Дои Сильва курил сигару и перекидывался с дочерью словами. Караван замыкали двадцать испытанных вооруженных всадников, обеспечивая полную безопасность.

Мы уже говорили, что в этой стране, где власть правительственных агентов бессильна, и потому никакого надзора не существует, путешествие в пять-шесть миль — а пуэбло Сан-Хосе отстояло от Гуаймаса именно на такое расстояние — представлялось очень серьезным и требовало особых мер предосторожности. В любой момент мог показаться неприятель, с которым, может быть, придется вступить в борьбу, будь то индейские шайки или дикие звери. И те и другие были слишком многочисленны, отважны, кровожадны и быстры, так что довериться одной только быстроте лошади было, по меньшей мере, неразумно.

Уже отъехали довольно далеко от Гуаймаса. Его белые дома остались далеко за легкими, чуть заметными отлогими неровностями почвы. Капатас

21 в это время покинул свое место во главе каравана и подскакал галопом к паланкину, рядом с которым был дон Сильва.

— Ну, Блаз, что нового? Ты заметил впереди что-либо неладное?

— Ничего, сеньор, — отвечал капатас, — все идет отлично. Не более чем через час мы будем в ранчо.

— Зачем же ты так мчался ко мне?

— О, сеньор, пустяки. Мне пришла в голову одна мысль, которой я хотел бы поделиться с вами.

— Ага! — сказал дон Сильва. — Так в чем же дело, мой милый?

— Посмотрите, сеньор, — отвечал капатас, протягивая руку по направлению к юго-западу.

— Что это значит? Да там огонь, если я не ошибаюсь!

— Правда, сеньор, это огонь. Посмотрите теперь сюда.

И он указал на юго-восток.

— А вот и другой! Какой черт зажег там эти костры, с какой целью развели их на холмах?

— О! Все очень просто, сеньор.

— Ты полагаешь, друг мой? Ну, так объясни же мне.

— Я это и хочу сделать. Вот тот, — и он указал на первый костер, — разведен на холме, называемом Серро-дель-Гиганте.

— Верно.

— А этот, — продолжал капатас, указывая теперь на второй костер, — на холме Серро-де-Сан-Ксавье.

— Да, похоже.

— Я уверен в этом.

— Ну?

— Ну, костер не загорится сам собой, а в такую жару едва ли кому придет мысль разводить костер на горе...

— И ты заключаешь отсюда?..

— Я заключаю, что эти костры разведены индейцами или грабителями, которые узнали о нашем отъезде.

— Ну, ну! Звучит правдоподобно, друг мой, продолжай свое объяснение, оно крайне интересует меня.

Капатас дона Сильвы был здоровенный мужчина лет сорока, геркулесовского сложения, душой и телом беззаветно преданный своему господину, который во всем доверял ему. Услышав благосклонную речь асиендадо, этот достойный человек нагнулся вперед с улыбкой удовольствия.

— О! Теперь мне осталось сказать пустяки, — докончил он, — по

этому сигналу мошенники, вероятно, хотят дать знать своим товарищам, что дон Сильва де Торрес покинул Гуаймас и направляется в пуэбло Сан-Хосе.

— Мне кажется, что ты прав, я совсем забыл об этих хищных птицах, которые подстерегают нас по дороге. Но, в конце концов, к чему все это! Пусть себе разбойники идут по нашим следам, мы не скрываемся и выехали из города при таком скоплении зевак, что каждый желающий мог знать об этом. Нас так много, что никакое покушение нам не страшно. Но если кто-либо из этих бездельников осмелится напасть на нас, у нас найдется кое-кто, кто сумеет поговорить с ними по душам! Я уверен в этом. Поэтому едем вперед смело и спокойно, мой милый Блаз, с нами не может случиться ничего неприятного.

Капатас поклонился своему господину и галопом вновь вернулся на свое место во главе каравана.

Час спустя караван без особенных приключений достиг Сан-Хосе.

Дон Сильва все время ехал рядом с паланкином дочери и разговаривал с ней, получая от нее лишь редкие односложные ответы. Несмотря на все свои старания, она не могла скрыть своей грусти. В это время асиендадо услышал, как его кто-то окликнул несколько раз. Он обернулся и узнал в человеке, звавшем его, графа Лорайля.

— Как, сеньор граф! Вы здесь? — воскликнул он. — По какой причине я встречаю вас так близко от дома? Ведь вы хотели за ночь отъехать далеко вперед.

Увидев графа, молодая девушка почувствовала, что ее охватило волнение и краска залила щеки. Она откинулась на спинку сиденья и опустила занавеси.

— О! — отвечал граф, приподняв шляпу и приветствуя асиендадо. — Со вчерашнего вечера со мной случилось нечто, о чем я расскажу вам, дон Сильва. Я знаю, это удивит вас. Но сейчас некогда разговаривать.

— Как вам угодно, друг мой. А теперь, что вы здесь делаете? Вы хотите ехать или остаться?

— Я еду, еду. Я остановился здесь лишь для того, чтобы дожидаться вас. Если я не помешаю вам, поедем вместе. Вместо того, чтобы приехать в Гетцали раньше вас, мы приедем вместе, вот и все.

— Вот и отлично. Вперед, — прибавил асиендадо и сделал капатасу знак отправляться, так как, увидав, что господин его беседует с графом, он остановился. Караван тронулся.

Пуэбло Сан-Хосе скоро осталось позади. Отсюда, собственно, и начиналось настоящее путешествие.

Перед путешественниками раскинулась пустыня. Во все стороны тянулась бесконечная песчаная, слегка всхолмленная равнина. Извилистая линия, обозначенная только белеющими костями павших мулов и лошадей, представляла собой дорогу, которой следовало держаться, чтобы не сбиться окончательно с пути.

В двухстах шагах впереди каравана трусил на ослике какой-то человек. И ослик, и его всадник, казалось, вот-вот упадут на землю и заснут под горячими лучами солнца, отвесно падавшими на голову, — так они качались из стороны в сторону.

— Блаз! — подозвал асиендадо своего управляющего. — Кликни-ка этого индейца, который едет впереди, эти черти краснокожие знают пустыню как свои пять пальцев. Он будет служить нам проводником, с ним мы не заблудимся.

— Это верно, — заметил граф, — в этих проклятых песках нет ничего легче, чем потерять направление.

— Ну, ступай, догони его.

Капатас пришпорил лошадь. Подъехав к одинокому путнику, он приложил рупором руки к губам и крикнул:

— Эй, хосе!

В Мексике все индейцы, сделавшиеся мансос, то есть оседлыми, называются хосе и отвечают на этот призыв, ставший для них нарицательной кличкой.

Индеец обернулся.

— Чего надо? — спросил он, сохраняя полную невозмутимость.

Это был тот самый индеец, которого мы видели в Гуаймасае перед домом дона Сильвы, внимательно следивший за приготовлениями к отъезду.

Каким образом очутился он здесь, случайно или нарочно? Никто не мог ответить на это.

Блаз Васкес, капатас дона Сильвы, слыл человеком уже издавна хорошо знакомым со всеми хитростями индейцев, так же как с характером и нравами диких зверей, с которыми он одинаково часто сталкивался, охотясь за теми и другими. Он оглядел путника инквизиторским взглядом, который тот вынес с полным спокойствием. Голова его была боязливо наклонена, руки беспомощно лежали на шее ослика, оголенные ноги болтались по обоим бокам животного. Словом, это был тип мансосу, в полной мере переделанного гибельным влиянием белых людей.

Капатас с недовольным видом тряхнул головой, его пронизывающий взгляд ничего не открыл ему, поэтому он обратился к индейцу с прямыми

вопросами.

— Что ты делаешь здесь один, хосе?

— Еду из дель-Пуэрто, я был там плотником. Я жил там месяц, немного заработал, как мне хотелось, и теперь еду домой в деревню.

Ни малейшего сомнения не могли возбудить эти слова, все яки поступают таким образом. Да и к чему бы человеку этому обманывать капатаса? Он был один и безоружен. Напротив, караван был многочислен и состоял из преданных людей. Чего опасаться этого индейца?

— А много ты заработал? — продолжал расспросы капатас.

— Да, — с торжествующим видом ответил индеец, — пять пиастров, да потом еще три.

— Ого, хосе, да ты богач!

Яки неопределенно улыбнулся.

— Да, у Тибурона есть деньги.

— Тебя зовут Тибурон? — с презрением переспросил капатас. —

Скверное имя. [22](#)

— Почему же? Бледнолицые дали его своему красному сыну, он находит его хорошим, так как дали его бледнолицые, и он хранит его.

— А далеко твоя деревня?

— Если бы у меня была хорошая лошадь, я доехал бы за три дня. Деревня Тибурона находится между Рио-Хилой и Гетцали.

— Так ты знаешь Гетцали?

Индеец только пожал плечами и презрительно фыркнул.

— Краснокожие знают все земли охоты по Хиле, — отвечал он.

В это время караван нагнал разговаривавших.

— Ну что, Блаз? — спросил дон Сильва. — Что это за человек?

— Индеец племени яки. Он заработал немного в дель-Пуэрто и возвращается домой в деревню.

— Может он нам быть полезен?

— Я думаю, да. Его племя, говорит он, живет между Рио-Хилой и Гетцали.

— Не из племени ли он Белого Коня? — спросил приблизившийся в это время граф.

— Да, из племени Белого Коня, — отвечал индеец.

— О! Ну, так я ручаюсь за этого человека, — оживленно продолжал граф, — это очень смиренные индейцы, это бедные, жалкие люди, они почти умирают от голода, я часто даю им работу у себя на асиенде.

— Слушай, — обратился к индейцу дон Сильва, фамильярно ударив его по плечу, — мы идем в Гетцали.

— Ну?

— Нам нужен надежный и честный проводник.

— Тибурон беден, у него только этот ослик, очень слабый, и он не может поспевать за бледнолицыми братьями.

— Об этом не беспокойся, — прибавил асиендадо, — я дам тебе такую лошадь, на какой ты еще никогда ни сиживал. Если ты будешь служить нам честно, то по приезде на асиенду я прибавлю тебе еще десять пиастров. Согласен?

Глаза индейца заблестели жадностью при этих словах.

— А где же лошадь? — спросил он.

— Вот она, — указал ему капатас на великолепного скакуна, подведенного в это время пеоном.

Краснокожий окинул коня взглядом знатока.

— Итак, ты согласен? — спросил асиендадо.

— Согласен, — отвечал индеец.

— Ну, так слезай со своего осла и едем.

— Тибурон не бросит своего ослика, Тибурон любит его и обязан ему.

— Об осле не беспокойся, он пойдет вместе с моими мулами.

Индеец кивнул в знак согласия и ничего не ответил. Через несколько секунд он уселся на коня, и караван вновь тронулся.

Один только капатас не был доволен так неожиданно встретившимся проводником и тихо пробурчал:

— Ну, уж я не спущу с него глаз.

Путешествие продолжалось. Целый день ехали, не встретив ничего особенного. Утром достигли Рио-Хилы.

Берега Рио-Хилы представляли по своему плодородию резкий и радостный контраст с полной безжизненностью окружавших ее сухих равнин. Путешествие донна Сильвы вдоль ее берегов, несмотря на то, что происходило в полдень под палящими лучами солнца, стоявшего почти над головой, походило на приятную прогулку — так густа и прохладна была тень лесной растительности.

Было около трех часов пополудни, когда вдруг из этого леса совсем близко от путешественников показалась колония Гетцали, основанная графом Лорайлем. Хотя она была основана всего года полтора тому назад, но за это время сильно разрослась.

Колония состояла из асиенды, вокруг которой были разбросаны хижины рабочих. Опишем это место в нескольких словах.

Асиенда стояла на полуострове, образованном излучиной реки, около трех четвертей мили в поперечнике. Вокруг нее расстились рощи и луга,

на них без присмотра паслись до четырех тысяч голов скота, на ночь загонявшегося в отгороженные места на берегу реки, служившей асиенде естественной защитой. Полуостров в самом узком месте, соединявшем его с остальной землей, имел не более четырех ярдов. Этот перешеек был укреплен батареей из пяти пушек большого калибра, впереди которой находился ров, наполненный водой.

Сама асиенда была окружена высокими зубчатыми стенами с башнями по углам и представляла собой крепость, способную выдержать длительную осаду. На башнях стояли восемь пушек, защищавших ворота. Внутри за стенами находилось длинное одноэтажное здание с плоской крышей. Два флигеля выдавались вперед справа и слева. Правый флигель предназначался для хранения хлеба, сена, орудий сельского хозяйства и прочего, а в левом жил капатас с многочисленным штатом прислуги.

Широкая терраса, огражденная красивой решеткой и с одной стороны покрытая крышей, лежавшей на каменных столбах, вела в комнаты, которые занимал граф и которые были меблированы с простым, но изящным комфортом загородных домов в Испанской Америке.

Между террасой и стеной, окружавшей асиенду, был разбит на откосе английский сад, содержащийся в порядке, но такой густой и тенистый, что в двух шагах ничего нельзя было разглядеть. Особую прелесть ему придавали громадные дикие камни, выступавшие кое-где из земли. Напротив входа на террасу из дома в стене, окружавшей асиенду, находилась небольшая, едва приметная калитка. Пространство до стены с другой стороны было занято кораллами, между которыми на широкой площадке ежегодно в определенное время производилось убиение определенного количества голов.

Карниз дома просвечивал сквозь окружавшую его густую растительность и был виден издалека. Трудно было представить себе что-либо живописнее вида на асиенду с ее зубчатыми стенами, тонувшими в целом море зелени.

Не уступал ему и вид из окон главного дома. С одной стороны развевалась бесконечная равнина, а с другой — серебряной лентой извивалась и исчезала в голубой дымке капризная Рио-Хила.

С тех пор как апачи пытались взять асиенду, на крыше главного дома выстроили бельведер с вышкой, на которой день и ночь ходил часовой. В его обязанности входило возвещать звуком рожка о приближении всякого постороннего человека, державшего путь на асиенду.

Кроме того, на упомянутом перешейке постоянно находился караул из шести человек, и пушки были всегда заряжены.

Неудивительно поэтому, что караван заметили с асиенды еще издали, и управляющий графа, старый солдат по имени Мартин Леру, служивший в Америке, встал за батареей, чтобы окликнуть подъезжавших, как только они будут на расстоянии человеческого голоса.

Дону Сильве были известны обычаи, принятые на асиенде. Эти обычаи были общие на всех асиендах, расположенных близ границы и потому обязанных держаться настороже из-за набегов индейцев.

Ему только показалось странным, что управляющий графа не отворяет ворот, хотя он уже должен был отлично узнать его. Он даже заметил это графу.

— Это не важно, — ответил граф, — Гетцали всегда на военном положении. Устав должен строго соблюдаться по отношению ко всем без исключения, от этого зависит жизнь в этих местах. Мартин узнал меня уже давно, я уверен в этом, но он, может быть, думает, что я попал в плен к индейцам, которые только для вида держат меня на свободе, чтобы легче овладеть асиендой. Будьте уверены, что мой осторожный управляющий только тогда пропустит нас, когда после опроса вполне убедится, что наши одежды белых не надеты на красную кожу.

— Да, — пробормотал дон Сильва в сторону, — правда, эти европейцы все предусмотрят. О! Они задавят нас!

Караван подошел к батарее шагов на двадцать.

— Я полагаю, — заметил граф, — что если мы не желаем, чтобы нас обдали градом картечи, то нам следует остановиться.

— Как! — с удивлением воскликнул дон Сильва. — Они будут стрелять?

— Обязательно.

Оба они остановили своих лошадей и стали ждать окрика.

— Кто идет? — спросил по-французски сильным голосом Мартин Леру и вышел на вал батареи.

— Ну, что скажете теперь? — сказал граф дону Сильве.

— Это великолепно... вот это дисциплина!.. — в восторге проговорил тот.

— Друзья! — ответил граф на окрик. — «Лорайль и свобода», — произнес он затем пароль.

— Отлично. Опускай, — скомандовал голос. — Это друзья, и дай Бог нам почаще принимать таких.

Пеоны опустили подъемный мост через ров, единственное средство для въезда на асиенду.

Караван перешел по мосту, который немедленно поднялся.

— Простите меня, капитан, — проговорил Мартин Леру, отдав графу честь и приветствуя его, — я давно узнал вас, но мы живем в стране, где никакая предосторожность не излишня.

— Вы исполнили свой долг, лейтенант, я могу вас только благодарить. Что нового у вас?

— Ничего особенного. Я послал в пустыню охотников, они донесли мне, что набрали на оставленный кем-то костер, — вероятно, индейцы бродят в окрестностях.

— Поглядим.

— О! Я уже приготовился, особенно теперь: приближается месяц, который команчи называют Мексиканской луной. Я не прочь, если они осмелятся подойти к нам, дать им урок, который они не забудут и впредь.

— Я разделяю ваше мнение. Удвоим осторожность, и все пройдет хорошо.

— Будут у вас еще распоряжения?

— Нет.

— Тогда я пойду. Ведь вы, капитан, возложили на меня обязанность следить за всеми мелочами, поэтому я должен поспевать всюду.

— Идите, лейтенант, я вас не задерживаю.

Старый служака взял под козырек перед капитаном, сделал капатасу дона Сильвы дружеский знак рукой и в сопровождении его и пеонов, ведших мулов, удалился.

Граф провел своих гостей в комнату, предназначенную для них и комфортабельно убранную.

— Дон Сильва, — обратился он к асиендадо, — весь дом к вашим услугам, отдохните. Вы и донья Анита, должно быть, очень устали от долгой езды. А завтра, если позволите, поговорим о делах.

— В любое время, когда вам угодно, друг мой!

Граф отвесил гостям глубокий поклон и удалился. С тех пор как он в первый раз увидел донью Аниту, ему не удалось перекинуться с ней ни единым словом.

На дворе граф нашел проводника-индейца. Он расхаживал взад и вперед и курил. Граф подошел к нему.

— Эй ты, вот тебе десять пиастров, которые тебе обещали.

— Благодарю, — сказал индеец, принимая плату.

— Что же ты теперь собираешься делать?

— Отдохнуть здесь до завтра, и завтра же отправиться в свою деревню.

— Тебе очень нужно попасть туда?

— Мне? Вовсе нет.

— Так оставайся здесь.

— Зачем?

— Я скажу тебе: быть может, через несколько дней ты мне понадобишься.

— А мне заплатят?

— И очень даже щедро. Согласен?

— Да.

— Так ты остаешься?

— Остаюсь.

Граф удалился, не заметив странного взгляда, которым проводил его индеец.

ГЛАВА IX. Свидание в пустыне

На расстоянии приблизительно трех выстрелов от асиенды в густую поросль мастичных деревьев мексиканской смоковницы, ветел, дикого хлопчатника, перуанской акации за час до захода солнца въехал всадник, слез с коня — великолепного мустанга с горячим взглядом и красивой шеей, спутал ему ноги, пронцательно взглянул кругом и, удовлетворенный окружавшей его тишиной, стал готовиться к ночлегу.

Жизнь этого человека давно перевалила на вторую половину. Это был индейский воин высокого роста, одетый в настоящий команчский костюм. Хотя на вид ему было около шестидесяти лет, он был бодр, как юноша, и ни одного признака старческой расслабленности нельзя было обнаружить ни на его умном лице, ни на его крепких мускулистых членах. Орлиное перо в густых волосах показывало, что он был облечен саном сахема ²³. Этот вождь был Орлиная Голова, с которым читатель познакомился в одном из предыдущих рассказов.

Положив подле себя карабин, он набрал сухих сучьев и зажег костер, затем бросил в огонь несколько кусков сухого мяса и маисовых лепешек. Тем и окончились все его приготовления к скудному ужину. Он закурил трубку, сел возле огня и стал курить с обычным спокойствием, которое не покидает индейцев ни при каких обстоятельствах.

Прошло два часа. Ничто не нарушало спокойствия вождя.

Настала ночь, тьма окутала пустыню, тишина, в которой слышалось дыхание природы, проникла в бесконечный таинственный простор прерий.

Индеец оставался неподвижным, изредка поглядывая на своего коня, который весело щипал цепкую повилику и молодые побеги деревьев.

Вдруг Орлиная Голова поднял голову, наклонился всем телом вперед и, не изменяя положения тела, протянул руку к карабину. Конь его перестал есть, прижал уши и заржал во весь голос.

Лес оставался все таким же спокойным, но чуткое ухо индейца различило в этом спокойствии подозрительный шорох.

Через несколько секунд нахмурившееся лицо вождя прояснилось, он поднес указательные пальцы обеих рук ко рту и с таким искусством два-три раза повторил мелодичную руладу, что любой знаток птиц, спрятавшийся по соседству, поклялся бы, что это поет настоящий мексиканский соловей.

Не прошло и минуты, как со стороны реки несколько раз послышался крик водяной курочки.

Вслед за этим последовали шаги приближающихся лошадей, треск ломавшихся сучьев и шорох листьев. Два всадника выехали к костру.

Вождь даже не повернулся, чтобы узнать, кто это такие. Вероятно, он знал, кто должен был приехать к нему сюда.

Эти двое были дон Луи и Весельчак.

Они спутали ноги своих лошадей, пустив их пастись вместе с лошадьёю вождя, улеглись около костра и по приглашению вождя приняли участие в предложенной им трапезе.

Вчера дон Луи и Весельчак выехали из Ранчо и без отдыха ехали на свидание с Орлиной Головой.

Граф де Лорайль предложил им в пулькерии ехать вместе, но Весельчак отклонил это предложение. Не зная, для чего звал его вождь, он считал неудобным посвящать в его тайны постороннего человека.

Тем не менее они расстались с виду весьма дружелюбно, и граф горячо упрашивал дон Луи и канадца навестить его в Гетцали, на что те тоже отвечали уклончиво.

Удивительный случай: впечатление, произведенное графом на обоих искателей приключений, было настолько не в его пользу, что оба они, как бы по молчаливому соглашению, не только не сказали ему своих имен, но не открыли даже своей национальности и все время говорили с ним по-испански, хотя с первых же слов увидели, что граф француз. Разговор все время велся, однако, с самой утонченной вежливостью.

Когда ужин был закончен, Весельчак набил свою трубку и потянулся к костру за углем.

— Пусть брат мой подождет, — вдруг остановил его индеец.

Это были первые слова, произнесенные между тремя сидевшими у костра людьми — до сих пор они упорно молчали.

Весельчак посмотрел на него.

— Что-нибудь не так? — спросил он.

— Вождь не знает, — отвечал Орлиная Голова, — вождь услышал только подозрительный шорох, и далеко с подветренной стороны он слышал, как несколько бизонов, которые спокойно паслись, вдруг без всякой причины побежали.

— Гм! — буркнул канадец. — Это неспроста. Что ты думаешь об этом, Луи?

— В пустыне, — медленно ответил дон Луи, — все имеет причину, ничего не происходит случайно. Я думаю, что если нам ничего определенного не известно, то лучше всего ни на минуту не смыкать глаз. А вот еще, — добавил он, подняв голову и указывая товарищам на быстро

проносившихся над ними больших птиц, — часто ли вам приходилось видеть, чтобы кондоры стаей носились в такой час?

Вождь тряхнул головой.

— Похоже, — пробормотал он, — собаки-апачи вышли на охоту.

— Возможно, — подтвердил Весельчак.

— Прежде всего, — подал свое мнение француз, — погасим огонь. Его отблеск, как бы ни был он слаб, может выдать нас.

Его товарищи последовали этому совету, и костер тотчас же был потушен.

— Бледнолицый брат вождя умен, — с изысканностью, свойственной индейцам, заметил Орлиная Голова, — и знает прерии. Вождь счастлив видеть его около себя.

Дон Луи поклонился вождю.

— Теперь, — продолжал Весельчак, — мы почти невидимы, никакая прямая опасность не грозит нам. Поговорим о делах. Вождь первый предупредил нас об опасности, ему и слово. Пусть он скажет что думает.

Индеец запахнулся в свой плащ. Собеседники приблизились друг к другу, чтобы можно было говорить вполголоса, и совет начался.

— С утра, с восходом солнца, — начал Орлиная Голова, — вождь ехал по прерии, торопясь достигнуть назначенного места свидания. Чтобы сократить путь, вождь ехал все время прямо, не сворачивая. Повсюду вдоль дороги встречались четкие следы недавно прошедшего большого отряда. Воины ехали не друг за другом, а широкой колонной. Видно, что они не боялись, потому что их много, им не для чего скрываться. Эти следы шли долго, но вдруг исчезли, и вождь, как ни старался, не мог вновь найти их.

— Ах, черт возьми! — тихо проговорил канадец. — Это неспроста.

— Сначала, — продолжал краснокожий, — вождь не обращал внимания на эти следы, но позже он почувствовал беспокойство — и вот вождь говорит вам об этом.

— Почему вождь так обеспокоился? — невольно подражая Орлиной Голове, произнес внимательно слушавший его дон Луи.

— Вождь думает — и докажет это, — что открытые в прериях следы принадлежали многочисленному отряду, направляющемуся против большого вигвама бледнолицых Гетцали.

— Что навело тебя на эту мысль? — продолжал расспрашивать дон Луи.

— Вот что. В час, когда аллигатор вылезает из прибрежного ила и выплывает в Рио-Хилу, вождь услышал невдалеке топот лошадиных копыт. Чтобы не быть открытым, вождь забрался в густую чащу и видел, как на

расстоянии полета стрелы от него в сторону Гетцали прошел отряд бледнолицых.

— Я знаю это, — заметил Весельчак. — Дальше.

— Вождь узнал человека, служившего проводником отряду, хотя тот сделал все, чтобы стать непохожим на себя, и вот вождь разгадал адскую хитрость собак-апачей.

— Кто же был этот проводник?

— Этого человека знает брат вождя. Это Черный Медведь, великий вождь племени Белого Ворона.

— Вождь, если ты не ошибся, то здесь скоро произойдет страшная резня. Черный Медведь неумолимый враг белых.

— Вот потому-то вождь и говорит это своему брату. Но какое нам дело? В пустыне у каждого хватает забот, чтобы еще заниматься другими.

Канадец покачал головой и сказал:

— Да, то, что ты говоришь, верно, нам придется оставить жителей асиенды на произвол судьбы и не вмешиваться в дела, которые могут причинить нам только неприятности.

— Итак, сообразно с этим вы и хотите поступить? — взволнованно спросил его француз.

— Я не говорю этого окончательно, — ответил канадец, — но дело, во всяком случае, очень трудное. Против нас очень много врагов.

— Да, но те, на кого хотят напасть, ведь ваши соотечественники?

— Вот это-то и усложняет вопрос. Мне жалко, если этих несчастных оскальпируют. С другой стороны, если мы ввяжемся в это дело, то рискуем сами сделаться жертвами нашей самоотверженности.

— Ну, зачем так думать?

— Чтобы взвесить все за и против. Не рассчитав всех последствий, я никогда ничего не предпринимаю, но, раз решив, уже не сворачиваю в сторону.

Дон Луи рассмеялся, услышав такое своеобразное рассуждение.

— У меня есть план, — вновь начал через минуту канадец. — Ночь, конечно, не пройдет без того, чтобы мы не узнали чего-либо нового. Подойдем поближе к реке, и я уверен, что сомнения наши разрешатся. Мы увидим, что надо делать. Лошади здесь в безопасности, оставим их на этом месте, а то они нам могут помешать.

Все трое легли наземь и стали ползти в направлении, указанном Весельчаком.

Ночь стояла чудная. Луна светила, воздух был так чист, что на ровном месте предметы были видны с очень далекого расстояния.

Трое искателей приключений не вышли из-за своего укрытия и, достигнув опушки леса, замаскировались совершенно и стали ждать с тем терпением, на которое способны только лишь лесные американские охотники.

Тишина, царившая в великой пустыне, была настолько полная, что даже непривычное ухо без труда улавливало самые слабые звуки. Вот ветка упала на воду, вот камешек отвалился от берега, подмытый водой, вот непрерывный, неумолкаемый тихий говор речных струй, бегущих по каменистому руслу, вот сова перелетает с сучка на сучок, шелестя крыльями. Все эти звуки отчетливо выделяются в ночной тишине.

Так прошло несколько часов. Все трое лежали спокойно, не двигаясь, как бы окаменев, насторожив слух и зрение, держа пальцы на спусках карабинов. В эти минуты ничто не могло захватить их врасплох, но ничто и не подтверждало ни подозрений Орлиной Головы, ни предсказания Весельчака. Вдруг дон Луи почувствовал, что рука вождя коснулась его плеча, указывая ему на реку. Он привстал на колени и посмотрел в том направлении.

Почти незаметное движение виднелось на поверхности реки, как будто на глубине плыл аллигатор.

— Ну вот, — тихо проговорил Весельчак, — начинается то самое, чего мы ждали.

Вскоре показалась черная масса. Она скорее плыла по воздуху, чем по воде, и тихо продвигалась к тому месту, где в засаде сидели наши охотники.

Через несколько секунд эта масса остановилась, и несколько раз раздался вой луговой собаки.

Тотчас же отозвался вой шакала, раздавшийся так близко от наших наблюдателей, что они не могли удержаться и вздрогнули. Человек, висевший до того времени, уцепившись за сук громадного дуба, спрыгнул на землю в трех шагах от того места, где они лежали.

Он был одет в мексиканский костюм.

— Иди, вождь, — проговорил он вполголоса, сам не рискуя выйти на песчаную отмель, на которой стоял приплывший человек, — иди сюда, мы одни.

Человек вскарабкался на крутой берег и подошел к ожидавшему его на берегу.

— Брат вождя говорит очень громко, — заметил он, — в пустыне никогда нельзя думать, что находишься один. Листья имеют глаза, у деревьев есть уши.

— Что ты говоришь! Это вздор. Кому надо нас подслушивать? Кроме

твоих воинов, которые, вероятно, скрыты вблизи, никто не увидит и не услышит нас.

Краснокожий покачал головой.

Теперь, когда он стоял так близко от наших охотников, Весельчак убедился, что Орлиная Голова был прав, это действительно был Черный Медведь.

Оба встретившихся с минуту помолчали, глядя друг на друга.

Первым заговорил вкрадчивым тоном мексиканец.

— А ты ловок, вождь. Не знаю, как ты это устроил, но ведь ты вошел внутрь асиенды.

— Да, — отвечал индеец.

— Теперь нам остается сделать последние распоряжения. Ты — великий вождь, и я на тебя всецело полагаюсь. Вот то, что я обещал тебе. Я должен был уплатить тебе после, но не хочу, чтобы даже тень легла между нами.

Краснокожий оттолкнул кошелек, который ему протягивал его собеседник.

— Черный Медведь думал, — холодно проговорил он.

— О чем, если это не тайна?

— Воин не баба и не станет терять слова даром. То, что бледнолицый брат предлагает вождю апачей, тот отвергает.

— Что это значит?

— Что все условия разорваны.

Мексиканец с трудом подавил волнение, вызванное глубоким разочарованием при этом известии.

— Итак, ты не созвал своих воинов, и когда я дам знак, ты не нападешь на асиенду?

— Черный Медведь созвал своих воинов и нападет на бледнолицых.

— Что же означают твои слова? Признаюсь, вождь, я не понимаю тебя.

— Это оттого, что бледнолицый не хочет понять. Черный Медведь нападет на асиенду сам по себе.

— Так и было установлено между нами, мне кажется.

— Да. Но Черный Медведь видел Поющую Птичку, его вигвам пуст, он хочет ввести туда бледнолицую девушку.

— Несчастный! — в страшном раздражении закричал мексиканец. — Ты изменил мне!

— В чем вождь изменил бледнолицему? — отвечал краснокожий совершенно спокойно. — Бледнолицый предложил сделку, вождь отвергает ее, в чем тут измена?

Мексиканец закусил от ярости губы. Он едва сохранял самообладание и от душившего его гнева ничего не мог говорить.

— Я отомщу тебе, — задыхаясь, проговорил он наконец.

— Черный Медведь — могучий вождь. Он смеется над карканьем ворон. Бледнолицый ничего не сделает вождю.

Во мгновение ока мексиканец ринулся на краснокожего, схватил его за горло и, выхватив кинжал, приготовился вонзить его.

Но апач следил за всеми движениями своего противника. Не менее ловким движением он освободился из его тисков и мгновенно отпрыгнул, так что мексиканец не мог достать его.

— Бледнолицый осмелился коснуться вождя, — глухим голосом проговорил краснокожий, — и потому умрет.

Мексиканец выхватил из-за пояса пистолеты.

Нельзя сказать, чем бы закончилась эта сцена, если бы неожиданное обстоятельство не изменило ее совершенно.

С того же дерева, откуда несколькими секундами раньше появился мексиканец, спрыгнул теперь еще один человек, бросился на апача, поверг его на землю и отнял у него всякую возможность даже пошевелиться прежде, чем тот успел опомниться и хоть как-то защититься.

— На этом дубе, должно быть, сидит целый легион чертей, — с невидимой во тьме улыбкой прошептал Весельчак.

Мексиканец и человек, так кстати явившийся ему на помощь, связали индейца по рукам и ногам реатой.

— Теперь ты в моей власти, вождь, согласишься сделать то, что я захочу.

Апач нагло расхохотался и испустил резкий свист.

По этому сигналу словно из-под земли появились пятьдесят индейских воинов. Это произошло так быстро, что двое белых не успели оглянуться, как их окружило непроходимое кольцо.

— Черт возьми! — тихо шепнул Весельчак. — Дело осложняется. Посмотрим, что они будут делать.

— А мы что будем делать? — на ухо ему прошептал дон Луи.

Канадец ответил ему на это движением плеч, которое на всех языках означает: «Что поделаешь? Оставим все на волю Божию!» — и стал следить за всеми неожиданными перипетиями этой сцены.

— Кукарес! — крикнул своему товарищу мексиканец. — Держи хорошенько этого негодяя и при малейшем движении колени его, как собаку.

— Будьте спокойны, дон Марсиаль, — ответил леперо, вынимая из-за пояса длинный нож, отточенный клинок которого отразил голубоватый свет

луны.

— Что скажет Черный Медведь? — начал Тигреро, обращаясь к распростертому у его ног вождю.

— Жизнь вождя принадлежит бледнолицей собаке. Возьми ее, если осмелишься! — с презрительной улыбкой отвечал апач.

— Я не стану убивать тебя, но не из-за страха, так как страх мне не знаком, — сказал мексиканец, — а потому, что я презираю пролитие крови беззащитного врага, даже если враг этот такой, как ты, проклятый шакал.

— Пусть бледнолицая собака убьет вождя, но не глумится над ним, так говорит вождь. Пусть не теряет времени, а то воины могут потерять терпение, и собака-бледнолицый умрет неотомщенный.

— Напрасно ты все это говоришь, твои воины не двинут пальцем, пока ты в таком положении, ты сам это знаешь. Я предпочитаю предложить тебе мир.

— Мир! — проговорил вождь, и во взоре его сверкнула молния. — На каких условиях?

— На двух... Кукарес, отпусти реату, но смотри за ним.

Леперо повиновался. Вождь поднялся на колени.

— Пусть говорит бледнолицый, уши вождя открыты. Какие это условия?

— Прежде всего, я и мой товарищ можем удалиться куда хотим.

— Что еще?

— А затем ты обязуешься оставаться со своими воинами здесь и не возвращаться на асиенду в том облиии, которое ты принял в течение последних суток.

— Это все?

— Все.

— Пусть бледнолицый выслушает теперь вождя. Вождь принимает условия бледнолицего, но пусть бледнолицый выслушает условия вождя.

— Говори.

— Вождь войдет на асиенду в военном уборе своего племени, прежде чем солнце успеет трижды зайти за вершины высоких вечерних гор.

— Апач, ты хвастаешься, ты не можешь войти на асиенду иначе, как при помощи предательства.

— Увидим! — И, улыбнувшись зловещей улыбкой, вождь прибавил: — Поющая Птичка войдет в вигвам вождя апачей и будет жарить ему дичь.

Мексиканец презрительно пожал плечами.

— Ну что ж, попробуй овладеть асиендой, а с нею и молодой девушкой,

— Вождь попробует. Бледнолицый, руку!

— Вот она.

Апач обернулся к своим воинам, держа в своей руке руку Тигреро.

— Братья! — проговорил он повелительным властным тоном. — Этот бледнолицый — друг Черного Медведя, пусть никто не тронет его.

Воины молча наклонили головы и расступились, чтобы дать дорогу обоим белым.

— Прощай, — сказал Черный Медведь, провожая своего врага. — Двадцать четыре часа с этой минуты вождь не пойдет по следам бледнолицего. Вождь не пойдет по следам бледнолицего.

— Ты ошибаешься, апачская собака, — ответил дон Марсиаль презрительно, — это я не стану преследовать тебя.

— Отлично, так, значит, вождь и бледнолицый еще увидятся, — заметил на это Черный Медведь.

И он удалился медленным и твердым шагом в сопровождении своих воинов, звуки шагов которых вскоре затихли в лесной глуши.

— Право, дон Марсиаль, — начал леперо, — я думаю, что напрасно вы так легко отпустили эту индейскую собаку.

— Надо же было как-нибудь выйти из ловушки, в которую мы попали. Но партия еще не сыграна. Пойдем, найдем лошадей.

— Подождите еще одну минуту, — вдруг заговорил Весельчак, выходя из своей засады с двумя своими товарищами.

— Что там такое, кто там еще? — закричал растерявшийся Кукарес и схватился за свой нож, тогда как дон Марсиаль спокойно вооружился двумя пистолетами.

— Что это такое, кабальеро? — невозмутимо переспросил Весельчак. — Мне думается, вы сами это хорошо видите.

— Я вижу трех человек.

— Совершенно верно, вы видите трех человек, которые незримо присутствовали при сцене, которую вы так храбро закончили, трех человек, которые готовы были прийти к вам на помощь, если бы в этом была необходимость, и которые и теперь предлагают вам действовать вместе, чтобы помешать разграблению асиенды апачами. Согласны ли вы?

— Все это хорошо, — отвечал Тигреро, — но я хотел бы знать, что побуждает вас поступать так?

— Во-первых, мы желаем оказать вам услугу, а во-вторых, спасти скальпы несчастных, находящихся сейчас на асиенде, которым угрожают эти проклятые апачи.

— Тогда я с великой признательностью принимаю ваше предложение.

— Не угодно ли последовать за нами туда, где мы остановились, чтобы вместе обсудить план действия?

Как только Кукарес убедился, что трое так неожиданно появившихся людей не являются врагами, он заткнул мачете за пояс и пошел за лошадьми, которые паслись невдалеке. Он вернулся к концу разговора, и все трое направились к тому месту, где расположился Орлиная Голова.

— Имейте в виду, — обратился Весельчак к дону Марсиалю, — сегодня ночью вы приобрели себе неумолимого врага. Если вы не поторопитесь убить его, то не сегодня завтра Черный Медведь убьет вас. Апачи не прощают оскорблений.

— Я это знаю и приму меры, будьте спокойны.

— Это ваше дело. Не лучше ли было бы вам освободиться от него в тот момент, когда вы его повалили, чтобы не думать о последствиях.

— Могли я ожидать, что друзья мои находятся так близко от меня? О, если бы я знал это.

— Ну, что сделано, то сделано, нечего об этом и говорить.

— А как вы думаете, сдержит ли этот человек свое слово?

— О! Вы не знаете Черного Медведя, он твердо держит данное слово и не сделает ничего, что не согласуется с самыми высокими понятиями о чести. Вы видели, что пока вы говорили с ним, он не юлил, все слова его были прямы.

— Это правда.

— Так что будьте уверены, он сдержит слово.

На этом разговор прервался. Дон Марсиаль вдруг стал задумчив — он размышлял об угрозах апачского вождя.

Они подошли к потухшему костру.

Орлиная Голова тотчас же принялся разводить его.

— Что ты делаешь? — заметил ему Весельчак. — Ты дашь знать о нашем присутствии здесь.

— Нет, — ответил ему команчский вождь, отрицательно покачав головой, — Черный Медведь ушел теперь со своими воинами. Они уже далеко, предосторожности излишни.

Скоро костер разгорелся. Все пятеро с удовольствием уселись вокруг него и закурили трубки.

— Слава Богу, все окончилось благополучно, — начал после минутного молчания канадец, — без того удивительного хладнокровия, которое вы выказали, я не знаю, удалось бы вам так удачно отделаться.

— Подумаем теперь, как нам расстроить планы этих дьяволов, — сказал мексиканец.

— Очень просто, — заметил дон Луи. — Один из нас завтра явится на асиенду, расскажет обо всем случившемся, владелец примет меры, вот и все.

— Да, я согласен с этим, так и сделаем, — подтвердил Весельчак.

— Пять человек ничего не значат против пятисот, — заметил Орлиная Голова, — следует предупредить бледнолицых.

— Действительно, нам нужно привести это в исполнение, — проговорил Тигреро, — но кто из нас пойдет на асиенду? Мой товарищ и я не можем сделать этого.

— Я полагаю, что помехой тут ваша любовь, о которой вы упомянули в разговоре с индейцами, — тонко заметил канадец, — я понимаю, что вам трудно.

— Ну, что толку говорить об этом! — прервал его дон Луи. — Завтра на восходе солнца я берусь пройти на асиенду и объясню ее владельцу, какая опасность ему угрожает.

— Пусть будет так, это хорошее решение, — заключил совещание Весельчак.

— Ну, а что касается нас с товарищем, то как только наши лошади отдохнут, мы вернемся назад в Гуаймас.

— Нет, позвольте, — возразил дон Луи, — мне кажется, вам следует выработать для себя план действий и узнать результаты моего посещения асиенды. Это, я думаю, интересует вас больше, чем нас.

Мексиканец сделал движение, как будто собирался не согласиться с доводами дон Луи, но, подумав, сказал:

— Вы правы, я забыл об этом. Хорошо, я подожду вашего возвращения с асиенды.

Все пятеро искателей приключений обменялись после этого несколькими фразами, завернулись в свои плащи, растянулись на земле и заснули.

Глубочайшая тишина царила на небольшой полянке, слабо освещаемой красноватым отблеском потухавшего костра.

Около двух часов ночи, когда наши герои наслаждались безмятежным сном, кусты вдруг неслышно раздвинулись, и из них вышел человек.

Он постоял с минуту, прислушался, затем пополз, крадучись, к тому месту, где спал Тигреро.

При свете костра можно было без труда узнать, что это Черный Медведь. Вождь апачей вынул из-за пояса свой нож и тихо положил его на грудь Тигреро. Затем, оглядевшись вокруг, чтобы удостовериться, что все пятеро крепко спят, он исчез в кустарнике, который тотчас же сомкнулся за

ним, словно проглотил его.

ГЛАВА X. Перед нападением

При первом крике жаворонка, то есть при самом восходе солнца, пять искателей приключений проснулись.

Ночь прошла спокойно, ничто не нарушило глубокого сна отдыхавших людей. Но под утро обильная свежая роса насквозь промочила их плащи, и они поспешили подняться, чтобы размять застывшие и онемевшие члены.

При первом движении дона Марсиаля с его груди на землю упал нож. Мексиканец подобрал его и испустил крик удивления, почти ужаса, показывая его товарищам.

Рукоятка ножа была еще покрыта большими кровавыми пятнами. Мы знаем, как этот нож попал к Марсиалю.

— Что это значит? — закричал он, потрясая ножом.

Орлиная Голова взял его и внимательно рассмотрел.

— О-о-а! — с изумлением проговорил он. — Черный Медведь приходил к нам, когда мы спали.

Охотники не могли удержаться, чтобы не выразить своего ужаса.

— Это невозможно! — заявил Весельчак.

Индеец только покачал головой.

— Нет, это скальпировальный нож апачского вождя, на рукоятке вырезан тотем его племени.

— Да, это верно.

— Черный Медведь великий и славный вождь, его сердце велико и может вместить весь мир. Черный Медведь не отступит от данного слова и показывает врагу, что он был владыкой жизни его и что он сумеет взять ее в тот час, когда найдет это удобным. Вот что значит этот нож, положенный на грудь гачупина ²⁴ во время сна.

Четверо белых были смущены такой отвагой; дрожь пробежала по их телу, когда они подумали, что были во власти врага, который не унизился до того, чтобы убивать сонных, а удовлетворился тем, что так гордо бросил им вызов. Особенно мексиканец, несмотря на всю свою смелость, почувствовал, как замерло у него сердце, когда он представил картину: себя — спящего, и над собой апача, своего врага, с ножом.

К канадцу первому вернулось хладнокровие.

— Ах, каналья, — воскликнул он, — хорошо сделала эта собака, что предупредила нас. Теперь мы будем держать ухо востро.

— Гм! — заявил Кукарес. — Я вовсе не имею охоты быть

оскальпированным. Нисколько! — И он провел рукой по своей густой, всклокоченной, войлоком свалявшейся шевелюре.

— Что же делать, — заметил ему Весельчак, — иногда нет возможности отказаться от этого.

— Быть может, но мне не хотелось бы это испробовать.

— Теперь уже день, — проговорил молчавший до этого дон Луи, — я думаю, что пора мне идти на асиенду. Как вы полагаете?

— Не следует терять ни минуты, чтобы раскрыть то, что затевает враг, — подтвердил дон Марсиаль.

— Тем более, что нам надо принять кое-какие меры и договориться обо всем поскорее, — заметил Весельчак.

Индеец и леперо в знак согласия кивнули головами.

— Теперь условимся, где нам встретиться, — продолжал дон Луи. — Вы не можете оставаться здесь, так как индейцы весьма легко могут отыскать вас.

— Да, — ответил, задумавшись, Весельчак, — но я не знаю здешних мест и не могу придумать ничего подходящего.

— Вождь знает такое место, — заявил Орлиная Голова, — вождь проведет туда бледнолицых братьев, и туда придет бледнолицый брат на пути из большого вигвама бледнолицых.

— Хорошо, но ведь мне нужно знать это место, — заметил дон Луи.

— Пусть брат вождя не смущается. Когда брат выйдет из большого вигвама, вождь будет возле брата и поведет его.

— Ну, пусть так. До свидания.

Дон Луи оседлал лошадь и галопом удалился по направлению к асиенде, стоявшей, как мы сказали, от того места, где находились наши искатели приключений, на расстоянии двух-трех ружейных выстрелов.

* * *

Граф де Лорайль с беспокойством ходил по низкой комнате, служившей прихожей в главном доме.

Против его воли встреча с мексиканцем живо занимала его. Он хотел услышать от доньи Аниты откровенное признание, которое она сделала бы перед лицом своего отца и которое рассеяло бы его сомнения и дало бы ключ к объяснению этой тайны.

Состояние его духа омрачалось еще и другим обстоятельством, порождавшим в нем немало беспокойство.

На рассвете Диего Леон, один из лейтенантов, объявил ему, что проводник-индеец, которого он оставил вчера, ночью исчез без следа.

Последнее обстоятельство имело громадную важность. Приближалась Мексиканская луна. Проводник оказался, очевидно, индейским шпионом, имевшим намерение узнать, сколько на асиенде войска и как ею можно завладеть.

Апачи и команчи должны были быть неподалеку. Возможно, что они находились перед самой асиендой, скрытые в высокой траве прерии, готовясь в удобный момент броситься на своих заклятых врагов.

Граф не скрывал от себя, что если положение в действительности было не из благоприятных, то причиной тому — он сам.

Правительство дало ему важное поручение — защищать кусок границы от вторжений индейцев. Но до сих пор он не предпринял ничего существенно важного для исполнения этого поручения, которое он не только принял, но даже более того, сам добивался его.

Мексиканская луна индейцев начиналась в этом месяце. Необходимо было до ее наступления нанести решительный удар, который внушил бы индейцам страх, помешал бы им соединить свои силы и разрушил бы все их планы.

Граф раздумывал таким образом довольно долго, совершенно забыв о гостях, которым он еще не показывался. В это время перед ним появился старый лейтенант.

— Что вы, Мартин? — спросил его граф.

— Простите, что беспокою вас, капитан. Диего Леон стоит в карауле при батарее на перешейке с восемью людьми и доложил мне, что какой-то всадник требует видеть вас по весьма важному делу.

— Что за всадник?

— Белый, хорошо одетый, на великолепной лошади.

— Гм! Больше он ничего не говорит?

— Простите, забыл. Он прибавил еще: «Скажите вашему командиру, что я один из тех людей, которых он встретил в ранчо Сан-Хосе».

Лицо графа при этом прояснилось.

— Ну, так впустите его, это друг.

Лейтенант удалился.

Оставшись один, граф вновь начал ходить из угла в угол.

— Чего хочет от меня этот человек? — бормотал он про себя. — Когда я в Ранчо предложил ему с товарищем ехать сюда вместе со мной, оба они отказались. Что же заставило их так быстро изменить свое решение? Впрочем, к чему ломать голову, — закончил граф свои размышления,

услышав топот копыт по плитам перед главной дверью, — вот и он сам.

Немедленно вслед за этими словами вошел дон Луи, сопровождаемый лейтенантом, который по знаку графа тотчас же удалился.

— Какой счастливый случай, — приветливо начал граф, — доставляет мне честь видеть вас у себя, хотя я уже и надежду потерял на это?

Дон Луи сказал в ответ какую-то любезность и прибавил:

— Нет, не счастливый случай привел меня к вам. Бог судил мне, напротив, явиться сюда вестником надвигающегося несчастья!

При этих словах граф нахмурился.

— Что хотите вы сказать, сеньор? — с беспокойством спросил он. — Я не понимаю вас.

— Сейчас вы все поймете. Но будем говорить по-французски, если вам угодно, так мы лучше пойдем друг друга, — продолжал дон Луи уже по-французски, тогда как до сих пор они говорили по-испански.

— Как! — в изумлении воскликнул граф. — Вы говорите по-французски?

— Да, граф, — отвечал дон Луи, — тем более, что я имею честь быть вашим соотечественником. Хотя я, — прибавил он со вздохом, — уже десять лет как покинул нашу родину, но мне всегда доставляет несказанное удовольствие поговорить на родном языке.

Выражение лица графа окончательно изменилось, когда он услышал эти слова.

— О! — проговорил он, глубоко растроганный. — Позвольте же пожать вашу руку. Два француза, встречающиеся в этих далеких краях, — братья. Забудем на минуту, где мы, и поговорим о Франции, нашем милом далеком отечестве, которое мы так любим.

— Ну что ж! — отвечал дон Луи со сдержанным волнением. — Я сам счастлив, когда хоть на минуту могу забыть окружающее и восстановить в своем воображении картины нашей родины. К несчастью, время не слишком подходит для этого. Вам грозит великая опасность, каждая минута, которую мы потеряем, может повлечь ужасную катастрофу.

— Вы заставляете меня почувствовать ужас, милостивый государь. В чем дело? О чем таком страшном хотите вы предупредить меня?

— Разве я не говорил вам, граф, что я вестник несчастья?

— Ну, так что же? Как бы ни были ужасны ваши вести, сами вы являетесь желанным гостем. В том положении, в каком находимся мы, разве можно ежеминутно ожидать чего-либо другого, кроме несчастья?

— Надеюсь, что мне удастся помочь вам предупредить это несчастье, которое, как хищная птица, парит над вами и уже готово обрушиться на

вас.

— Заранее благодарю вас за ваш истинно братский поступок. Но теперь говорите, я слушаю вас. Что бы вы ни сказали, я готов ко всему.

Дон Луи, ни разу не упомянув о своей встрече с Тигреро, как было условленно, рассказал, что ему удалось услышать разговор между своим спутником и несколькими апачскими воинами, скрывавшимися в кустах близ асиенды, и узнать об их намерении в самом скором времени захватить асиенду врасплох.

— А теперь, граф, судите сами о том, насколько важны известия, переданные мною, примите меры, чтобы помешать намерениям индейцев.

— Благодарю вас еще раз, милостивый государь. Когда за несколько минут до вашего прибытия один из моих лейтенантов доложил мне об исчезновении проводника, то я сейчас же понял, что это был шпион. То, что вы сейчас сказали, подтвердило мои предположения. Как вы правильно говорите, нельзя терять ни минуты. Сейчас я приму все необходимые меры.

И приблизившись к столу, он ударил по нему несколько раз.

Вошел пеон.

— Позови старшего лейтенанта, — приказал граф.

Несколько минут спустя появился Мартин Леру.

— Лейтенант, — приказал ему граф, — возьмите с собой двадцать конных людей и произведите самую тщательную рекогносцировку окрестностей на три лье ²⁵ вокруг. Я сейчас получил известие, что индейцы скрываются поблизости.

Старый солдат молча поклонился и вышел, чтобы привести приказ в исполнение.

— Одну минуту! — воскликнул дон Луи, жестом удерживая его. — Еще одно слово!

— Как, — проговорил в изумлении Леру, остановившись у двери, — вы стали говорить по-французски?

— Как видите, — улыбаясь, ответил ему дон Луи.

— Вы хотите сделать замечание? — спросил граф.

— Я давно живу в Америке, привык к пустыне и знаю индейцев и все их хитрости. Если вы позволите, то я дам вам несколько советов, которые, я полагаю, будут вам полезны в настоящих обстоятельствах.

— Ради Бога! — воскликнул граф. — Говорите, говорите, дорогой земляк. Ваши советы для нас дороже золота, я уверен в этом.

В этот момент в комнату вошел дон Сильва.

— А-а, — обратился к нему по-испански граф, — пожалуйста сюда, дорогой мой, мы так нуждаемся в вашем совете. Ваше знание индейских

обычаев сильно поможет нам.

— Что такое, в чем дело? — спросил асиендадо и общим, полным достоинства поклоном приветствовал всех.

— Дело в том, что нам угрожает нападение апачей.

— Ого! Это дело нешуточное, друг мой. Что же вы собираетесь предпринять?

— Я еще не решил. Я только дал приказ дону Мартину, моему лейтенанту, — и граф при этих словах указал на него, — произвести рекогносцировку в окрестностях. Но вот этот господин, мой соотечественник, которого я имею честь вам представить, кажется, не согласен с этим.

— Кабальеро прав, — решил дон Сильва, сделав легкий поклон в сторону дона Луи. — Но, прежде всего, откуда вы знаете, что готовится нападение?

— Мой соотечественник приехал предупредить меня.

— Ну, тогда не может быть сомнений, надо как можно скорее принять меры. Что думаете вы об этом, кабальеро?

— Он как раз собирался высказать свое мнение, когда вы вошли.

— Ну, так я не буду прерывать вашу беседу. Я слушаю, говорите, кабальеро.

Дон Луи, в свою очередь, слегка кивнул головой и начал.

— Кабальеро, — обратился он к дону Сильве, — все, что я скажу, будет относиться к двум моим соотечественникам, которые привыкли к европейскому способу ведения войны и не знакомы, я уверен, с тактикой индейцев.

— Это правда, — заметил граф.

— Ну и что же, — хвастливо добавил Леру, крутя свой длинный ус, — теперь познакомимся!

— Смотрите, не заплатите за знакомство дорогой ценой! — продолжал дон Луи. — Индейский способ ведения войны состоит из хитростей и засад. Нападающий на вас враг никогда не пойдет на вас фронтом, он всегда скрыт и для того, чтобы победить, пользуется всеми средствами, особенно предательством. Пятьсот апачских воинов под предводительством неустрашимого вождя в прерии стоят пяти тысяч ваших отборных солдат, которые их даже не обнаружат.

— Ого! — проговорил граф. — И это их единственная манера воевать?

— Единственная, — подтвердил асиендадо.

— Гм! — вставил свое замечание Леру. — Мне кажется, это немного напоминает африканскую войну.

— Далеко не настолько, как вы это полагаете. Арабы видны, тогда как апачи, повторяю, не показываются иначе как в случае крайней необходимости.

— Так что мой план произвести разведку не годится?

— Не годится, так как ваш отряд проедет мимо апачей и не увидит ни одного из них или попадет в засаду, где ваши люди погибнут все до единого.

— Все, что говорит кабальеро, совершенно верно. Видно, что вы обладаете громадным опытом и часто бились с индейцами.

— Этот опыт куплен дорогой ценой, всем счастьем моей жизни. Те, кого я любил, истреблены этими неумолимыми врагами, — с грустью отвечал дон Луи. — Страшитесь того же, если вы не примете всех мер предосторожности. Я знаю, как рыцарскому характеру француза претят такие приемы, но, на мой взгляд, это единственный способ сохранить хоть какие-то шансы на спасение.

— У нас здесь несколько женщин, детей, наконец, ваша дочь, дон Сильва. Необходимо всеми силами оградить ее не только от опасности, но даже хотя бы от малейшего беспокойства. Я становлюсь на сторону своего соотечественника, так как вижу, что действовать надо с крайней осторожностью.

— Благодарю вас за свою дочь и за себя.

— Ну, а теперь, мой дорогой земляк, которому мы уже обязаны такими верными замечаниями, не оставляйте незаконченным того, что начато вами. Что стали бы вы делать на моем месте?

— Граф, вот мое мнение, — решительно заявил дон Луи. — Апачи хотят напасть на вас с целью, которая мне известна, но говорить о ней сейчас я не хочу. От успеха этого нападения зависит честь и слава апачей среди их соплеменников. Воспользуйтесь этим обстоятельством с наибольшей выгодой для себя. В вашем распоряжении значительный гарнизон, состоящий из испытанных людей. В этом отношении вы находитесь в благоприятном положении.

— У меня семьдесят французов, привыкших к войне.

— За крепкими стенами и при хорошем вооружении больше не нужно.

— Кроме того, сорок пеонов, привыкших к преследованию индейцев, которых я привел с собой, — прибавил дон Сильва.

— Все эти люди сейчас здесь? — спросил дон Луи.

— Да.

— Ну, это еще больше упрощает дело. Поверьте мне, теперь индейцам следует бояться вас.

— Почему же?

— Не может быть сомнения в том, что вам следует ждать нападения с реки. Вероятно, чтобы разделить ваши силы, индейцы предпримут ложную атаку со стороны перешейка, но этот пункт укреплен так сильно, что едва ли с этой стороны они отважатся на приступ. Я уверен, таким образом, что главная атака будет со стороны реки.

— Должен заметить, мсье, — вставил свое замечание лейтенант, — что в настоящее время река совершенно не пригодна для плавания на лодках, так как на ней повсюду образовались заторы из деревьев, выкорчеванных бурями в горах, откуда она принесла их во время разлива.

— Не знаю, можно ли плавать по вашей реке на лодках или нет, — продолжал уверенным тоном дон Луи, — но я убежден, что апачи нападут на вас именно с реки.

— Во всяком случае, чтобы нас не захватили врасплох, нужно взять две пушки с перешейка, где останется еще четыре. Этого вполне хватит. Необходимо поставить их над мысом, конечно, предварительно замаскировав. Затем, дорогой Леру, прикажите также поставить пушку на площадку бельведера, оттуда видно все течение Рио-Хилы. Ступайте же и немедленно исполните все.

Старый солдат, не сказав ни слова, вышел исполнить приказание.

— Вы видите, господа, — продолжал граф после ухода лейтенанта, — я уже воспользовался вашими советами. Мой опыт в войнах с индейцами сейчас обогатился, и, повторяю, я чувствую себя счастливым, имея таких наставников, как вы.

— Кабальеро все предусмотрел, — заметил асиендадо, — я сам тоже думаю, что самая слабая часть асиенды та, которая обращена к реке...

— Еще одно слово, — перебил его дон Луи.

— Говорите, говорите.

— Ведь вы, сеньор, сказали, что привели с собой до сорока человек пеонов, искушенных в войнах с индейцами, и что эти люди находятся здесь?

— Совершенно верно.

— Превосходно. Я полагаю (заметьте, кабальеро, что это только мое мнение), я полагаю, что врагу можно нанести решительный удар и вполне обеспечить себе победу, поставив его между двух огней.

— Действительно, — воскликнул граф. — Но как же сделать это? Ведь вы сами говорите, что совершенно неразумно выпускать из-за стен асиенды людей даже на разведку.

— Я и теперь это повторяю, так как из травы в прерии и из-за деревьев

леса на асиенду сейчас устремлены сотни внимательнейших глаз, которые и мухи не пропустят.

— Ну вот!

— Но разве я не сказал вам, что война в этих местах — это война всякого рода уловок и хитростей?

— Да, но я пока еще ничего не понимаю.

— А между тем это очень просто, сейчас я все объясню.

— Пожалуйста.

— Сеньор, — обратился дон Луи к дону Сильве, — вы рассчитываете остаться здесь?

— Да, по некоторым семейным обстоятельствам я рассчитываю пробыть здесь довольно долго.

— Я не имею намерения вторгаться в ваши семейные дела, но вы здесь останетесь?

— Да.

— Превосходно! Есть ли у вас среди пеонов человек, на которого вы могли бы положиться, как на самого себя?

— Слава тебе, Господи! Как не быть такому человеку? Вот, например, Блаз Васкес.

— Простите за любопытство, скажите, пожалуйста, кто такой этот Блаз Васкес.

— Блаз Васкес мой капатас. Он, кажется, так верхом на коне и родился, а положиться на него я и вправду могу, как на самого себя.

— Ну и прекрасно, все идет как нельзя лучше.

— Ну, я-то пока ничего еще не вижу, — возразил граф.

— А вот сейчас увидите, — отвечал дон Луи.

— Посмотрим.

— Дайте, сеньор, вашему капатасу приказ стать во главе пеонов и немедленно выйти из асиенды по дороге в Гуаймас. Отойдя где два-три, в месте, которое нам — ему и мне — покажется удобным, он должен остановиться, а остальное уже — мое дело, мое и моих друзей.

— О! Теперь я понял ваш план. Пеоны, скрытые вами в засаде, должны будут ударить индейцам в тыл, когда битва будет в полном разгаре.

— Вот именно.

— А апачи?

— Неужели вы думаете, что они не обратят внимания на выход отряда белых из асиенды?

— Индейцы слишком хитры для этого. Ради чего они будут следить за отрядом, который не несет с собой ничего? Если бы они напали на него, то

только без всякой для себя пользы открыли бы свое присутствие, а этого они никогда не сделают. Нет, нет, сеньор, будьте спокойны, они даже не пошевелиятся. Они никак не могут знать, что вы предупреждены, и потому стремятся остаться невидимыми.

— А вы сами что думаете делать?

— Что касается меня, то индейцы, несомненно, видели, что я вошел сюда, они знают, что я здесь. Если я выеду вместе с вашими пеонами, то они сейчас же угадают весь наш план. Поэтому я немедленно же отправлюсь один, как пришел.

— Ваш план настолько прост и ясен, что непременно должен удался. Примите, дорогой земляк, нашу глубокую благодарность, и скажите ваше имя, чтобы мы знали, кому обязаны нашей жизнью.

— К чему это, сеньор?

— Кабальеро, я присоединяю и свою просьбу к просьбе дона Гаэтано, моего друга, откройте ваше имя, оно будет запечатлено в наших сердцах.

Дон Луи колебался, сам не понимая, что заставляет его поступать так. Ему почему-то не хотелось открывать перед де Лорайлем свое инкогнито.

Оба собеседника его, однако, продолжали настаивать, так деликатно и мягко, что дон Луи решился, наконец, побороть в себе инстинктивное чувство и, не видя никаких основательных причин скрываться и уступая их просьбам, назвал свое имя.

— Сеньоры кабальеро, я — граф Луи-Эдуард-Максим де Пребуа-Крансе.

— Итак, мы друзья, не правда ли, граф? — проговорил граф де Лорайль, протягивая ему руку.

— То, что я сделал, я думаю, есть доказательство моего к вам расположения, граф, — отвечал дон Луи с изысканно вежливым поклоном, но в то же время не пожал протянутой руки.

— Я благодарю вас, — вновь начал граф, делая вид, что не замечает своего неловкого положения. — Когда вы думаете ехать?

— Мне больше не следует отвлекать вас от предстоящих дел, позвольте поэтому проститься с вами сейчас же.

— Даже не позавтракав?

— Извините, но время не ждет ни вас, ни меня. Мои друзья, которых я оставил несколько часов тому назад, ждут меня и, вероятно, уже беспокоятся.

— Но они ведь знают, что вы у меня, — сказал граф, слегка задетый.

— Они не знают, прибыл ли я к вам или нет.

— Тогда не буду вас задерживать. Еще раз благодарю, дорогой граф.

— Я действовал, как велит мне совесть, вы нисколько не должны считать себя мне обязанным.

Все трое вышли после этого из дома и направились к батарее на перешейке. Разговор между ними перешел на совершенно посторонние предметы. На полпути они встретили Блаза Васкеса. Дон Сильва подозвал его, в двух словах объяснил ему положение дел и ту роль, которую он должен был сыграть.

— Клянусь Небом! — радостно воскликнул капатас. — Я вам благодарен, дон Сильва, это для меня отличная новость! Наконец-то можно будет показать этим собакам апачам, что мы не бабы. О! Честное слово, мы выпьем им так, что небу будет жарко, клянусь честью!

— Я полагаюсь на тебя, Блаз.

— Но где мне следует ожидать этого кабальеро?

— И правда. Господа! Мы не договорились, где кабальеро должен встретиться с Блазом.

— Это верно. Так пусть он поджидает в трех лье отсюда по дороге в Гуаймас, там, где дорога делает поворот. Там есть холм, называемый, кажется, Пан-де-Асукар. Вы можете засесть около этого места, и вас никто не увидит. Там я со своими друзьями и найду вас.

— Пусть так. В котором часу?

— Этого я не могу сказать, все будет зависеть от обстоятельств.

Несколько минут спустя дон Луи уже удалялся от асиенды, тогда как граф де Лорайль и оба мексиканца спешили окончить приготовления к достойному отпору.

— Странно, — говорил про себя дон Луи, плавно опускаясь и поднимаясь на быстром галопе своего коня, — как мало внушает мне симпатии этот человек, хотя он и мой соотечественник, а сейчас я даже рискую для него жизнью.

Вдруг конь его шарахнулся в сторону. Дон Луи поднял голову, поток его мыслей сразу прервался.

Из-за кустов на дорогу вышел Орлиная Голова.

ГЛАВА XI. Мексиканская луна

После таинственного посещения становища наших охотников Черный Медведь во главе своих воинов направился к острову на Рио-Хиле, называемому Чоль-Гекель, лежащему выше асиенды. Здесь был один из апачских аванпостов на границе с Мексикой.

Черный Медведь прибыл туда на рассвете.

В этом месте Рио-Хила очень широка. Каждый из рукавов, на которые она разделяется островом, имеет в ширину около двух миль.

Остров лежит почти посередине реки, как исполинская цветочная корзина. В длину он имеет около двух миль, а расстояние в самом широком месте составляет около полумили. Он и в самом деле кажется громадным чудным букетом, полным благоухания, населенным бесчисленными пернатыми, целый день оживляющими лесную чащу, покрывающую его, чириканьем, свистом, щелканьем, переливами и Бог весть еще какими удивительными звуками.

В описываемый день солнце, словно лаская островок, заливало его целыми потоками горячих лучей. Между тем обстановка на нем далеко не соответствовала тому мирному виду, который ему так хотела придать природа.

Насколько хватал глаз, в чаще острова и по обоим берегам реки видны были палатки из бизоньих шкур и шалаши из листьев, теснившиеся друг к другу.

Многочисленные пироги, сшитые из лошадиных шкур, натянутых на круглые шпангоуты, или прямо выдолбленные из дерева, бороздили реку по всем направлениям.

Множество окрашенных в самые яркие цвета бизоньих шкур, плащей и каких-то тряпок, освещаемых ярким солнцем, утомляли и невыносимо резали глаза.

Всадники, прибывшие с Черным Медведем, спешили, расседлали лошадей и пустили их пастись. Усталые животные охотно смешались с громадным табуном, который ходил по прерии.

Вождь пошел между шалашами. Всюду развевались значки из кусков окрашенной материи и перьев, висели скальпы знаменитых воинов. Женщины готовили завтрак.

Черного Медведя все узнавали, при его появлении все вставали и почтительно наклоняли головы. Индейцы окружают своих вождей

величайшим почетом. Те племена, которые и до сих пор отказываются подчиняться влиянию общеевропейской цивилизации и свободные бродят еще по остаткам некогда безграничных прерий, этот почет доводят до фанатизма и почти обоготворения, непонятного для европейцев.

Золотой обруч с двумя бизонными рогами, украшавший голову Черного Медведя, заставлял узнавать его еще издали.

Он подошел к берегу реки и сделал знак человеку, который ловил неподалеку рыбу. Нужно было видеть, с какой радостью индеец бросил свое занятие, чтобы только услужить вождю. В его пироге Черный Медведь и переехал на остров. Там для него был приготовлен шалаш из сучьев.

Словно невидимые часовые предупредили население индейского лагеря о его прибытии. Как только он высадился на берег, немедленно явился другой вождь по имени Малая Пантера.

— Привет вождю, появляющемуся среди детей своих, — приветствовал его Малая Пантера, почтительно кланяясь, — счастлива ли была поездка вождя?

— Вождь благодарит брата. Да, Черный Медведь совершил счастливую поездку.

— Если отец народа согласен, то Малая Пантера проводит его в шалаш, построенный для него.

— Идем! — согласился Черный Медведь.

Малая Пантера опять наклонил голову и повел вождя по тропинке, извивающейся между кустами, и скоро они достигли шалаша, который по своему простору, яркости цветов, украшавших его шкуры, и по чистоте должен был представлять для индейцев идеал комфорта и изящества.

— Отец народа в своем доме, — проговорил Малая Пантера, поднимая фрессаду ²⁶ и почтительно сторонясь, чтобы пропустить Черного Медведя.

Черный Медведь вошел.

— Пусть брат мой следует за мной!

Малая Пантера вошел за ним и опустил фрессаду.

Шалаш, куда они вошли, ничем не отличался от жилищ других индейцев. Посередине горел огонь. Черный Медведь знаком велел Малой Пантере сесть на бизоний череп у огня, а сам сел на другой.

После минутного молчания, в течение которого оба вождя курили, выпуская густые, совсем окутавшие их клубы дыма, Черный Медведь обратился к своему товарищу:

— Все ли вожди племен нашего народа явились на остров Чоль-Гекель, как приказал Черный Медведь?

— Явились все.

— Когда вожди придут в шалаш Черного Медведя?

— Это зависит от моего отца. Вожди ждут, когда будет угодно Черному Медведю видеть их.

Черный Медведь снова погрузился в курение и умолк. Прошло довольно много времени.

— Что нового произошло за время отсутствия вождя? — спросил Черный Медведь, вытрясая пепел из трубки на ноготь пальца правой руки.

— Три вождя команчей пришли от своего народа, чтобы заключить договор с апачами.

— О-о-а! — отвечал Черный Медведь. — А это знаменитые вожди?

— У них много волчьих хвостов у мокасин, должно быть, они очень храбры.

Черный Медведь в знак согласия наклонил голову.

— Один из них, говорят, Насмешник, — продолжал Малая Пантера.

— Уверен ли брат мой в том, что он сообщил мне? — живо переспросил его старший товарищ.

— Воины команчей отказались сказать, кто они, когда им объявили, что отца моего нет здесь. Команчи отвечали, что пусть будет так, они подождут его возвращения.

— Хорошо! Это — вожди. Где они находятся?

— Они развели костер и расположились вокруг него.

— Отлично. Время дорого. Пусть брат мой передаст вождям апачей, что Черный Медведь ждет их у огня совета.

Малая Пантера поднялся, не сказав ни слова, и вышел из шалаша.

Около часа индейский вождь оставался один, погруженный в свои думы. Наконец снаружи послышались шаги большого числа приближающихся людей, занавес шатра поднялся, и перед вождем предстал Малая Пантера.

— Ну что? — спросил его Черный Медведь.

— Вожди ждут.

— Пусть они войдут.

Появились апачи.

Их было человек десять. Каждый был одет в самые лучшие свои одежды, украшенные золотом и серебром; они были раскрашены и вооружены, как на войну.

Они вошли молча, кланялись поочередно вождю, целовали край его платья и так же молча садились у огня.

Как только все вожди уселись, явился отряд воинов и окружил шатер, чтобы не подпускать близко любопытных и охранять тайну совещания

вождей.

Несмотря на все умение владеть собой, Черный Медведь не мог сдержать выражения удовольствия на своем лице при виде стольких преданных ему людей, с помощью которых, он был уверен, ему удастся привести в исполнение свои планы.

— Привет братьям моим! — обратился он к ним, жестом приглашая придвинуться ближе к огню. — Вождь ждет их с нетерпением.

Вожди склонили головы и придвинулись. Тогда вошел трубконосец и внес большую трубку мира, из которой вожди затагнулись по нескольку раз. Когда эта церемония была закончена, трубконосец вышел, и начался совет.

— Прежде всего, — начал Черный Медведь, — вождь хочет рассказать другим вождям о том, что сделал он. Черный Медведь исполнил все, что ему поручили, он проник в большой вигвам бледнолицых, он осмотрел его во всех подробностях, он узнал число бледнолицых, которые защищают его, и, когда придет час вести туда воинов, Черный Медведь не собьется с пути.

Вожди поклонились в знак полного удовлетворения.

— Этот большой вигвам бледнолицых, — продолжал Черный Медведь, — единственное серьезное препятствие на том пути, по которому должны следовать воины в задуманном походе.

— Гачупины — трусливые собаки. Апачи пошлют им юбки и заставят их варить себе дичь, — с едким сарказмом заметил Малая Пантера.

Черный Медведь покачал головой.

— Бледнолицые в Гетцали не гачупины, и сам вигвам Гетцали подобен великой касе ²⁷. Вождь видел людей в Гетцали, это действительно люди. У многих из них голубые глаза и волосы цвета спелого маиса. Видно, что они очень храбры. Пусть мои братья узнают это и будут осторожны.

— А не знает ли брат мой, что это за люди? — вставил вопрос один из вождей.

— Черный Медведь не знает этого. Ему говорили, когда он был около Великого Соленого озера, что эти люди пришли из очень далекой страны, лежащей к востоку, вот и все.

— У этих людей нет, следовательно, ни деревьев, ни плодов, ни бизонов в их родных землях, и потому они пришли отнять наши.

— Бледнолицые ненасытны, — отвечал Черный Медведь, — они забывают, что Великий Дух дал им, как и остальным людям, две руки и один рот. Все, что они видят, они хотят взять себе. Ваконда, любящий своих краснокожих детей, поселил их на обильной земле и осыпал их своими дарами. Бледнолицые горят жадностью и постоянно стараются похитить

дары Ваконды и завладеть ими. Но апачи храбрые воины, они сумеют защитить свои земли охоты и помешать занять их этим бродягам, прилетевшим с той стороны Соленого озера на крыльях великих чудес ²⁸.

Вожди сочувственно приветствовали эту речь. Она так точно выразила волновавшие их чувства и ненависть, которую они питали к белым — этой неудержимо двигающейся вперед расы завоевателей, все дальше загоняющей их в глубь пустыни, лишая их былого простора, на котором они привыкли жить с незапамятных времен.

— Великое племя команчей озер, то самое, которое именуется царем прерий, прислало народу апачей послами трех славных воинов. Черный Медведь не знает, зачем они пришли, но думает, что они пришли с мирной вестью. Угодно ли будет вождям народа апачей допустить их выкурить трубку мира, сидя с нами у костра совета?

— Отец мой — мудрый воин, — ответил Малая Пантера, — он умеет угадывать самые сокровенные мысли своих врагов. Все, что сделает он, хорошо. Вожди апачей всегда счастливы следовать его советам.

Черный Медведь обвел всех взглядом, желая удостовериться, точно ли Малая Пантера выразил мысли собрания.

Участники совета молча склонили головы в знак согласия.

Вождь улыбнулся с гордостью, увидев, что товарищи так хорошо поняли его мысли, и затем обратился к Малой Пантере.

— Пусть войдут вожди команчей.

Это было произнесено с таким сознанием собственного величия, какое было бы к лицу иному европейскому монарху, обращающемуся к парламенту.

Малая Пантера вышел исполнить приказание.

Во время его отсутствия, продолжавшегося довольно долго, в шалаше не было произнесено ни слова, царило полное молчание. Все сидели на бизоньих черепаках, упершись локтями в колени, уткнувшись ладонями в подбородки, опустив вниз глаза и, по-видимому, погружившись в глубокие размышления.

Наконец Малая Пантера вернулся. За ним шли трое вождей команчей.

Апачские вожди поднялись и приветствовали их.

Команчи отвечали на привет с той же изысканностью, но не проронили ни слова, ожидая, чтобы к ним обратились к первым.

Воины команчей были молоды, хорошо сложены. На лицах их словно застыло гордое, воинственное выражение, глаза смотрели открыто и были освещены умом и глубокой мыслью. В своем национальном костюме, с высоко поднятой головой, со своей благородной осанкой они невольно

возбуждали симпатию, особенно один из них, самый младший. Едва достигший, судя по наружности, лет двадцати пяти, он был, по-видимому, главным из них. Суровые черты его лица, блеск взгляда, легкая величественная походка сразу отличали в нем не заурядного индейского воина, а вождя с особыми полномочиями.

Этого вождя звали Насмешником. Насколько можно было судить по пучку перьев кондора, приколотому к его воинскому наряду, он был одним из главных вождей своего народа.

Апачские вожди устремили на вошедших инквизиторские взгляды, ничем, однако, не выдавая этого, что умеют делать одни только индейцы.

Команчи чувствовали на себе пристальные взгляды, но ни одним жестом не показали этого. Они не сделали ни одного движения, которое бы обнаружило, что они понимают, что являются предметом всеобщего внимания.

Макиавелли, хоть и автор «Государя», хоть хитрая, лукавая, не обнаруживающая ни малейшего уголка истины политика и носит его имя, на самом деле должен показаться мальчишкой в отношении выдержки в дипломатических играх перед североамериканскими индейцами. Эти бедные дикари, как называют их те, кто их не знает, в действительности являются самыми хитрыми дипломатами, какие только существуют на свете.

Спустя минуту, Черный Медведь выступил вперед, протянул правую руку открытой ладонью к вождям команчей, наклонил голову и обратился к ним так:

— Черный Медведь счастлив принимать под тотемом народа апачей братьев своих, команчей озер. Пусть вожди команчей сядут у костра совета и выкурят трубку мира с братьями своими апачами.

— Как может быть иначе, — отвечал на это Насмешник своим суровым голосом, — разве не дети одного Ваконды и апачи, и команчи?

И не прибавив более ни слова, он подошел в сопровождении двух других вождей к костру, и все они сели рядом с апачами.

Разговор опять прервался. Каждый из присутствующих курил.

Наконец, когда в трубках остался один пепел, Черный Медведь с улыбкой обратился к Насмешнику.

— Братья команчи озер охотятся, вероятно, неподалеку за бизонами, и им пришла мысль посетить их братьев апачей? Привет братьям команчам!

Насмешник наклонил голову.

— Команчи озер еще далеко отсюда на охоте за антилопами по берегам дель-Норте [29](#). Насмешник и несколько преданных воинов одни пришли в

эти места охоты.

— Насмешник — знаменитый вождь, — вежливо отвечал апачский вождь, — Черный Медведь рад видеть Насмешника. Такой великий воин, как брат мой, не сойдет со своего пути без особых причин.

— Черный Медведь угадал верно. Насмешник пришел, чтобы возобновить с братьями апачами узы тесной чистосердечной дружбы. Зачем спорить нам о земле, на которую мы имеем равные права? Почему не разделить нам ее между собой? Зачем краснокожие будут уничтожать друг друга? Не лучше ли нам зарыть у огня совета топор войны так глубоко, что апач, встретив где бы то ни было команча, всегда мог бы быть уверен, что видит перед собой любящего брата? Бледнолицые, которые с каждой луной все дальше продвигаются в глубь наших земель, разве не ведут с нами ожесточенной войны, а нашими внутренними раздорами разве мы не оказываем им самой действенной помощи?

Черный Медведь поднялся и, с достоинством протянув вперед руку, отвечал на речь команча такими словами:

— Брат мой Насмешник говорит правду. Одно чувство должно отныне воодушевлять нас — любовь к родине. Отбросим в сторону наши мелкие споры и будем думать об одном — о свободе! Бледнолицые ничего не знают о наших планах, я убедился в этом, когда был в Гуаймаса. Наше внезапное наступление будет для них как удар грома, от которого кровь застынет в их жилах. При нашем приближении они уже должны считаться наполовину побежденными.

За этими словами наступило торжественное молчание.

Насмешник обвел собрание гордым и спокойным взглядом и громким голосом воскликнул:

— Через двадцать четыре часа начинается Мексиканская луна! Воины, неужели мы дадим ей пройти, не попытавшись нанести смелый удар бледнолицым, как мы делаем это каждый год в это время. Есть крепость, на которую мы должны обрушиться подобно урагану. Эта крепость устроена не гачупинами, не йори, а бледнолицыми другого племени, и она является постоянной угрозой для нас. Вождь команчей открыто, честно предлагает вождям апачей без раздумий напасть на Гетцали вместе с четырьмя сотнями команчских воинов, во главе которых будет стоять Насмешник.

При этом предложении трепет удовольствия пробежал по рядам собравшихся.

— Апачи с удовольствием принимают предложение братьев своих команчей! — воскликнул Черный Медведь. — У Черного Медведя почти такое же число воинов. Вместе, не может быть сомнения, они до основания

разрушат крепость белых. Завтра с восходом луны мы вместе тронемся в путь.

Вожди встали и удалились. Черный Медведь и Насмешник остались одни.

Эти два вождя пользовались одинаковой славой, оба были одинаково уважаемы своими племенами. Они с любопытством смотрели друг на друга, так как до сих пор были врагами и видели один другого не иначе как с оружием в руках.

— Черный Медведь благодарит брата своего за искреннее предложение, — первым начал Черный Медведь. — Сейчас помощь команчей неоценима для нас. Когда будет одержана победа, два народа поровну поделят добычу.

Насмешник поклонился.

— Какой план составил брат мой? — спросил он.

— План очень прост. Команчи — отличные всадники, с братом моим во главе они должны быть непобедимы. Как только луна взойдет на небо, Насмешник возьмет своих воинов и пойдет с ними на Гетцали, сжигая впереди себя траву, чтобы густая туча дыма скрывала его движение и не давала возможности сосчитать его воинов. Если бледнолицые выставят вперед аванпосты, чтобы вовремя предупредить гарнизон, то брат мой должен овладеть ими и перебить всех воинов, чтобы они не дали знать в Гетцали. Во время этого похода, как и всегда, все, что принадлежит белым, — крепости, хакали ³⁰, дома — должно быть сожжено, животных следует угонять в наши земли. Подойдя к Гетцали, брат мой постарается спрятаться как можно лучше и будет ждать сигнала, чтобы напасть на белых.

— Хорошо. Брат мой Черный Медведь — мудрый вождь. Дело его ждет успех. Насмешник в точности исполнит все, что он сказал. Но что думает делать он сам, пока Насмешник будет исполнять свою часть общего плана?

Черный Медведь загадочно улыбнулся.

— Брат мой увидит это, — сказал он, положив руку на плечо команча, — пусть Насмешник предоставит Черному Медведю действовать, как он сочтет нужным. Черный Медведь ручается за победу.

— Отлично, — отвечал команч, — брат мой первый в своем племени и знает, что надо делать. Апачи не женщины. Насмешник пойдет к своим воинам.

— Да, брат мой понял меня. Завтра с восходом луны...

Насмешник наклонил голову, и оба вождя расстались лучшими

друзьями, по крайней мере, с виду.

Несколько минут спустя в лагере апачей уже царило общее возбуждение. Женщины разбирали шатры и навьючивали мулов, дети приводили и седлали лошадей, все готовились к скорому выступлению.

ГЛАВА XII. Женская хитрость

При восходе луны, как было условлено, Насмешник отдал своим воинам приказ трогаться в путь. Тотчас же отряд всадников выехал вперед и бросил множество зажженных факелов в сухие кусты. Через несколько минут образовалась исполинская поднимающаяся к небу огненная завеса, которая скрыла все, что происходило за ней.

Команчи в точности исполнили план вождя апачей. Менее чем через полчаса вся степь уже была объята пожаром.

Черный Медведь, скрытый со своим отрядом на острове, не делал ни малейшего движения. Следы, оставленные после себя команчами, были слишком явны. Вся долина, еще утром такая красивая, дышавшая обилием и роскошью, теперь стала печальной, пустынной и угрюмой. Исчезла зелень, исчезли цветы, исчезли птицы, порхавшие в густой листве и весело чирикавшие каждая на свой лад.

План индейцев удался вполне, и колонисты Гетцали были бы непременно захвачены врасплох, если бы посторонние люди — Весельчак с товарищами — не встретились по дороге с индейцами.

Канадец был настороже.

При первом дыме, который он заметил вдаль на горизонте, он понял намерение краснокожих и, не теряя ни минуты, направил Орлиную Голову в колонию, чтобы известить графа о происходящем.

Команчи двигались, прикрытые огнем, уничтожая ногами своих лошадей все, что случайно оставалось уцелевшим после огня.

Глубокой ночью Насмешник остановился со своим отрядом недалеко от колонии. Предполагая, что благодаря быстроте его передвижения белые не имели времени принять какие-либо меры для защиты крепости, он скрыл в засаде часть своего отряда, а сам во главе остальной части двинулся дальше, соблюдая обычные в таких случаях меры предосторожности, и остановился перед батареей на перешейке.

Никто не появлялся. Шанцы казались совершенно покинутыми. Насмешник испустил воинственный клич, внезапно поднялся и, прыгая, как ягуар, начал взбираться со своими воинами на насыпь, но как раз в тот момент, когда краснокожие приготовились спрыгнуть в окопы, ужасный залп в упор уложил на месте почти половину отряда, а другая половина кинулась бежать.

Белые имели перед команчами одно громадное преимущество: у

команчей не было огнестрельного оружия. Карабины белых производили в их рядах жестокое опустошение, а они могли отвечать только стрелами, копьями и камнями, пущенными из пращей.

Убедившись, хотя и слишком поздно, что белые не дремлют, Насмешник в отчаянии от неудачи и тяжелых потерь решил не ослаблять свои силы бесплодными попытками, дабы окончательно не поколебать бодрости духа своих воинов. Он засел за густой листвой девственного леса и стал ждать, что предпримет Черный Медведь.

Дон Луи следовал между тем за Орлиной Головой. Индеец, сделав несколько поворотов, привел его почти к самой батарее на перешейке, остановившись на опушке густой чащи кактусов, алоэ и флорибондов.

— Мой брат может сойти с коня, — обратился он к французу, — мы прибыли.

— Прибыли, но куда же? — спросил дон Луи, растерянно озираясь кругом.

Вместо ответа индеец взял под уздцы лошадь и повел ее. Луи все продолжал осматриваться кругом, но ничего не мог понять.

— Ну, — спросил у него Орлиная Голова, — понял ли наконец брат мой?

— Честное слово, я ничего не понимаю, вождь.

Индеец улыбнулся.

— У бледнолицых глаза крота, — сказал он.

— Быть может; в таком случае, я буду вам благодарен, если вы мне одолжите на время свои.

— Хорошо, мой брат сейчас все увидит.

Орлиная Голова лег на землю, Луи последовал его примеру. Оба поползли в глубь чащи. Спустя четверть часа, в течение которого этот неудобнейший способ передвижения довольно сильно утомил француз, индеец остановился.

— Пусть оглянется брат мой, — сказал он.

Они находились на узкой поляне, окруженной такой густой, без проблеска, чащей кустарников, сучьями деревьев, перевитых массаами колючих лиан, что оставалось непонятным, каким образом можно проникнуть на эту полянку и выбраться с нее. Трудно было предположить, что существует в этой чаще такое место.

Весельчак и оба мексиканца ожидали на ней возвращения посланца и курили с философским равнодушием.

— А! Милости просим! — закричал Весельчак, увидев дону Луи. — Как нравится вам наше убежище? Прелестно, не правда ли? Это Орлиная

Голова разыскал его. Эти индейцы имеют особое чутье, чтобы отыскивать укромные места. Здесь мы в такой же безопасности, как в соборе Квебека.

Во время этого потока слов дон Луи уселся поудобнее на землю и ничего не ответил, а только горячо пожал руки своим товарищам. Так как его пустой желудок давал о себе знать, он немедленно принялся утолять голод и отдал должную честь той снеди, которую предложил ему Весельчак.

— Ну, а где наши лошади? — спросил наконец он.

— Здесь, в двух шагах от нас, но ни нам, ни посторонним не найти их.

— Отлично. Ну, а можем ли мы забрать их достаточно быстро, если потребуется?

— Разумеется.

— Ну, так я полагаю, что скоро они нам понадобятся.

— Ага! Но, — прибавил Весельчак, спохватившись, — что же мы болтаем, я и забыл, что вы голодны, как койот. Ешьте, ешьте, поговорим после.

— Я могу и есть, и говорить, — ответил дон Луи.

— Нет, всему свое время, кончайте ваш завтрак, а затем мы выслушаем вас.

Когда дон Луи достаточно подкрепился, то со всеми подробностями рассказал о своей поездке.

— Все это прекрасно, — заметил Весельчак, когда дон Луи закончил свой рассказ. — Я полагаю, что теперь мы можем быть спокойны за участь наших земляков, особенно с помощью сорока пеонов капатаса, которые нападут на врага с тыла.

— Да, но где их спрятать?

— Это дело Орлиной Головы. Вождь знает эти места, как свои пять пальцев, он долго охотился здесь. Я уверен, что он найдет для мексиканцев укромное местечко. Что вы скажете, вождь?

— В прерии нетрудно скрыться, — лаконично заметил индеец.

— Да, — проговорил дон Марсиаль, — но есть обстоятельство, которое вы не приняли в расчет.

— Какое?

— Я живу на границе и давно привык к индейской тактике. Апачи подойдут только за стеной огня и дыма, скоро вся прерия станет морем пламени, с которым мы напрасно будем бороться. Оно все равно в конце концов поглотит нас, если мы не примем необходимых мер.

— Это правда, дело нешуточное. К сожалению, я вижу только одно средство избавиться от опасности, которая нам угрожает, но мы не можем

воспользоваться этим средством.

— В чем оно состоит?

— Разумеется, бежать как можно скорее.

— Вождь знает другое, — заметил Орлиная Голова.

— Вы, вождь? Так сообщите нам его!

— Пусть бледнолицые слушают! Рио-Хила, как все большие реки, несет в своем течении деревья, вырванные из земли. Иногда их так много, что в некоторых местах они полностью запруживают реку. Река находит себе путь с боков, деревья прижимаются друг к другу, сучья их переплетаются, песок застрекает между ними, начинает расти трава, еще плотнее связывает их своими корнями, и издали эти плоты, застрявшие на мели, кажутся настоящими островами. Потом приходит буря, высокий разлив поднимает такой остров с мели, несет его, разбивает на части и, наконец, уничтожает.

— Да, я знаю нечто подобное. Мне приходилось видеть иногда то, о чем вы говорите, вождь, — отвечал Весельчак. — Эти плоты становятся в конце концов настолько похожи на острова, что человек, даже привыкший к жизни в пустыне и к великим явлениям природы, и тот часто ошибается в подобном случае. Я понимаю, в чем состоит ваш план, но не вижу, как можно привести его в исполнение.

— Очень просто. Глаз индейца не ошибается, на расстоянии двух полетов стрелы он видит все. Разве брат мой не заметил на реке, выше большого вигвама бледнолицых, шагах в пятидесяти от берега небольшой островок?

— Действительно, — живо воскликнул Весельчак, — вы говорите правду! Верно, я припоминаю этот островок. Как же я мог забыть о нем?

— Да, там нечего бояться пожара, — заметил дон Луи, — если мы все поместимся на нем, то он нам пригодится в качестве временного пристанища. Нечего терять время, надо как можно скорее добраться до этого места, исследовать его, и, когда мы убедимся, что он нам подходит, мы проведем туда и пеонов.

— Итак, в путь, не медля ни минуты, — сказал Тигреро и поднялся.

Остальные последовали за ним, и через минуту полянка опустела.

Взяв своих лошадей, наши искатели приключений тронулись к островку, идя вслед за Орлиной Головой.

Вождь не обманул их. С той верностью глаза, которая составляет характерную черту его племени, он безошибочно определил положение места, им самим же так умело выбранное.

К великому счастью, на берегу росли корнепуски — болотные деревья,

пускавшие так называемые воздушные корни. Эти деревья уходили довольно далеко в реку и уменьшали расстояние между островом и берегом. Они представляли естественную преграду, и индейцы не смогли бы никак напасть на них без того, чтобы не оказаться под пулями отряда, скрытого в высокой траве островка.

Этот островок (будем его называть так, хотя, как мы знаем, это была застрявшая на мели масса коряг и деревьев) был покрыт сухой, жесткой и густой травой, высотой около двух метров, с головой скрывавшей всадников и лошадей. Когда обследование островка было закончено, Весельчак и оба мексиканца остановились посередине его и разбили там свой бивак, тогда как дон Луи и Орлиная Голова вернулись на берег и отправились навстречу капитану и его людям.

Дон Марсиаль не захотел идти с ними. Он боялся, что вблизи колонии его может узнать дон Сильва, что грозило совсем расстроить его дальние планы.

Дон Луи предложил ему ехать вместе, но, получив отказ, не настаивал.

Сказать по правде, дон Луи и к этому человеку питал необъяснимую антипатию. Его кошачьи манеры и постоянные колебания мало располагали в его пользу.

Орлиная Голова и дон Луи в полной уверенности, что Черный Медведь окончательно удалился из ближайших окрестностей, сочли излишним заставлять мексиканцев делать длинный и утомительный обход. Поэтому, прежде чем подойти к месту засады, они засели в кустарнике около самого перешейка и стали ждать их, чтобы отвести прямо на островок.

Внутри асиенды новость, принесенная графом Пребуа-Крансе, подняла на ноги всех и вся. Хотя со времени закладки асиенды — крупного поместья — индейцы уже не раз пытались побеспокоить французов, их попытки были беспомощны. На этот раз колонистам впервые предстояло иметь серьезное дело со своими свирепыми соседями.

Граф де Лорайль собрал на асиенде около двухсот дофиеров, явившихся из Вальпарайсо, Гуаякиля, Кальяо и тихоокеанских портов, кишевших авантюристами всякого рода.

Это была странная смесь людей всех национальностей, населяющих оба полушария нашей планеты. Преобладали там, впрочем, французы. Полубандиты, полусолдаты, эти люди не имели никакого имущества, сами не знали, к чему они стремились. Создавали ли они что-либо или разрушали, они сами не могли сказать. К своему вождю, выбранному ими по доброй воле, они питали слепое доверие.

Известие о готовящемся нападении индейцев гарнизон воспринял с

криками величайшей радости и энтузиазма. Убить человека из карабина для этих авантюристов было простым развлечением, которое они позволяли себе для того, чтобы, как они говорили, прочистить стволы. Особенно им хотелось показать индейцам разницу, существовавшую между креолами-колонистами, которых краснокожие с незапамятных времен привыкли грабить и убивать, и европейцами, которых они еще не знали.

Графу, таким образом, совсем не пришлось увещевать их держаться твердо, напротив, он должен был все время умерять их пыл, прося их быть благоразумными и обещая, что скоро им представится случай встретиться с краснокожими в открытом бою.

Не надо забывать, что мексиканское правительство уступило графу де Лорайлю концессию на Гетцали с непременным условием, чтобы он беспощадно преследовал апачей и команчей и как можно дальше отгонял их от мексиканских границ, которые они издавна периодически опустошали.

На это-то условие своего договора с правительством он и намекал солдатам.

Когда все приготовления к защите были закончены, каждому было отведено место в линии обороны, распределены оружие и боеприпасы, заботу о более мелких сторонах дела граф предоставил двум своим лейтенантам: испанцу Диего Леону и Мартину Леру, двум старым служакам, на которых он считал возможным положиться. В конце концов он счел необходимым уделить долю внимания и Блазу Васкесу с его пеонами.

Необходимо было показать шпионам индейцев, если бы таковые были оставлены вокруг асиенды, что отряд этот действительно возвращается в Гуаймас. Поэтому на несколько мулов была навьючена провизия как бы для дальнего путешествия, после чего капатас, вполне войдя в роль, выступил во главе своего отряда с карабином в чехле за спиной.

Граф, дон Сильва и остальное население асиенды все время, пока была возможность, следили за отрядом, готовые выйти ему на помощь, если бы он подвергся нападению.

Но ничто не обнаруживало присутствия в прерии хотя бы одного живого существа. Царили полные спокойствие и тишина, и скоро мексиканцев скрыла высокая трава.

— Я ничего не понимаю в индейской тактике, — словно про себя проговорил дон Сильва. — Если они пропустят такой отряд, то это значит, что они замышляют какую-то штуку, с которой рассчитывают на верный успех.

— Скоро мы увидим, что нам надо делать, — ответил граф. — Во всяком случае мы готовы принять их. Меня только беспокоит, что донья Анита находится с нами. Не то, чтобы ей угрожала опасность, но ее испугает сам шум битвы.

— Нет, сеньор граф, — неожиданно ответила сама за себя донья Анита, выходящая в это время из дома, — не бойтесь за меня, я истая мексиканка и не похожа на ваших барышень, которых малейший пустяк приводит в трепет так, что они падают в обморок. Часто, и не в таком еще положении, как наше, я слышала военный крик апачей и не испытывала и доли того беспокойства, которое, как вы считаете, причинит мне это нападение.

Проговорив это тем надменным, презрительным тоном, который женщины умеют находить, когда говорят с человеком, добывающимся их любви, но которого сами они не любят, донья Анита прошла мимо графа, не удостоив его даже взглядом, и взяла под руку своего отца.

Граф ничего не ответил. Он до крови прикусил губу и немного наклонил голову, сделав вид, что не понял брошенной ему колкости. Он все откладывал решительное объяснение с молодой девушкой, так как, хотя он и не любил свою невесту, но, как всегда это случается в подобных случаях, тем не менее не мог простить ей, что она любит и любима другим. Особенно его злило ее полное к нему равнодушие. События последних двух дней, следовавшие с такой быстротой, мешали ему вызвать донью Аниту на решительное объяснение.

Дочь асиендадо, богатого землевладельца, донья Анита была мексиканка с примесью индейской крови. Предки доня Сильвы происходили из Андалусии. По характеру донья Анита была чистая андалуска; вся огонь и страсть, она повиновалась только внезапным порывам своего сердца. Дона Марсиаля она любила всеми силами своей души, а на графа де Лорайля она взирала с полнейшим хладнокровием и под оболочкой светского человека разгадала в нем самого обыкновенного авантюриста и любителя наживы. Решение свое она приняла бесповоротно, в душе решив, что брак ее с графом не состоится ни при каких обстоятельствах. Но как достигнуть этого? Выдержать открытую борьбу с отцом?.. Но она слишком хорошо знала своего отца, чтобы решиться пойти на что-либо подобное. Сила женщины заключается в ее видимой слабости, основное средство защиты ее — хитрость. И донья Анита выбрала хитрость, самое действенное оружие женщины, которое бывает иногда ужасным.

Блаз Васкес, капатас доня Сильвы, знал донью Аниту с пеленок, его

жена была ее кормилицей, и он так любил молодую девушку, что не задумался бы продать свою душу черту, если бы она того потребовала.

Когда граф де Пребуа-Крансе явился на асиенду, то это посещение сильно заинтриговало девушку. После его отъезда она самым невинным образом стала расспрашивать капатаса, и тот все откровенно рассказал своей любимице, так как всем на асиенде скоро стало известно, какие новости принес незнакомый посетитель. Одного только никто не знал, но что донья Анита предугадала со свойственным женщинам чутьем, а именно, что в числе охотников, засевших вблизи асиенды, находится Тигреро.

Уходя от нее в Гуаймасе, дон Марсиаль сказал, что он постоянно будет следить за ней и сумеет предохранить ее от той судьбы, которая ей угрожает. Ясно было поэтому, что он должен был последовать за отрядом дона Сильвы, а значит, тоже должен был находиться среди великодушных людей, которые, стараясь спасти всю колонию, в это время хлопотали и о ее спасении.

Логика сердца есть единственная правильная логика, которая не обманывает никогда и ведет человека вперед, а не заставляет толкаться на одном месте. Мы видели, что рассуждения доньи Аниты, движимой страстной любовью, безошибочно верны.

Когда девушка выведала у капатаса все, что ей было надо, она обратилась к нему со следующими словами:

— Дон Блаз, когда нападение на асиенду будет отбито и вы совершите все, что от вас требуют, так что ни отец, ни дон Гаэтано не будут больше нуждаться в ваших услугах здесь, быть может, вы получите приказ вернуться в Гуаймас.

— Все возможно, сеньорита, весьма вероятно, — отвечал храбрый мажордом.

— Окажете вы мне тогда одну услугу, не правда ли? — спросила его девушка и наградила очаровательнейшей улыбкой.

— Разве вы не знаете, сеньорита, что за вас я готов броситься в огонь?

— Я не хочу до такой степени испытывать вашу любовь ко мне, мой дорогой Блаз, но благодарю вас.

— Что я должен сделать, чтобы угодить вам?

— О! Пустяки.

— Что же именно?

— Боже мой, так, вздор... Вы знаете, — продолжала она тихо, — мне уже давно хочется видеть у себя на полу в спальне две ягуаровые шкуры — такая вот у меня возникла фантазия.

— Нет, — наивно отвечал Блаз, — я этого не знал...

— Ах! Ну так знайте, я говорю вам.

— Ну, этого я не забуду, будьте спокойны, сеньорита.

— Благодарю вас. Но это просто так, к слову. Дело не в этом.

— А в чем же?

— Я думаю, каким образом раздобыть эти шкуры.

— Это уж вы предоставьте мне.

— Ну, зачем же вы из-за моего каприза будете рисковать своей жизнью. Эти ужасные животные могут разорвать вас.

— Пф! — презрительно фыркнул Блаз и, покачав головой, тоном упрека договорил: — Ах, сеньорита, ну что вы говорите!

— Но мне кажется, что их можно достать гораздо проще.

— То есть как же?

— В Гуаймас приехал несколько дней тому назад знаменитый охотник...

— Дон Марсиаль Асухена? — перебил ее мажордом.

— А! Так вы его знаете?

— Кто же не знает дона Марсиаля Тигреро!

— В этом все и дело.

— В каком смысле?

— Говорят, что этот Тигреро привез со своей последней охоты в прериях несколько чудных ягуаровых шкур, которые он, вероятно, будет согласен уступить за хорошую цену.

— Ну, разумеется.

— Вот, — проговорила она, вынув из-за складки своего платья на груди тщательно сложенную записку. — Я тут пишу ему, как должны быть отделаны шкуры и сколько я думаю предложить ему за них. Вот и деньги, — прибавила она, передавая кошелек, — вы с ним и расплатитесь.

— Да к чему тут еще записка? — недоумевал капатас.

— Друг мой, вам надо о стольких вещах помнить, что такой пустяк, я уверена, вылетит у вас из головы.

— Едва ли, хотя все возможно. Ну, пусть будет так.

— Не правда ли, так вернее? Так решено? Вы исполните мое поручение?

— Разве вы сомневаетесь?

— Нет, нет, мой друг. Ах! Еще одно слово. Не говорите ничего об этом отцу, вы знаете, он так добр, захочет мне сделать подарок, а мне хочется купить все на свои деньги, из собственных сбережений.

Капатас засмеялся, и на лице его отобразилось лукавство. Он

чувствовал себя счастливым, что посвящен в тайну своей любимицы, как он называл молодую хозяйку, какой бы ничтожной ни была эта тайна.

— Ну конечно, я буду нем, как рыба.

Девушка дружески похлопала его по плечу и весело упорхнула, словно птичка.

Что означало это письмо? Что было написано в нем?

Скоро мы узнаем.

Остаток дня на асиенде прошел спокойно. Граф несколько раз пытался заговорить с доньей Анитой, чтобы вызвать ее на откровенное объяснение, но она всячески старалась избежать этого.

Блаз Васкес, выехав с асиенды, взял направление на Гуаймас и, заставив всадников ехать скорой рысью, чтобы избежать внезапного нападения, занял место впереди отряда.

Едва исчез он из глаз обитателей асиенды, скрывшись в густой траве, как вдруг на середину дороги выскочили два всадника и остановили своих коней шагах в десяти перед отрядом. С момента его выезда с асиенды к тому времени не прошло и двадцати минут.

Один из всадников был несомненно индеец, а в другом капатас сразу узнал утреннего посетителя асиенды.

Васкес жестом приказал отряду остановиться и выехал вперед навстречу всадникам.

— Каким образом вы оказались здесь, сеньор? — обратился он к дону Луи. — Ведь место, где мы решили встретиться, находится достаточно далеко отсюда.

И он почтительно приветствовал графа.

Дон Луи отвечал на привет легким поклоном.

— Да, правда, до назначенного места встречи далеко. Но оказывается, в прериях нет ни одного следа апачей, и мы решили, что бесполезно заставлять вас делать такой большой крюк. Вот я и подождал вас здесь, чтобы провести прямо к месту засады.

— Это разумно. А нам далеко ехать?

— Не более четверти часа. Мы отправимся вон к тому островку, который можно увидеть, если приподняться в стременах.

— Ну что же, — заметил капатас, — место выбрано отлично, оттуда видно всю реку.

— Вот поэтому-то мы и заняли его.

— В таком случае ведите нас, сеньор, мы следуем за вами.

Отряд тронулся. Как и говорил дон Луи, через четверть часа капатас и сорок пеонов были уже на островке. Густая трава и деревья, росшие по

берегам, скрывали людей на острове так хорошо, что их невозможно было открыть ни с того, ни с другого берега.

Как только капатас отдал необходимые распоряжения пеонам, он занял место у костра. Дон Луи представил его обоим мексиканцам и Весельчаку.

Первым, кого заметил Васкес, был дон Марсиаль Тигреро. Увидев его, он не мог сдержать восклицания изумления.

— Вот это, что называется, на ловца и зверь бежит! — воскликнул он и разразился смехом.

— Я не понимаю вас, — заметил ему мексиканец, не совсем довольный этой встречей, на которую он не рассчитывал и не думал, что капатас узнает его.

— А разве вы не дон Марсиаль Асухена по прозвищу Тигреро? — продолжал Блаз.

— Да, это я! — ответил дон Марсиаль, все больше приходя в беспокойство.

— Честное слово, мне трудно было бы поймать вас в Гуаймаса, и вдруг совершенно неожиданно я встречаю вас здесь.

— Объясните, пожалуйста, я ничего не понимаю.

— У меня есть к вам поручение от моей молодой госпожи.

— Что вы говорите? — почти закричал Тигреро, почувствовав, что сердце его подпрыгнуло от радости.

— Только то, что я сказал, ничего более. Донья Анита хочет, по-видимому, купить у вас две ягуаровые шкуры.

— У меня?

— Так точно.

Дон Марсиаль продолжал смотреть на него таким ничего не понимающим взглядом, что капатас залился смехом. Этот смех заставил молодого человека прийти в себя. Он тотчас же сообразил, что тут что-то кроется и что, если он по-прежнему будет показывать свое изумление, то пробудит подозрение у храброго Блаза Васкеса, которому, по-видимому, и самому не известен ключ к загадке.

— Да, да, правда, припоминаю, — начал он, как бы с трудом восстанавливая что-то в своей памяти, — я припоминаю, некоторое время тому назад...

— Вот! — перебил его капатас. — Мне поручено передать вам письмо, как только я вас встречу.

— Письмо от кого?

— Ах! Да от моей госпожи, конечно.

— От доньи Аниты?

— Ну да, от кого же еще?

— Давайте, давайте его сюда! — встрепенувшись, вскричал Тигреро.

Капатас подал ему письмо. Дон Марсиаль схватил его, дрожащей рукой сорвал печать и жадно впился глазами в мелко написанные строки.

Окончив чтение, он спрятал письмо на груди.

— Ну, что же пишет вам моя госпожа? — спросил его Блаз.

— То же самое, что и вы мне передали, — ответил Тигреро голосом, в котором слышалось плохо сдерживаемое волнение.

Блаз Васкес потряс головой.

— Гм! — проговорил он про себя. — Этот человек что-то скрывает от меня. Неужели донья Анита меня обманула?

Между тем Тигреро в волнении начал ходить по биваку, словно обдумывая какой-то план. Наконец он подошел к Весельчаку, который молча курил, нагнулся к нему и прошептал ему на ухо несколько слов, на что канадец отвечал утвердительно. Радость засветилась в черных глазах Тигреро, он сделал Кукаресу знак следовать за собой и покинул бивак.

Через несколько минут дон Марсиаль и его верный леперо, оба верхом на лошадях, переплывали узкий рукав реки, отделявший островок от берега.

Капатас увидел их, когда они уже выезжали из воды, и испустил крик изумления.

— Что же это такое? — растерянно обратился он к оставшимся. — Тигреро уезжает от нас. Но куда он едет?

Весельчак лукаво посмотрел на Васкеса и ответил:

— Вероятно, он поехал за ответом на письмо, которое вы ему вручили.

— Весьма возможно, — задумавшись, ответил капатас.

В это время солнце скрылось в золотом пурпуре далеко за горизонтом, за снежными вершинами Сьерры-Мадре. Ночь не замедлила окутать землю темным покровом.

ГЛАВА XIII. Ночной поход

В эту ночь произошло столько событий, что мы, для того, чтобы рассказать читателю о них в той же последовательности, в какой они совершались, должны будем постоянно переходить от одного действующего лица к другому.

Дон Марсиаль был богат, даже очень богат. Страстно любя приключения, увлекаемый своим беспокойным, воинственным характером, он избрал своей профессией истребление пум, ягуаров и прочих диких зверей. Это давало ему повод и являлось целью его постоянных скитаний по пустыне, и он всю свою жизнь проводил, бродя по ней из конца в конец.

Название тигреро дается обыкновенно опытным, выдающимся охотникам, которые оговаривают с асиендадос условия, состоящие в том, что охотники обязуются истреблять в их владениях всех диких зверей, опустошающих стада, и получают за каждую шкуру определенную плату.

То, что другие делают из-за денег, дон Марсиаль совершал из любви к искусству и для своего удовольствия. Поэтому его всюду по мексиканской границе знали и любили, особенно асиендадос, которые в неустрашимом охотнике находили не только действительно полезного человека, но и хорошего товарища, приятного собеседника, словом, настоящего кабальеро во всех отношениях.

Дон Марсиаль впервые увидел донью Аниту, когда бродячая жизнь завела его на одну из асиенд, принадлежащих дону Сильве, где менее чем за месяц он перебил до десятка диких зверей.

С первого же дня Тигреро — слово это стало для дона Марсиаля прозвищем — влюбился в донью Аниту со всей свойственной ему кипучей страстью. Он стал постоянно следить за ней, и однажды ему пришлось быть свидетелем, как лошадь, на которой она каталась, понесла. Он был неподалеку и кинулся спасать девушку, рискуя собственной жизнью.

Во время этого приключения донья Анита в первый раз обратила внимание на своего обожателя и, произнося слова благодарности, заметила, что, при своей рыцарской храбрости, он чрезвычайно красив. Остальное читателю известно.

Прочтя письмо доньи Аниты, дон Марсиаль покинул островок в сопровождении Кукареса.

Эта поездка повергла леперо в мрачное настроение. В душе он проклинал себя за то, что имел безумие связаться с человеком, за которым в

настоящую минуту следовал, как упрямый ослик на привязи. Переход по открытой прерии не сулил ему ничего приятного, он бессмысленно подвергался ежеминутному риску быть настигнутым шальной отравленной апачской стрелой. Но Кукарес был не способен хоть сколько-нибудь долго рассуждать, он горел желанием действовать. Леперо остановился на мысли, что, если уж Тигреро покинул с наступлением ночи вполне защищенную от нападения индейцев стоянку и, отказавшись от помощи товарищей, отправился как будто безо всякой ясной цели бродить по пустыне, то он имел на то какие-либо важные, ему, Кукаресу, непонятные причины. Ему, правда, хотелось узнать эти причины, но он в то же время знал, что дон Марсиаль болтать попусту не любит, а особенно не любит, чтобы кто-то совал нос в его тайные планы. Поэтому леперо отложил удовлетворение своего любопытства до более удобного момента, так как к дону Марсиалью, несмотря на все свое легкомыслие, он чувствовал великое уважение, смешанное с немалой долей страха.

Оба всадника ехали друг возле друга, храня полное молчание, опустив поводья и предавшись каждый своим мыслям. Кукарес скоро заметил, что Тигреро вместо того, чтобы углубиться в лесную чащу, старался держаться берега реки.

Тем временем мрак окончательно сгустился. Отдаленные предметы стали сливаться с массами теней на горизонте. Скоро нельзя было различить и ближайшие предметы.

Некоторое время леперо старался, то глубоко вздыхая, то испуская благочестивые восклицания, обратить на себя внимание своего спутника. Но все было напрасно. Наконец, когда темнота стала, что называется, хоть глаз выколи, он решил, что Тигреро теперь уже ни о чем не может думать, кроме того, как бы не сбиться с пути, не завязнуть и не выколоть себе глаз. Тогда Кукарес набрался смелости и обратился к нему со словами:

- Дон Марсиаль... — проговорил он.
- Ну? — небрежно отозвался дон Марсиаль.
- Не находите ли вы, что пора остановиться?
- Зачем?
- Как это «зачем»? — с изумлением переспросил леперо, ободренный вниманием, оказанным его словам.
- Мы еще не приехали куда следует.
- А разве мы едем в какое-то определенное место?
- А зачем же, по-твоему, мы оставили безопасный островок и друзей?
- Это верно. Но куда же мы едем, вот что хотелось бы знать мне?
- Скоро ты это узнаешь.

— Признаюсь, мне это будет очень интересно.

Они оставили на расстоянии приблизительно двух ружейных выстрелов холм Гетцали и достигли небольшой бухточки, которая из-за извилистости реки находилась как раз в тылу асиенды, встававшей темной массой перед ними и закрывавшей их своей тенью.

Дон Марсиаль остановился.

— Вот мы и приехали, — проговорил он.

— Наконец-то, — со вздохом облегчения буркнул про себя леперо.

— Я хочу сказать, что самая легкая часть нашего путешествия закончена.

— Значит, нам предстоит серьезное дело?

— Разумеется! Разве ты до сих пор думал, что эту прогулку по берегу Рио-Хилы мы предприняли ради наслаждения красотами природы?

— Меня и самого это удивляло.

— Ну, а теперь начнется, собственно, само дело, ради которого мы ехали.

— Отлично.

— Только я должен предупредить тебя, что дело это довольно опасное. Но я рассчитываю на тебя.

— Благодарю вас, — отвечал на это Кукарес, скорчив гримасу, которая должна была изображать улыбку.

На самом деле эта улыбка показала, что Кукаресу было бы гораздо приятнее, если бы в этом случае ему меньше доверяли.

Дон Марсиаль продолжал:

— Мы пойдем туда, — он протянул руку по направлению к реке.

— Куда «туда»? На асиенду?

— Да.

— А вы разве полагаете, что у нас с вами по две головы?

— Нет, я думаю, по одной, если только у тебя есть хоть одна.

— Неужели вы думаете, что мы достигнем асиенды и нас не заметят?

— Попытаемся, по крайней мере.

— Отлично, но, так как это, конечно, нам не удастся, то эти черти французы примут нас за индейцев и пошлют нам в лоб пулю, это как пить дать.

— Да, это может случиться.

— Благодарю. В таком случае я предпочитаю остаться здесь, так как, признаюсь, я еще не настолько сошел с ума, чтобы совать свою башку в волчью пасть. Ступайте, если уж вам так приспичило, а я и здесь могу подождать.

Тигреро не мог сдержать улыбки.

— Опасность вовсе не так велика, как тебе кажется, — сказал он, — на асиенде нас будет ждать одно лицо, которое постарается удалить часовых с того места, куда мы направимся.

— Все это так, но я все-таки предпочитаю не ставить подобного опыта. Пуля не знает пощады, а французы стреляют без промаха.

Тигреро не отвечал, как будто даже не расслышал замечания своего товарища. Он нагнулся вперед и слушал.

Пустыня в несколько минут пробудилась, из глубины непроходимых чащ доносился какой-то шум. Звери выходили из своих логовищ и, словно растерянные, проходили мимо двух людей, не замечая их. Птицы, пробудившись от первого сна, взлетали, испуская резкие крики, и описывали в воздухе широкие круги. На реке видны были силуэты животных, которые изо всех сил спешили переплыть на другой берег. Очевидно, происходило что-то необычное.

По временам сухой треск, свист, глухой шум, словно от прорвавшей плотину воды, раздавались в тишине и с минуты на минуту становились все сильнее, все явственнее.

На краю горизонта появилась широкая полоса кроваво-красного пламени и залила всю окрестность зловещим фантастическим отблеском.

Раза два наших искателей приключений уже покрывали темные облака дыма, в котором неслись искры и горящие хлопья сухой травы.

— Ах! Боже мой, что это такое? Дон Марсиаль, глядите! — воскликнул леперо. — Посмотрите на наших лошадей!

Благородные животные стояли, вытянув шеи, прижав уши, вдыхая расширенными ноздрями удушливый, наполненный запахом гари воздух и с силой ударяя копытами о землю.

— Что же тут такого? — спокойно ответил Тигреро. — Они чувствуют, что прерия горит, вот и все.

— Как, прерия горит? Неужели вы думаете, что прерия горит?

— Я не думаю, я это вижу. Тебе стоит только хорошенько присмотреться, как это сделал я.

— Гм! Отчего же она загорелась?

— Да очень просто! Это одна из обычных индейских хитростей. Наступает Мексиканская луна, разве ты забыл об этом?

— Позвольте, я ведь не охотник. Признаюсь, что меня все Это ужасает, и я дорого бы дал, чтобы очутиться подальше отсюда.

Леперо сделал жест отчаяния.

— Да ты просто ребенок, — смеясь, заметил ему дон Марсиаль. —

Индейцы, чтобы скрыть свое наступление, подожгли прерию, они двигаются следом за огнем. Скоро ты услышишь их боевой клич посреди пламени и дыма, которые охватят тебя со всех сторон. Если ты останешься здесь, то подвергнешься трем неизбежным опасностям: изжариться, быть оскальпированным или убитым. И то, и другое, и третье, вероятно, тебе будет не особенно приятно. Положись на меня и следуй за мной. Если тебя убьют — ну так что же? Значит, этого не избежать... Ну что, едем? Огонь приближается, скоро будет уже поздно. Ну, на что же ты решился?

— Я следую за вами, — упавшим голосом проговорил леперо, — будь, что будет! Какой дурак я был, что уехал из Гуаймаса, где мне жилось так хорошо, где я ничего не делал, а теперь то и дело попадаю в подобные переделки. О! Да пусть гром разразит меня, если я еще раз пуцусь бродить с вами по прерии, если только сегодня все сойдет благополучно.

— Ну да, ну да! Всегда так зарекаются... однако, надо спешить, время не терпит.

И действительно, прерия на пространстве в несколько миль кругом пылала, как кратер огромного вулкана. Пламя ходило волнами, как на море в бурю, деревья вспыхивали, как снопы сена, к небу поднимались столбы густого, черного дыма с искрами, горящими хлопьями. Пустыня наполнилась свистом, шипением, шумом. Крики птиц, вой зверей затихали: и птицы, и звери или гибли, или убирались в безопасные места за реку.

Дон Марсиаль и леперо сели на лошадей и пустили их, совсем бросив поводья. Благородные животные, руководимые инстинктом, изо всех сил рванулись к воде.

Та часть прерии, которая лежала за рекой, представляла полный контраст с той, которую покидали наши искатели приключений. Последняя казалась морем пламени, которое поглощало на своем пути все, что попадалось живого и цветущего, превращая все в тончайший, подхватываемый вихрями пепел, спускаясь в долины, поднимаясь на холмы.

Рио-Хила в то время года, к которому относится наш рассказ, поднялась от дождей, ливших в горах, и была вдвое шире обыкновенного. Течение ее было по этой причине необыкновенно быстрым и в некоторых местах весьма опасным. Но когда наши путники спустились к берегу, они увидели, что через реку переправляется такая масса всякого зверья, хищного и нехищного, совершенно забывшего свою вечную непримиримую вражду, что течение было просто задержано массой тел. Дон Марсиаль и леперо поспешили присоединиться к спасавшим свою жизнь живым существам и переплыли на другой берег сравнительно

быстро.

— Эге! — заметил Кукарес, успокоившись, когда почувствовал, что лошадь его опять коснулась ногами дна и стала взбираться на небольшую кручу зеленого берега. — Ведь вы говорили мне, что мы идем на асиенду, а теперь, не правда ли, мы выбрали совсем другое направление? Так ведь я говорю?

— Нет, дружище, ты говоришь вовсе не так. Помни, что в пустыне часто приходится поворачиваться спиной к тому месту, которого ты стремишься достичь, и все это для того, чтобы добраться туда наверняка.

— Что вы этим хотите сказать?

— Мы спутаем своих лошадей под этими акациями и флорибондами, так как здесь они будут в полной безопасности, а сами вернемся к асиенде.

Тигреро тотчас же спрыгнул с лошади, подвел ее к группе деревьев, снял узду, чтобы она могла пастись, и стреножил. Затем он вернулся на берег.

Кукарес с тем отчаянием, которое в известных случаях, дойдя до предела, превращается в тупую покорность судьбе, имеющую некоторое сходство с мужеством, в точности повторил то, что проделал его товарищ. Достойный леперо, глубоко убежденный, что все погибло, отдался на произвол своей, быть может, несчастной звезды с тем фатализмом, который составляет характерную черту мирозозерцания восточных народов.

Мы уже говорили, что на этом берегу реки царило спокойствие, только у воды раздавались самые разнообразные звуки — мяуканье, урчание, лай и прочее, — исходившие от зверей, выразивших таким образом радость по поводу своего спасения и спешивших поскорее убраться прочь в глубь прерии. Леперо наконец сообразил, что теперь он также в безопасности, и обратился к дону Марсиалю:

— Но как же мы попадем туда, на асиенду? Река широка, а плавать я не умею.

— Подожди немного. Мы сейчас кое-что найдем, я в этом уверен, если только хорошенько поищем, и облегчим нашу переправу. Э! Ну вот, смотри, — прибавил дон Марсиаль через минуту, — разве не правду я говорил?

И он указал леперо на пирогу, причаленную в маленькой бухточке по эту сторону реки.

— Колонисты ловят здесь рыбу, — продолжал Тигреро, — и в нескольких местах по берегу держат пироги. Мы возьмем эту и через две минуты будем опять у стен асиенды. Умеешь ли ты хоть владеть веслом?

— Да, когда я спокоен.

— Слушай, друг мой Кукарес, — оборвал его Марсиаль, положив ему на плечо руку и с минуту пристально смотря ему в глаза, — у меня нет сейчас времени разговаривать с тобой. У меня серьезные причины поступать так, как я поступаю. Мне нужна твоя самоотверженная помощь, ты должен помогать мне без всякой задней мысли, слышишь? Ты меня знаешь. При первом твоём подозрительном движении я всажу тебе в череп пулю, я убью тебя, как шакала. Теперь помоги мне достать эту пирогу, и быстрее в путь.

Леперо понял, что с ним не шутят, и вновь бессильно отдался на волю судьбы. Через несколько минут пирога была отвязана, и оба мексиканца уже сидели в ней.

Чтобы добраться до той части асиенды, что лежала против батареи, им нужно было проплыть совсем немного, но этот короткий путь был полон опасностей. Во-первых, река несла в своем быстром течении множество вырванных с корнями деревьев, которые плыли, наполовину выглядывая из воды, и на каждом шагу могли зацепить и опрокинуть зыбкое суденышко. Кроме того, через реку продолжали переправляться стадами звери, и если бы пирога попала в середину одного из таких стад, то она неизбежно была бы увлечена им и также перевернута вверх дном. Самая малая опасность, которой наши герои подвергались, состояла в том, что они могли получить в лоб пулю от часовых, расставленных в чаще под стенами асиенды и охранявших доступ к ней со стороны реки. Но эта последняя опасность была ничтожной по сравнению с двумя первыми, так как все заставляло предполагать, что привлеченный заревом гигантского пожара гарнизон направит все свое внимание от реки в сторону прерии. Наконец, дон Марсиаль не думал, что часовые стояли у самой воды.

По его знаку леперо взял весла, и они отчалили.

Пожар быстро проходил по направлению к западу, уничтожая все на своем пути.

Пирога медленно продвигалась вперед среди бесчисленных препятствий, замедлявших ее ход.

Кукарес, бледный как смерть, с развевающимися волосами, с выпученными от страха глазами, словно безумный работал веслом, с отчаянием поручив свою душу всем святым, каких только он мог припомнить из бесконечных испанских святцев. Он был убежден, что теперь-то ему уж никак не выйти живым из пироги.

Да и действительно, положение было не из приятных. Требовались вся решимость и отвага Тигреро, подогретые целью, к которой тот стремился, чтобы он сам решился проделать то, во что втянул и своего спутника.

Чем дальше продвигались они, тем ужаснее и многочисленнее становились окружающие их опасности. То и дело они были вынуждены изменять направление, чтобы избежать плывших по реке деревьев. Они постоянно останавливались, раз десять проплывали по одному и тому же месту, так как водоворот и быстрое течение то и дело сносили их вниз.

Около двух часов длилась эта трудная переправа. К асиенде они приближались крайне медленно, и ее темная масса, вырисовывающаяся на звездном небе, оказывалась у них то справа, то слева. Вдруг ужасный крик множества голосов донесся из-за асиенды, с прерии, и за ним, как гром небесный, последовал залп артиллерии и сухой треск ружейных выстрелов.

— Пресвятая Дева! — закричал Кукарес, бросив весло и сложив руки. — Мы погибли! Мы погибли!

— Что ты орешь? — спокойно остановил его Тигреро. — Напротив, мы спасены! Индейцы пошли на приступ, все французы теперь обратились в ту сторону, никто и не подумает смотреть, что делается на реке. Смелее, *comrade*! Еще два-три сильных гребка, и мы у цели.

— Да услышит вас Господь! — проговорил леперо, вновь принимаясь грести дрожащей рукой.

— А приступ, кажется, нешуточный. Ну, тем лучше! Чем дольше они будут сражаться по ту сторону асиенды, тем меньше будут смотреть на реку.

Со стороны перешейка доносился между тем гул схватки, которая с каждой минутой становилась все жарче.

Оба мексиканца, скрытые в темноте, бесшумно подплывали к асиенде.

Дон Марсиаль стал вглядываться вперед. Все было безмолвно с этой стороны. Берег возвышался уже шагах в двадцати от них. Все, по-видимому, говорило о том, что их не заметили.

Тигреро наклонился к своему спутнику:

— Довольно, мы приехали.

— Приехали? — как безумный переспросил леперо. — Но до берега еще далеко!

— Нет, в том месте, где мы стоим, тебе нечего бояться, что бы вокруг тебя ни происходило. Сиди в пироге, привяжи ее к какой-нибудь коряге и жди меня.

— Вас?

— Да, меня. Я оставлю тебя часа на два. Смотри, не зевай. Если заметишь что-либо подозрительное, то дай мне знать. Сигналом будет крик водяной курочки, который ты повторишь два раза, понял?

— Понял. Но если нам будет угрожать что-нибудь особенное, что мне

делать?

Тигреро задумался на минуту.

— Что же может еще угрожать нам?

— Я не знаю. Но эти индейцы такие дьяволы, что от них можно ожидать чего угодно.

— Это верно. Ну, так в случае особенной опасности, и только в этом случае — понимаешь? — ты должен дать мне сигнал — прокричать два раза курочкой — и отъехать вон туда, к тем ивам над водой. Там ты будешь в полной безопасности, и я сейчас же приду к тебе.

— Хорошо. Но как же вы? Как я найду вас?

— Я два раза пролаю луговым шакалом. Ну, а теперь будь благоразумен и не трусь.

— Положитесь на меня.

Тигреро снял с себя всю лишнюю одежду, которая могла его стеснять — свой сарапе и сапоги, и остался в камзоле и панталонах. Засунув за пояс нож и пистолеты, закинув карабин за плечи, взяв картечь и пороховницу, он затем два раза попытался воспроизвести руладу жаворонка. Немедленно с берега последовала ответная трель. Тогда Тигреро вновь повторил своему товарищу совет держаться настороже, привязал оружие к голове и тихо спустился в воду. Леперо увидел его плывущим к асиенде сильными, но бесшумными взмахами рук. Скоро Тигреро исчез из виду, слившись с ночной темнотой.

Оставшись один, Кукарес, словно по какому-то наитию, стал осматривать свое оружие, переменял затравки, словом, приготовился на всякий случай, чтобы не быть застигнутым врасплох. Затем, успокоенный тишиной, которая царила вокруг, он, несмотря на предупреждения Тигреро, растянулся на дне пироги и приготовился спать.

Шум схватки понемногу затихал и, наконец, совсем смолк. Не стало слышно ни воинственных криков, ни выстрелов. Индейцы, встретив серьезный отпор колонистов, отступили. Пожар удалялся, зарево меркло, пустыня вновь погрузилась в свои обычные молчание и тишину.

Леперо, лежа на спине на дне лодки, смотрел на звезды, сиявшие на темном небе. Легкая зыбь укачивала лодку, как колыбель, глаза его по временам слипались. Наконец он погрузился в дремоту и скорее всего заснул бы окончательно, если бы в тот самый момент, когда он готовился совсем сомкнуть веки, его не посетил последний проблеск сознания, заставивший вспомнить положение, в котором он находился, и осмотреться вокруг полусонными глазами. То, что увидели эти полусонные глаза, заставило его задрожать всем существом. Крик ужаса готов был вырваться

из его груди, но он остался нем и только быстро поднялся в пироге, так что она закачалась и зачерпнула бортом воды.

Кукарес увидел ужасное зрелище. Он протер глаза, чтобы убедиться в том, что не спит, и осмотрелся вновь.

То, что он поначалу счел видением, на самом деле было действительностью.

Мы говорили, что река несла множество коряг, корней, вырванных деревьев с сучьями. В продолжение уже довольно долгого времени около того места, где находилась пирога, эти деревья стали образовывать затор. Почему это произошло, леперо не мог объяснить себе. Деревья должны были бы следовать по течению и спускаться вниз, а тут, поравнявшись с асиендой, они оставляли середину реки и мало-помалу приближались к берегу, на котором стояла асиенда.

Но что особенно удивительно, так это то, что все эти деревья направлялись к одному месту, а именно к оконечности мыса на стороне асиенды, противоположной перешейку, соединяющему асиенду с берегом, на котором стояла батарея. Но не это возбудило ужас Кукареса. Он увидел, как между странно переплетающимися сучьями сверкают глаза, скоро он разглядел также страшные очертания голов и ужасные профили в индейских воинских уборах.

Сомнений быть не могло — на каждом дереве сидел, по крайней мере, один индеец. Леперо решил, что, потерпев неудачу с одной стороны, индейцы попытались повторить нападение с другой и пробирались вплавь, уцепившись за суковатые деревья, спускавшиеся по реке, в ветвях которых они и спрятались.

Положение леперо становилось затруднительным. До сих пор индейцы не обращали внимания на пирогу, предполагая, что она принадлежит, вероятно, кому-нибудь из них, но каждую минуту истина могла открыться, и тогда, леперо знал, ему нечего ждать пощады.

Уже не один раз за борта пироги хватались сильные руки и держались за них по нескольку секунд, хотя те, кому эти руки принадлежали, не догадывались заглянуть внутрь ее, что Кукарес благочестиво приписывал действию Провидения.

Все эти размышления, как и многие другие, приходили в голову Кукаресу, когда он лежал на дне лодки, легко покачивавшейся на зыби, и смотрел на небо, усыпанное тихо мигающими звездами. Лицо его исказилось от ужаса, руки словно замерли, схватив ложа двух пистолетов, он мысленно возносил последнюю свою молитву и поручал себя своему святому. Каждую минуту он ждал ужасной развязки, которая, чем больше

протекало времени, тем становилась все грознее и неизбежнее.
Ждать ему пришлось недолго.

ГЛАВА XIV. Индейская хитрость

Среди непокоренных индейских племен, кочующих по громадным пустыням, ограниченным реками Рио-Хилой, Рио-Браво-дель-Норте и Колорадо, в эпоху, к которой относится наш рассказ, два племени оспаривали первенство между собой: апачи и команчи.

Непримиримые враги, находящиеся в непрестанной войне друг с другом, эти племена иногда объединялись общей своей ненавистью к белым и ко всему тому, что имело какое-либо отношение к этой враждебной им расе.

Превосходные наездники, бесстрашные охотники, жестокие, безжалостные воины, команчи и апачи являлись для жителей северных областей Мексики ужасными соседями. Ежегодно в одно и то же время их отряды, насчитывавшие по несколько тысяч человек, выходили из глубины пустынь, переплывали реки и в нескольких местах сразу проникали в пределы Мексики, сжигая и убивая все, что встречалось им на пути, захватывая женщин и детей и распространяя горе и разрушение миль на двадцать в глубь страны, занятой оседлыми европейскими поселениями.

В эпоху испанского владычества дело обстояло иначе. По границе были устроены многочисленные крепости и форты, между ними располагались в удобных для защиты пунктах отряды войск, содержащиеся исключительно с целью отражать нападения индейцев и прогонять их в глубь прерий и не выпускать с их земель охоты. Но со времени провозглашения независимости Мексики граждане настолько втянулись в бесконечные и бесцельные междоусобицы и революции, что войска были отозваны и употреблялись для совершенно других нужд, форты были упразднены, и пограничным жителям предоставили защищаться самим, как они смогут и сумеют, то есть оставили их без всякой защиты. Следствием этого явилось то, что индейцы стали понемногу приближаться, перешли реки, не встречая никакого серьезного сопротивления. Произошло это по той простой причине, что мексиканское правительство под страхом самого сильного наказания запретило продавать оседлым индейцам огнестрельное оружие, а эти индейцы только одни и могли оказать достойное сопротивление нападавшим соплеменникам. Последние же без труда за несколько лет вернули себе все то, что Испания при всем своем могуществе с трудом приобрела за несколько веков. В результате получилось, что плодороднейшие в мире земли стояли без обработки и по этой несчастной

стране нельзя было сделать шага, чтобы не натолкнуться на еще дымящиеся развалины. Дерзость индейцев дошла до того, что они даже не скрывали своих намерений вторгнуться в мексиканские пределы. Эти вторжения они стали повторять в определенное время года, регулярно в одни и те же месяцы и даже в одни и те же дни. В насмешку они называли эти месяцы Мексиканскими лунами, то есть такими месяцами, когда они отправлялись грабить мексиканцев.

Черному Медведю удалось основать сильную конфедерацию с целью поднять в глазах соплеменников свой престиж, который было сильно поколебался из-за неудач, преследовавших его в нескольких последних походах. Это и было уже описано нами в одной из предшествующих глав. Как все индейские вожди, он был крайне самолюбив. Несмотря на свои молодые годы, он успел уже разорить несколько мелких племен и присоединить их к своему племени. Он стремился теперь покорить команчей и заставить их признать его главенство. Замысел этот был смел, трудноисполним, пожалуй, даже и совсем не исполним, так как команчи по праву считались самым воинственным и сильным племенем в прериях. Это племя гордо именовало себя царем прерий и только терпело присутствие апачей на землях, которые считало входящими в состав своих земель охоты. Команчи имели перед другими племенами в прериях громадное преимущество, которое составляло их силу и делало их ужасными для тех, с кем они вели войны. Преимущество это заключалось в том, что они не употребляли никаких спиртных напитков и потому избежали повального развращения и болезней, которые поразили другие племена и в гораздо большей степени, чем пули, облегчили победу европейским пришельцам. Команчи же сохранили всю силу, выдержку и природный ум дикарей.

Насмешник точно так же, как и Черный Медведь, не верил в прочность союза двух племен. Ненависть, которую он чувствовал к апачам, слишком глубоко укоренилась в его душе. Но основание французами колонии Гетцали, установление постоянного владычества белых над землями, которые все краснокожие считали своими, грозило слишком серьезными последствиями одинаково для всех индейских племен, и потому нет ничего удивительного, что они соединились вместе, чтобы одержать победу над общим врагом. Они отложили на время свои давние неразрешимые раздоры и заключили союз для совместного похода на Гетцали, но только для этого. Между ними установилось безмолвное, но тем не менее прекрасно понимаемое обеими сторонами соглашение, что после изгнания иноземцев каждый волен поступать как ему угодно.

Мы описали уже, как начал военные действия Насмешник. Черный

Медведь держал в голове план, который обдумал уже давно, но из-за недостатка средств не мог привести в исполнение. Желая получить сведения, необходимые для задуманного набега, он отправился в Гуаймас. Там Тигреро, преследуя, в свою очередь, собственные цели, предложил ему втереться в состав каравана дона Сильвы, направлявшегося в Гетцали, в качестве проводника. Апач ухватился за это предложение, прекрасно выполнил свою роль и за те несколько часов, которые провел на асиенде, со свойственной индейцам проницательностью самым подробнейшим образом ознакомился со всеми слабыми пунктами крепости.

Существовала еще одна цель, увеличившая его стремление овладеть асиендой. Как у всех краснокожих, у него была мечта иметь женой бледнолицую женщину. Когда ему довелось увидеть донью Аниту, в нем внезапно загорелась страсть, и он решил привести в исполнение мечту, которую давно лелеял, и ввести в свой вигвам чудный цветок, подобного которому, конечно, отродясь не имел ни один индейский вождь.

Пусть не подумает читатель, что Черный Медведь почувствовал к донье Аните какое-либо подобие любви. Вовсе нет — ему просто хотелось иметь белую жену, вот и все. Ему казалось обидным, что у всех прочих вождей его племени были белые жены, а у него нет. Если бы донья Анита была безобразна, то он и тогда попытался бы овладеть ею. Но она была на редкость хороша — тем лучше! Нужно прибавить, что апачский вождь даже не находил ее особенно красивой; по индейским понятиям молодая девушка была не более как недурна собой. Единственное, что он ценил в ней, это цвет кожи.

Черный Медведь, сидя с самыми важными из вождей на оконечности острова Чоль-Гекель, хранил серьезное молчание и, скрестив на груди руки, уставился в пространство, пока зарево пожара, пущенного в прерии Насмешником, не озарило окрестностей своим кровавым отблеском.

— Брат мой Насмешник — опытный вождь и верный союзник, он честно выполнил поручение, данное ему. Он сжигает сейчас бледнолицых собак. Что команчи начали — апачи dokonчат.

— Черный Медведь — великий вождь своего племени. Кто осмелится спорить с ним? — льстиво заметил в ответ Малая Пантера.

Сахем улыбнулся.

— Если команчи — антилопы, то апачи — выдры. Они умеют, когда надо, плавать по воде так же хорошо, как и ходить по земле, могут и летать по воздуху. Дни бледнолицых сочтены. Великий Дух обитает в Черном Медведе и говорит словами, исходящими из груди его.

Воины почтительно наклонили головы.

После минутного молчания Черный Медведь продолжал:

— Что значат для индейских воинов огненные трубы бледнолицых? Разве у них нет острых желобчатых стрел и разве не бесстрашны сердца их? Да последуют за мной дети мои, мы возьмем скальпы бледнолицых псов, привяжем их к гривам наших коней, и их женщины будут нашими рабынями!

Слова вождя были заглушены криками радости и энтузиазма.

— Река несет много деревьев. Братья мои не бабы, чтобы напрасно утомлять себя. Они сядут на эти деревья, и река донесет их до большого вигвама бледнолицых. Пусть приготовятся дети мои. Черный Медведь выступит в шестнадцатый час, когда синяя сова пропоет два раза и куропатка испустит свой резкий крик. Я сказал. Двести воинов последуют за Черным Медведем.

Вожди почтительно поклонились сахему и оставили его одного.

Черный Медведь закутался в бизонью шкуру, растянулся перед горевшим возле него костром, раскурил трубку при помощи священной палочки, украшенной погремушками и перьями, и замер, неподвижно устремив взор на зарево, которое ширилось, все сильнее захватывая горизонт.

Остров Чоль-Гекель, на котором апачский вождь расположился лагерем, находился не очень далеко от французской колонии. Перспектива плыть на деревьях, вырванных рекой, отдавшись на волю течения, не таила в себе ничего опасного для этих людей, с детства привыкших к разного рода телесным упражнениям и плававших в воде подобно рыбам. Между тем этот способ представлял то преимущество, что позволял воинам, во-первых, сохранить свои силы, а во-вторых, приблизиться к крепости совершенно незаметно под прикрытием воды и коряг и по данному сигналу, подобно стае голодных коршунов, кинуться на приступ.

Черный Медведь был настолько уверен в успехе своего плана, который он обдумал во всех мелочах, что даже не захотел брать с собой больше двухсот отборных воинов, считая излишним нападать большими силами на врага, которого следовало захватить врасплох и который должен был в то же время отбивать нападение команчей Насмешника. Он полагал, что, если французы подвергнутся еще и нападению с тыла, он успеет их перебить всех до одного прежде, чем они опомнятся.

В этих широтах сумерки длятся всего несколько минут, ночь наступает внезапно. словно по мановению волшебного жезла, все окуталось тьмой, и только вдали яркая полоса цвета красной меди показывала, куда направился пожар, за которым, подобно стае волков, следовали команчи. Их

привычные ко всему кони ступали по не остывшей еще земле топчя копытами головни и угли, хотя и потухшие, но еще горячие.

Когда Черный Медведь решил, что пришла пора действовать, он потушил свою трубку, хладнокровно вытряс из нее пепел и сделал знак, который был тотчас понят Малой Пантерой, готовым немедленно исполнить любой приказ вождя.

Почти немедленно появились двести воинов, отобранных сахемом для набега.

Это были отборные люди, вооруженные копьями и стрелами. Колчаны у них были закинута за плечи.

— Воины апачей идут на битву, — обратился к ним прочувствованным голосом Черный Медведь, — бледнолицые, с которыми им придется сразиться — не йори. Говорят, что они очень храбры, но апачи — самые храбрые воины в мире. Никто не может сравниться с ними. Дети мои могут быть убиты, но они победят.

— Воины могут быть убиты, — в один голос отвечали воины.

— О-о-а! — продолжал Черный Медведь. — Дети мои хорошо говорят, Черный Медведь верит в их отвагу. Ваконда, Великий Дух, не оставит их, он любит краснокожих. Теперь пусть дети мои сядут на деревья, плывущие по реке, и отдадут себя на волю течения. Крик кондора будет для них сигналом, когда следует броситься на белых.

Индейцы тотчас же отправились исполнять приказание вождя. Обгоняя друг друга, они бросились к реке и стали притягивать к берегу плывшие мимо деревья и коряги. В самое короткое время на оконечности островка они собрали значительное количество деревьев. Черный Медведь в последний раз окинул взглядом остров и дал знак к отправлению. Он первым спустился в воду, прицепился к дереву и поплыл вниз по течению. Остальные без колебания последовали за ним.

Апачи так ловко расположили деревья еще у острова и так ловко правили ими, что, когда они оттолкнулись, деревья немедленно направились на середину реки, где было самое быстрое течение, и понесли их к крепости. Против крепости деревья, направляемые теми же умелыми руками, незаметно поворачивали к берегу и останавливались в том месте, о котором уже упоминалось.

Плавание это все-таки представляло для воинов значительную и серьезную опасность.

Индейцы не имели весел, поэтому, чтобы держаться в нужном положении, они вынуждены были прилагать невероятные усилия, так как деревья вертелись, качались и ежеминутно грозили утопить плывших на

них. Была еще одна трудность: перед самой асиендой воины должны были полностью погрузиться в воду, чтобы вывести деревья из течения и заставить их направиться к берегу. Было, наконец, и еще одно, не последней важности обстоятельство. Деревья, на которых плыли индейцы, беспрестанно сталкивались с другими, также уносимыми рекой, сучья цеплялись друг за друга так, что невозможно было их расцепить, и волей-неволей приходилось, вместо одного, направлять по нескольку деревьев, так что через полчаса перед асиендой образовался громадный затор, занявший почти всю ширину реки.

Индейцы очень настойчивы. Раз они начали какое-то дело, они уже не бросят его до тех пор, пока не получат ясного как день доказательства, что неудача неминуема. В противном случае они лезут напролом, чего бы им это ни стоило. То же самое происходило и сейчас. Несколько человек утонули, несколько получили серьезные раны и должны были выплыть на берег, но остальные без колебаний продолжали спускаться вниз по течению, подбадриваемые своим вождем.

Прошло довольно много времени с тех пор, как они покинули свой остров, и он исчез из виду за одним из причудливых поворотов реки. Мыс, на котором стояла асиенда, обозначился уже не на далеком расстоянии, и черный силуэт крепости вырисовывался на темно-синем безоблачном, звездном небе. До места, к которому они должны были причалить, оставалось уже не более одного полета стрелы, когда Черный Медведь, державшийся все время впереди и непрестанно вглядывавшийся вперед, заметил всего в нескольких шагах перед собой легкую пирогу, покачивавшуюся на поверхности реки и привязанную к выступающей из воды коряге.

Эта пирога возбудила подозрение в осторожном индейце. Ему показалось странным, что в такой поздний час кто-нибудь мог оставить лодку, привязанную на середине реки. Черный Медведь был человек решительный, ни при каких обстоятельствах не колебавшийся. Еще раз внимательно оглядев эту пирогу, мирно продолжавшую покачиваться перед ним, он наклонился к Малой Пантере, который уцепился за то же дерево, что и он, и плыл, ежеминутно готовый передать плывущим сзади воинам или самому исполнить любое приказание вождя, взял в зубы его нож, отделился от дерева и поплыл.

Он вынырнул у самой пироги, схватил ее сильными руками, нагнул в свою сторону и прыгнул в нее прямо на грудь Кукаресу, которого сразу схватил за горло.

Это было исполнено так быстро, что леперо не успел воспользоваться

своим оружием и в мгновение ока оказался во власти врага, не успев даже сообразить, что случилось.

— О-о-а! — с удивлением произнес индеец, узнав его. — Что делает здесь брат мой?

Леперо также узнал вождя, и это, как ни странно, придало ему бодрости.

— Ты видишь, — отвечал он, — я сплю.

— О-о-а! Брат вождя боится огня, потому он и остановился посередине реки.

— Совершенно верно, ты сразу угадал, вождь, я боюсь огня.

— Хорошо, — отвечал на это апач с ядовитой, только ему свойственной улыбкой. — Но брат вождя не может быть один. Где Толстый Бизон?

— Гм! Какой еще Толстый Бизон? Я не знаю, вождь, никакого Толстого Бизона! О ком ты говоришь?

— Все бледнолицые лгут. Почему брат вождя не хочет сказать правду?

— Я с удовольствием скажу ее, только я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Черный Медведь — великий вождь апачей, он умеет говорить на своем языке, но плохо знает язык гачупинов.

— Я не то хочу сказать, ты очень хорошо говоришь на кастильском наречии, но ты спрашиваешь меня о человеке, которого я совершенно не знаю.

— О-о-а! Возможно ли это? — произнес индеец с притворным изумлением. — Неужели брат вождя не знает воина, с которым он находился вместе два дня тому назад?

— А! Теперь я понял. Ты говоришь о доне Марсиале! Ну да, я его знаю, конечно.

— Хорошо, — ответил апач, — вождь знает, что он не ошибся. Но почему сейчас нет с братом моим этого воина?

— Черт возьми! Вероятно, потому, что я здесь, — ехидно отвечал леперо.

— Это верно, но так как вождю некогда терять на пустые разговоры время, а мой брат не желает отвечать, то вождь сейчас убьет его.

Это было произнесено таким тоном, который не допускал и мысли о каком-либо колебании. Черный Медведь поднял свой нож. Леперо понял, что, если не удовлетворит желания индейца, он погиб, и на него, словно по вдохновению, нашла решимость.

— Что ты хочешь от меня? — спросил он.

- Чтобы мой брат сказал правду.
- Спрашивай!
- Мой брат ответит?
- Да.
- Хорошо. Так где же Толстый Бизон?
- Там, — указал он в направлении асиенды.
- Давно?
- Более часа.
- Зачем он пошел туда?
- Ты сам догадаешься об этом.
- Да. Значит, они вместе?
- Они должны быть вместе, так как она вызвала его.
- О-о-а! А когда же он вернется?
- Я не знаю.
- Разве он не сказал этого моему брату?
- Нет.
- Он вернется один?
- Не знаю.

Индеец окинул леперо пристальным взглядом, будто хотел проникнуть в самую его душу. Леперо остался бесстрастным, он честно сдержал свое слово и сказал все, что знал.

— Хорошо, — вновь начал вождь через минуту, — не условился ли Толстый Бизон с моим братом о каком-нибудь сигнале?

- Условился.
- Что же это за сигнал?

Блестящая идея озарила при этом Кукареса. Мексиканские леперос представляют собой класс людей, которых можно сравнить разве что с неаполитанскими лаццарони: расточительные и жадные в одно и то же время, алчные и бескорыстные, то безумно отважные, то, как бабы, трусливые, эти люди представляют самое странное сочетание порочного и злого с добродетельным. Они совершают поступки, руководствуясь сиюминутным побуждением, без размышления, но и без страсти. Они постоянно веселы, верят всему, но в то же время и не верят ничему, одним словом, жизнь их представляется рядом самых удивительных крайностей. Из-за мальчишеской глупости они рискнут жизнью, с легким сердцем предадут своего самого преданного друга, но, может быть, и самоотверженно спасут его.

Кукарес представлял собой олицетворение этой эксцентричной группы людей. Хотя кинжал вождя апачей был всего в дюйме [31](#) от его груди и хотя

он отлично знал, что его жестокий враг не даст ему пощады, он решил любой ценой сыграть с ним злую шутку. Мы не будем утверждать, что он решился сделать это из чувства дружбы к дону Марсиалю (повторяем, леперо ни к кому не чувствовал любви и дружбы, быть может, даже не исключая и самого себя). Сердце существовало в груди его только как некий внутренний орган, выполнявший известные физиологические функции, но действия Кукареса предопределялись его веселым характером.

— Вождь хочет знать, что это за сигнал? — спросил он.

— Да! — отвечал апач.

Кукарес с изумительным хладнокровием и спокойствием издал крик водяной курочки.

— Молчать! — крикнул Черный Медведь. — Зачем ты подал сигнал?!

— Прости, — ответил леперо, язвительно усмехаясь, — я, должно быть, не так сделал, — и он повторил изданный звук.

Индеец, взбешенный дерзостью своего врага, бросился на него с намерением прикончить леперо одним ударом.

Но, ослепленный яростью, он плохо рассчитал движение, утлая пирога качнулась, опрокинулась, и оба врага очутились в воде.

Леперо плавал, как выдра, и потому не растерялся, нырнул и изо всех сил поплыл по направлению к асиенде.

Но если он и хорошо плавал, то Черный Медведь уж никак не уступал ему. Через секунду вождь оправился, огляделся и кинулся вслед за своим врагом.

Между ними началось соревнование в силе и ловкости. Вероятно, оно кончилось бы в пользу белого, который намного опередил своего противника, если бы несколько воинов, бывших свидетелями происходящего, также не бросились в воду наперерез леперо.

Кукарес увидел, что бегство невозможно. Тогда, не желая продолжать далее бесцельную борьбу, он направился к дереву, уцепился за него и с изумительным хладнокровием стал ожидать, что будет дальше.

Черный Медведь немедленно очутился возле него. Он не выказывал ни малейшего озлобления за его проделку.

— О-о-а! — произнес он, также ухватившись за ветви дерева. — Брат мой истинный воин, он обладает хитростью.

— К чему мне она, все равно мне не сохранить моего скальпа.

— Может быть, — ответил индеец, — но пусть брат мой скажет, где находится Толстый Бизон?

— Я уже сказал тебе, вождь!

— Да, мой брат сказал, что Толстый Бизон находится в большом

вигваме бледнолицых, но пусть он скажет, в каком именно месте.

— Гм! А если я покажу тебе это место, буду ли я свободен?

— Да! Если язык у моего брата не раздвоен и он скажет мне всю правду, то, как только мы будем на берегу, его освободят.

— Печальная свобода! — пробормотал леперо, покачав головой.

— Ну, так что же выбирает брат мой?

— Честное слово! — ответил на это Кукарес, окончательно решая, что ему нужно делать. — Я сделал для дона Марсиаля все, что было в моих силах. Он предупрежден, теперь мне надо позаботиться и о своей шкуре, а он пусть действует сам как знает. Смотри, вождь, куда я показываю пальцем. Ты видишь отсюда эти ивы на мысу?

— Вождь видит.

— Ну вот, за этими ивами ты найдешь того, кого ты называешь Толстым Бизоном.

— Ну, хорошо. Слово Черного Медведя всегда одно, бледнолицый будет свободен.

— Благодарю.

Разговор на этом прервался, да и пора было, так как почти все апачи уже подплыли к берегу.

Индейцы пустили по течению большую часть деревьев, на которых приплыли, и целыми гроздьями повисли на нескольких самых толстых.

Асиенда безмолвствовала. Не видно было ни одного огонька. Все было спокойно, как будто жители покинули ее.

Это глубочайшее спокойствие возбудило подозрение Черного Медведя, тишина предвещала для него бурю. Он решил, что прежде, чем дать сигнал к высадке на берег и нападению, следует убедиться собственными глазами, какая опасность грозит индейцам. Он издал переливчатый звук, подобный крику игуаны ³², и нырнул в воду.

Апачи поняли намерение своего вождя и остановились.

Через несколько секунд они увидели, что он уже взбирается по песчаному откосу наверх. Черный Медведь сделал несколько шагов по берегу и прислушался. Он ничего не увидел и не услышал и тогда, уверенный в полной безопасности, обернулся к реке и дал сигнал к высадке.

Апачи покинули свои деревья и поплыли. Кукарес воспользовался этим моментом и исчез, что не составило особого труда, так как на него никто не обращал внимания.

Апачи быстро плыли к берегу сомкнутой колонной. Через несколько минут они уже вышли на прибрежный песок и взяли немного вверх по

реке.

— Пли! — раздалась вдруг громкая команда.

Вслед за этим почти в упор апачам последовал страшный залп.

Апачи ответили яростным воем, их захватили врасплох те, на кого они сами надеялись напасть совершенно неожиданно. Они бросились прямо на звук залпа, потрясая оружием.

ГЛАВА XV. Нашла коса на камень

Вернемся теперь к нашим охотникам, которых мы совсем уже забыли. В продолжение предыдущего рассказа они не сидели сложа руки.

После ухода обоих мексиканцев Весельчак и его друзья несколько минут сидели молча.

Канадец носком сапога катал по земле уголья, выпавшие из костра и, по-видимому, полностью погрузился в это занятие. Граф Пребуа-Крансе сидел, уткнувшись подбородком в ладони и уперев локти в колени, и рассеянным взглядом смотрел на искры, вырывавшиеся из пламени, сверкавшие в густом дыму и гаснувшие одна за другой высоко в небе. Один Орлиная Голова, закутавшись в бизонью шкуру, курил свою трубку, храня полное бесстрашие и видимое спокойствие, свойственные его племени.

— А что ни говори, — прервал молчание канадец, скорее отвечая на свои собственные размышления, чем с целью возобновить разговор, — поведение этих двоих кажется мне странным, чтобы не сказать более.

— Вы подозреваете с их стороны измену? — спросил его дон Луи, подняв голову.

— В пустыне всегда нужно ожидать измены, — неопределенно заметил Весельчак, — особенно со стороны случайных знакомых.

— Однако у этого Тигреро, дона Марсиаля, — так, кажется, его зовут, — такая открытая внешность, что, друг мой, я никак не могу предположить, чтобы он был предателем.

— Это правда, но согласитесь, что с момента нашей самой первой встречи он вел себя крайне двусмысленно.

— Согласен. Но ведь вы знаете, что страсть ослепляет человека, а он, кажется, страстно влюблен.

— Это я вижу. Но заметьте, пожалуйста, что во всем этом деле, — которое ближе всего касается его самого, а мы, кстати сказать, здесь, что называется, сбоку припека и только напрасно теряем драгоценное время, — он постоянно прячется за нас, словно боится выйти вперед.

В это время к костру подсел Блаз Васкес, закончивший обход островка и расставивший своих пеонов в точках, с которых они могли наблюдать всю реку, оставаясь сами невидимыми.

— Ну, теперь милости простим, все готово. Милости просим, сеньоры апачи, в любую секунду готовы принять вас с честью.

— Одно слово, капатас, — обратился к нему Весельчак.

— Даже два, если угодно!

— Знаете вы человека, которому передали сейчас письмо?

— А что?

— Я хочу спросить у вас о нем кое-что.

— Лично я его знаю очень мало. Все, что я могу сказать о нем, это то, что во всей округе он пользуется самой завидной репутацией, все знают его как храброго, истинного кабальеро и вполне светского, принятого в лучшем обществе человека.

— Все это так, — проговорил про себя канадец, качая головой, — а все-таки, я сам не знаю почему, меня ужасно беспокоит его внезапный отъезд.

— О-о-а! — вдруг вмешался в беседу Орлиная Голова, вынимая изо рта трубку, наклоня вперед голову и давая знаком остальным понять, что он прислушивается к чему-то.

Все умолкли и уставились на вождя.

— Что такое? — спросил наконец Весельчак.

— Огонь! — медленно ответил индеец. — Апачи идут. Прерия горит.

— Как! — воскликнул Весельчак, поднимаясь и оглядываясь по сторонам. — Я нигде не вижу огня.

— Нет, мой брат еще не может видеть, но Орлиная Голова чувствует огонь.

— Гм! Если вождь говорит, то, значит, это правда; уж он-то не ошибется. Что же нам делать?

— Нам здесь нечего бояться пожара, — заметил капатас.

— Нам нечего, ну а обитателям асиенды? — с живостью вмешался граф.

— Им — еще меньше, — отвечал ему Весельчак. — Вы ведь видели, что вокруг асиенды срублен и выкорчеван весь лес на большом пространстве, и огню не дойти до нее. Это просто индейская хитрость, чтобы скрыть свою численность.

— Однако я согласен с кабальеро, — заметил капатас, — думаю, что было бы лучше предупредить их.

— Есть вещь еще более важная, — продолжал граф, — надо бы послать умелого разведчика, чтобы точно узнать, с каким врагом нам придется иметь дело и как велико число его.

— Одно другому не мешает, — отвечал на это Весельчак. — В таких обстоятельствах две предосторожности лучше, чем одна. Вот мое мнение: Орлиная Голова пусть добудет сведения о враге, а мы пойдем к асиенде.

— Все? — спросил капатас.

— Нет, ваша позиция здесь безопасна, в случае серьезного нападения вы можете оказать нам значительную пользу. На асиенду пойдём мы с доном Луи. Помните, что вы не должны выдавать своего присутствия здесь. Что бы ни случилось, ждите сигнала к действию, понимаете?

— Ступайте, кабальеро, я буду действовать как надо, будьте уверены.

— Хорошо. Приступим к делу. Вам, вождь, конечно, нечего давать советы, но вы найдёте нас на асиенде, если узнаете что-нибудь важное.

Приняв такое решение и не привыкнув терять время попусту, все трое немедленно переправились на берег, и дон Луи и Весельчак отправились к асиенде, а вождь команчей двинулся в противоположную сторону.

Блаз Васкес остался один со своими пеонами.

Блаз Васкес был человек, смолоду привыкший к войнам с краснокожими. Он знал, какая ответственность ложится на него с этого момента, и счёл необходимым удвоить осторожность. Он привел это в исполнение, почти три четверти своего отряда выставив в качестве часовых чуть не под каждым кустом, убедительнейше увещевая их быть бдительными и ни на минуту не смыкать глаз, вернулся к костру, закутался в свой сарапе и спокойно уснул, уверенный в том, что пеоны разбудят его, если произойдет что-нибудь особенное.

Покинем на время графа Пребуа-Крансе и Весельчака и последуем за Орлиной Головой.

Поручение, которое было на него возложено, казалось очень легким. Но вождь команчей был опытен во всех индейских хитростях и одарен, сверх того, тем невозмутимо-флегматичным характером, который при известных обстоятельствах сильно помогает успеху. Расставшись со своими друзьями, он наметил для себя план действий.

Вместо того, чтобы следовать по берегу, по которому двигался вслед за пожаром неприятель, вождь повернул лошадь к воде, подъехал к броду и переправился на противоположный берег. Выйдя на берег, он дал своей лошади несколько минут отдохнуть, обтер ее сухой травой, затем положил шкуру пантеры, служившую ему седлом, одним прыжком вскочил на нее и во весь опор помчался по направлению к становищу апачей на острове Чоль-Гекель.

Ехал он часа два. По временам ему приходилось покидать берег причудливо извивавшейся реки, и тогда он направлял коня прямо на зарево.

Через два часа он уже стоял против оконечности острова, где в это время апачи собирали пльвущие коряги, чтобы спуститься на них к асиенде.

Орлиная Голова осадил коня.

Направо от него весь горизонт пылал заревом пожара, который он встретил и миновал, двигаясь по другому берегу. Вокруг него все было погружено во тьму и молчание.

Долго команчский вождь смотрел на остров. Тайный голос говорил ему, что там таится опасность.

Зрело все обдумав, он решил вновь переправиться на другой берег, но уже выше острова; тишина на нем казалась ему подозрительной.

Он совсем уже приготовился привести свое намерение в исполнение, как вдруг его осенила внезапная мысль. Он слез с лошади, спрятал ее в кустарнике, снял свой карабин и бизоний плащ. Затем внимательно огляделся, стараясь проникнуть взглядом во мрак, лег на землю и пополз, как змея, среди высокой травы к берегу. Как черепаха, неслышно сполз он в воду и бесшумно поплыл к острову, которого достиг довольно скоро.

Но как раз в тот момент, когда он почувствовал под ногами дно и хотел встать, его слуха коснулся едва заметный звук. Ему показалось, что в воде совсем близко от него происходит что-то необычное, какая-то странная возня. Орлиная Голова опять погрузился в воду и отплыл от острова.

Через минуту он вновь показался на поверхности воды, чтобы набрать свежего воздуха, но как раз встретился с двумя горящими, как угли, глазами, словно сверлящими его. Сильный удар в грудь оглушил его, он перевернулся и почувствовал, что в его горло нервно впиалась и сжимает, как железом, чья-то рука.

Минута была решительная. Орлиная Голова понял, что только сверхъестественное усилие еще может спасти его. Он сделал такое усилие. Схватив неведомого врага, он также вцепился в него со всей силой отчаяния.

В реке началась безмолвная, ужасная борьба. Оба нападали, и каждый хотел нанести смертельный удар, нисколько не помышляя о защите. Вода вокруг борющихся кипела, как будто бились два крокодила. Наконец на поверхность вынырнуло окровавленное, обезображенное тело и бессильно закачалось на волнах. Через несколько секунд за ним из воды показалась голова с искаженным от перенесенной борьбы выражением лица и бросила налево и направо дикий взгляд.

При виде трупа врага победитель испустил тихий злорадный хохот. Он направился к нему, схватил за волосы и, работая одной рукой, поплыл, но не к острову, а к берегу.

Победителем вышел Орлиная Голова, убивший так неожиданно напавшего на него апача.

Вождь команчей доплыл до берега, не отпуская труп, вытащил его из

воды, снял скальп, привязал этот ужасный трофей к своему поясу, вывел лошадь из кустов и сел на нее.

Орлиная Голова понял план апачей. Нападение, жертвой которого он чуть было не пал, открыло ему замышляемую ими хитрость. Бесполезно было продолжать дальнейшее исследование острова. Нельзя было ему также и оставить труп в реке, так как апачи, наверное, обнаружили бы его и узнали, что к ним пробирался шпион. Поэтому Орлиная Голова и выволок его на сухое место, где его никто не мог найти до утра, если бы, конечно, врагам не помогла какая-нибудь случайность.

Несколько минут отдыха полностью восстановили силы его коня. Вождь мог бы теперь возвращаться к своим друзьям, так как то, что он узнал, имело для них огромное значение, но Весельчак поручил ему также определить число и состав неприятельского отряда, выступавшего против колонии. Орлиная Голова решил исполнить и это поручение. Схватка, из которой он только чудом вышел победителем, вызвала в его душе глубокое нервное напряжение, которое толкало его довести начатое им дело до конца.

Он взял несколько сухих листьев, приложил их к легкой ране на левой руке, обвязал руку лубом, чтобы остановить кровь, и вновь пустил лошадь в воду. Так как на этой стороне реки ему ничего не нужно было узнавать и высматривать, он переправился далеко выше острова.

На противоположном берегу, благодаря тому, что индейцы шли за огнем, след их представлял широкую ясную полосу. Несмотря на тьму, вождю было нетрудно ехать по этому следу.

Огонь, пущенный индейцами, как это обыкновенно бывает, не причинил такого сильного разрушения, какого можно было бы ожидать, судя по зловещему виду широко разлившегося пламени. На прерии не было ничего, кроме немногих мексиканских тополей, стоявших на далеком расстоянии один от другого, и сухой травы, уже наполовину спаленной жгучими лучами летнего солнца.

Эта трава и горела быстро, давая (а это и нужно было нападавшим) большую дымовую завесу, но не настолько раскаляя землю, чтобы по ней нельзя было идти следом за пламенем. Последнее обстоятельство и позволило краснокожим быстро подойти к асиенде.

Благодаря быстроте своего коня, а также тому, что шедший впереди него отряд должен был потерять несколько часов, Орлиная Голова подошел к асиенде почти в одно время с ним. Он присоединился к команчам в тот момент, когда они, сделав неудачную попытку взять приступом батарею на перешейке, бежали, поражаемые картечью и пулями из карабинов. Их

положение усугублялось теперь тем, что они сами же выжгли всю траву и должны были бежать по совершенно голой земле, где все было видно как на ладони. Несмотря на это, благодаря темноте и быстроте своих лошадей, они отделались сравнительно небольшими потерями.

Орлиная Голова очутился, вовсе не предполагая и не ожидая этого, в самой середине бегущей толпы. В первый момент каждый был слишком занят собственным спасением, и никто не обратил на него внимания. Вождь воспользовался этим бросился в сторону и притаился за небольшим обрывом.

Но тут произошло нечто удивительное. Едва вождь почувствовал, что он укрыт от взоров бегущих, он присмотрелся к ним внимательнее, и неопределенная усмешка осветила его лицо. Он дал шпоры коню и бросился опять в середину бегущих, испустив дважды резкий, прерывистый, вибрирующий крик.

Услышав этот крик, индейцы остановились и со всех сторон бросились к тому, кто его издал. Быстро выстроились они вокруг Орлиной Головы, взирая на него со священным ужасом, готовые повиноваться, что бы он ни приказал им совершить.

Орлиная Голова гордым взглядом обвел собравшуюся толпу, над которой он возвышался на целую голову.

— О-о-а! — начал он наконец тоном горького упрека. — С каких пор команчи стали робкими антилопами и бегут от пуль бледнолицых, как псы апачи?

— Орлиная Голова! Орлиная Голова! — радостно закричали воины, но глаза их невольно опускались вниз под горящим взглядом вождя. Их мучил стыд.

— Зачем дети мои покинули без приказания сахема земли охоты по реке дель-Норте? Разве дети мои ищейки апачей?

Подавленный ропот пробежал по рядам при этом горьком упреке вождя.

— Сахем кончил, — продолжал Орлиная Голова. — Разве нет здесь никого, кто мог бы ему ответить? Разве у команчей озер нет более вождей, которые ведут их?

Из тесно сплотившихся рядов команчей вышел воин, приблизился к вождю и почтительно склонил голову до самой шеи коня.

— Насмешник вождь, — проговорил он мягким голосом.

Лицо Орлиной Головы прояснилось, с него сошло гневное выражение, он бросил на приблизившегося воина взгляд, полный любви, протянул к нему правую руку ладонью вверх и проговорил:

— О-о-а! Сердце сахема радуется при виде сына его Насмешника. Воины пусть отдохнут, пока сахемы будут держать совет.

И, сделав величественный жест, он отошел с Насмешником в сторону. Краснокожие проводили их взглядами и поспешили воспользоваться так кстати полученным дозволением отдохнуть.

Орлиная Голова и Насмешник отошли, чтобы их слова не могли быть услышаны остальными воинами.

— Сахем хочет держать совет с сахемом, — проговорил Орлиная Голова, садясь на кочку и знаком приглашая Насмешника сесть рядом.

Насмешник безмолвно повиновался.

Последовало продолжительное молчание. Оба вождя внимательно разглядывали друг друга, хотя на их лицах нельзя было прочесть ничего, кроме полнейшего бесстрастия.

Наконец Орлиная Голова начал речь — медленно, внушительно, временами возвышая голос и подчеркивая слова:

— Орлиная Голова — знаменитый воин своего народа, он первый сахем команчей озер. Его тотем покрывает тенью своей и защищает бесчисленных детей великой священной черепахи Чемиин-Анту, блестящий щит которой поддерживает мир с тех пор, как Ваконда низверг в пропасть первого человека и первую женщину после их греха. Слова, исходящие из груди Орлиной Головы, суть слова Сагамора, язык его не раздвоен, и ложь никогда не оскверняла его губ. Орлиная Голова заменил Насмешнику отца, он учил его укрощать и объезжать дикую лошадь, поражать быстрой стрелой легкую антилопу, душить руками ужасного медведя. Орлиная Голова любит Насмешника, он сын сестры его третьей жены. Орлиная Голова дал Насмешнику место у костра совета, он сделал его вождем, и когда Орлиная Голова уходит из селений своего народа, то говорит Насмешнику: «Сын мой будет предводительствовать воинами команчей, он будет вести их на охоту, на рыбную ловлю, на войну». Верны ли эти слова? Лжет ли Орлиная Голова?

— Слова отца моего истинны, мудрость говорит его устами, — отвечал Насмешник, почтительно склоняясь.

— Так зачем же сын мой вступил в союз с врагами моего племени, чтобы сражаться против друзей своего отца, сахема?

Вождь еще ниже склонил в смущении свою голову.

— Зачем, не посоветовавшись с тем, кто всегда давал ему советы, начал он несправедливую войну?

— Несправедливую войну? — с оживлением переспросил младший вождь.

— Да, потому что сын мой ведет ее в союзе с врагами своего племени.

— Но апачи — краснокожие.

— Апачи — псы трусливые и воры. Я вырву у них их лживые языки.

— Но бледнолицые враги краснокожих!

— Те, на кого напал сегодня ночью сын мой, не йори, а друзья Орлиной Головы.

— Пусть мой отец простит Насмешника. Он не знал.

— Действительно ли не знал этого Насмешник? Искренне ли хочет он искупить свою вину?

— Под тотемом Насмешника триста воинов. Орлиная Голова пришел, теперь они принадлежат ему.

— Хорошо. Я вижу, что Насмешник воистину мой возлюбленный сын. С каким вождем заключил он договор? Уж не с Черным ли Медведем, непримиримым врагом команчей? Четырех месяцев еще не прошло, как он сжег четыре селения нашего племени.

— Облако затмило ум Насмешника, ненависть к белым ослепила его, мудрость покинула его, и он заключил договор с Черным Медведем.

— О-о-а! Орлиной Голове надо скорее возвратиться в селения отцов своих. Будет ли повиноваться сын мой сахему?

— Что бы ни повелел он, Насмешник повинуется.

— Пусть будет так! Пусть последует за сахемом сын мой.

Оба вождя поднялись.

Орлиная Голова направился к перешейку, размахивая в знак мирных намерений своим бизоньим плащом. Насмешник следовал в нескольких шагах позади него.

Команчи с изумлением смотрели, как их сахемы отправились на переговоры с йори. Но, привыкнув во всем повиноваться своим вождям, не обсуждая полученных приказаний, они не выражали ни малейшего недовольствия по этому поводу, хотя не могли понять цели подобного поступка.

Часовые, стоявшие на батарее, легко различили при свете луны бизоний плащ, и так как парламентаров было только двое, то они свободно дали им приблизиться ко рву.

— Сахем желает говорить с вождем бледнолицых, — прокричал оттуда Орлиная Голова.

— Хорошо, — отвечал по-испански голос с батареи, — подожди минуту, ему передадут твою просьбу.

Команчи поклонились и, скрестив руки на груди, стали ждать.

Граф Пребуа-Крансе и Весельчак имели в это время на асиенде

продолжительный разговор с доном Сильвой и графом де Лорайлем, причем они объяснили, каким образом им удалось узнать, что индейцы хотят напасть на французов, открыли им имя человека, уговорившего их сделать это, и описали странное поведение этого человека, который, заставив их определенным образом вмешаться в весьма опасное дело, лично их вовсе не касающееся, вдруг безо всякой видимой причины покинул их под нелепым предлогом отъезда в Гуаймас, куда, как говорил он, его срочно отзывают важные обстоятельства.

Эти новости произвели сильное впечатление на дону Сильву и графа. Первый распалился ужасным гневом, узнав, что этой личностью был именно дон Марсиаль. Он понял и цель Тигреро, который надеялся, без сомнения, во время суматохи похитить донью Аниту. Дон Сильва не выразил, однако, своих подозрений будущему зятю. Он решил, если потребуется, сделать это впоследствии, а также понял, что с дочери не следует теперь спускать глаз, так как во внезапном отъезде Тигреро он почуял ловушку.

Весельчак объяснил тем временем графу, какую позицию занял капатас со своими пеонами, зачем уехал Орлиная Голова, который, несомненно, скоро вернется на асиенду с необходимыми сведениями.

Граф де Лорайль горячо благодарил обоих искателей приключений, оказавших ему совершенно бескорыстно уже столько неоценимых услуг. Он велел накормить их, а сам удалился, чтобы предупредить своих лейтенантов о том, что они должны впустить в крепость одного индейца, который придет для переговоров.

Дон Сильва также удалился — для того, как он сказал, чтобы самому обойти всех часовых, стоявших под стенами асиенды у реки, на самом же деле, чтобы посмотреть, что делает его дочь.

Когда команчи атаковали батарею на перешейке, французы приняли их таким дружным залпом, что индейцы сразу поняли, что дальнейшие попытки будут тщетны, и в беспорядке отступили.

Граф де Лорайль все еще говорил с доном Луи и Весельчаком, рассказывая им разные эпизоды только что отбитого нападения и недоумевая по поводу непонятного отсутствия дону Сильвы, который уже более часа назад ушел, и его нигде не могли найти, как вдруг отворилась дверь, и в комнату, где сидели трое собеседников, вошел Леру.

— Что вам надо? — спросил его граф.

— Капитан, — ответил он, — два индейца ждут у рва и просят, чтобы их пустили.

— Два? — спросил Весельчак.

— Да, два.

— Это странно, — заметил канадец.

— Что же делать? — встревожился граф.

— Пойдемте посмотрим сами.

Все четверо направились к батарее.

— Ну что? — спросил де Лорайль, когда они подошли.

— Да, один из этих людей несомненно Орлиная Голова, а другого я не знаю.

— Ваше мнение?

— Конечно, впустить их. Этот индеец, судя по наружности и костюму, вождь, а так как он пришел вместе с Орлиной Головой, то, значит, он друг.

— Ну, пусть будет так.

Граф дал знак; подъемный мост опустился, и оба вождя прошли за укрепления.

Индейские сахемы приветствовали графа и остальных присутствующих с тем достоинством, которое никогда ни при каких обстоятельствах не покидает краснокожих, облеченных этим саном. Затем по приглашению Весельчака Орлиная Голова дал отчет о том, что ему поручено было разузнать.

Французы слушали его с вниманием и изумлением не только перед его ловкостью и знанием места и людей, среди которых он действовал, но еще больше перед его непоколебимой отвагой, которую он продемонстрировал столь решительно.

— Теперь, — продолжал вождь, заканчивая свой рассказ, — Насмешник понял свою ошибку, к которой его подтолкнула слепая ненависть. Он разрывает союз с апачами и повинуетя во всем своему отцу Орлиной Голове, чтобы искупить свою вину. Орлиная Голова — сахем, слово его, как гранитная скала, он отдает в распоряжение бледнолицых братьев своих триста команчских воинов.

Граф де Лорайль нерешительно посмотрел на Весельчака. Зная коварство индейцев, он боялся довериться им.

Весельчак незаметно приподнял плечи.

— Великий вождь бледнолицых благодарит брата своего Орлиную Голову, — отвечал он за графа, — он с радостью принимает его предложение. Всегда его рука будет открыта для команчей, и сердце его чисто перед ними. Отряд моего брата разделится на две части: одна часть под начальством Насмешника засядет по другую сторону реки, чтобы отрезать апачам отступление, другая часть во главе с Орлиной Головой войдет в крепость и будет помогать бледнолицым. Воины йори скрыты на

острове выше по реке, в двух полетах стрелы от великого вигвама. Они присоединятся к Насмешнику.

— Хорошо! — ответил Орлиная Голова. — Пусть будет так, как желает мой брат.

Оба вождя простились с присутствующими и удалились.

Весельчак объяснил графу, как он условился с вождем команчей.

— Черт возьми! — отвечал ему на это граф. — Признаться, я не питаю ни малейшего доверия к индейцам. Вы знаете, что предательство — их любимое оружие.

— Вы не знаете команчей, а особенно Орлиной Головы. Я беру на себя ответственность за все.

— Делайте как знаете. Я вам обязан столь многим, что никогда не пойду наперекор вашим распоряжениям, если только вы говорите, что ручаетесь за них.

Весельчак сам отправился предупредить капатаса относительно изменений, внесенных в план защиты.

Насмешник и сто пятьдесят команчей в сопровождении сорока пеонов тотчас же переправились на противоположный берег и засели там в зарослях, готовые появиться по первому же сигналу.

Десяток французов и Орлиная Голова с остальными индейцами остались защищать перешеек, нападения на который теперь вовсе не ожидалось. Прочие колонисты были рассеяны в густых зарослях, покрывавших склоны холма, на котором стояла асиенда. Они получили приказ не выходить на открытое место и не стрелять, пока не будет дана команда «пли». Когда все было готово, граф де Лорайль и его товарищи в глубоком волнении стали ожидать нападения апачей.

Ожидание их не было долгим. Мы уже описали, как был встречен французскими стрелками Черный Медведь, едва успев высадиться со своими воинами.

Вождь апачей был отважен, как лев. Под его началом были отборные воины. Удар был ужасен, но краснокожие не отступили ни на шаг. Непрестанно отражаемые, они вновь бросались в бой и бились с тем отчаянием, которое удесятило их силы. Они боролись с французами лицом к лицу, и те, несмотря на всю свою выдержку, дисциплину и превосходство оружия, не могли ничего с ними сделать.

Битва перешла в страшную резню. Каждый боролся, старался нанести кинжалом удар врагу, не думая о защите. Весельчак видел, что следует попытаться нанести решительный удар, чтобы избавиться от этих демонов, казавшихся непобедимыми и неуязвимыми. Он нагнулся к дону Луи,

который дрался рядом с ним, и сказал несколько слов по-французски. Дон Луи кое-как отбился от наседавшего на него апача и куда-то убежал.

Через минуту выше по реке раздался боевой клич команчей, ужасный и пронзительный, и краснокожие воины, прыгая, как ягуары, ринулись на апачей, потрясая своими топорами и длинными копьями.

В первую минуту Черный Медведь думал, что это прибыла помощь, что асиенда взята его союзниками, но велики были охватившие его через минуту отчаяние и бешенство, когда он понял в чем дело... Апачи заколебались, потом стали поддаваться, все слабее становилось оказываемое ими сопротивление, наконец они разом повернулись к напиравшему неприятелю спиной и с криком беспорядочно бросились вниз к реке, оставив более двух третей своих воинов убитыми и тяжело ранеными.

Французы преследовали их всего лишь несколькими залпами картечи в полной уверенности, что они не избегут приготовленной для них засады.

И точно, вскоре с другого берега долетели звуки выстрелов пеонов, и опять прозвучал военный клич команчей.

В этот несчастный набег Черный Медведь менее чем за час потерял весь цвет самых славных воинов своего племени. Сам он, покрытый ранами, с каким-нибудь десятком людей едва спасся от смерти или плена.

Победа французов была полная. Колония Гетцали благодаря этому славному делу надолго обрела покой и оградила себя от нападения индейцев.

Когда битва была закончена, принялись всюду искать дона Сильву и его дочь. Но все поиски оказались тщетными, отец и дочь исчезли, и нельзя было даже узнать, каким образом и когда.

Это таинственное происшествие привело всех обитателей колонии в уныние, и радость победы омрачилась печалью. Все сразу решили, что дон Сильву и его дочь похитил Черный Медведь.

Когда граф де Лорайль после самых тщательных розысков окончательно убедился, что асиендадо и его дочь исчезли, не оставив следа, он предался ярости со всем пылом своего характера, посылал апачам самые ужасные проклятия, клялся преследовать их и истреблять без сожаления и пощады до тех пор, пока не найдет ту, которую уже считал своей женой и потеря которой разрушала все его блестящие мечты, готовые было осуществиться в ближайшем будущем.

ГЛАВА XVI. Каса-Гранде Моктесумы

В древние времена ацтеки, народ, о происхождении которого ничего определенного историкам не известно, как бы руководимые самим Провидением, двигались тихо, но неуклонно, как река течет к океану, стремясь овладеть плоскогорьем Анауак. Они сами не давали себе отчета, что влечет их туда, но они не могли отвлечь своих жадных взоров от заповедной страны, в которой им суждено было впоследствии создать могущественное государство. Иногда они как бы останавливались, надежда словно покидала их, но это продолжалось недолго. Это было одно из тех переселений народов, которые иногда можно явно проследить в мировой истории и в которых нельзя не видеть руки Божией.

В подобные моменты упадка духа, продолжавшиеся, однако, десятилетиями, ацтеки не просто располагались лагерями, но делали вид, что хотят остановиться навсегда, и строили города.

Протекли века, исчезла с лица земли сама раса ацтеков, но остатки основанных ею городов уцелели. Грандиозные, величавые развалины их рассеяны на пространстве нескольких тысяч квадратных миль по Центральной Америке и вызывают изумление путешественников, достаточно смелых для того, чтобы достичь их, невзирая на бесчисленные опасности и лишения.

Самыми замечательными из этих развалин являются, несомненно, развалины, известные под названием Каса-Гранде Моктесумы, или Моктекузома. Они расположены на расстоянии около двух миль от извилистых берегов Рио-Хилы, среди бесплодной, необитаемой равнины, на самой границе ужасной песчаной пустыни дель-Норте.

Место, на котором воздвигнут древний замок, со всех сторон совершенно плоско.

Развалины города тянутся более чем на две с половиной мили к югу. В других направлениях вся почва усеяна обломками и черепками сосудов, ваз, тарелок и разной домашней утвари. Большинство их раскрашены в разные цвета: белый, синий, желтый, красный. Это показывает, что город был богат и важен в промышленном отношении и что в нем жили не те индейцы, которые кочуют в настоящее время в окрестных прериях, так как они совершенно не имеют понятия о подобных изделиях.

Сам замок построен в виде продолговатого четырехугольника со стенами, обращенными на четыре стороны света.

Вокруг него возвышаются стены, окружавшие и другие здания, остатки которых еще можно различить. Немного позади находится хорошо сохранившееся одноэтажное здание, разделенное на несколько частей.

Главный дом и стены сооружены из валунов громадной величины, связанных крепчайшим цементом. Дом имеет три этажа, все внутреннее устройство — полы, потолки — ныне, конечно, обрушилось и даже исчезло бесследно.

На каждом этаже находилось по пять обширных зал, освещавшихся, насколько это можно судить по сохранившимся остаткам, лишь через двери и круглые отверстия; двери находились в северных и южных стенах, а отверстия — в восточных и западных.

Через эти отверстия Моктесума — *El hombre amargo*, Горький Человек, как до сих пор называют в своих преданиях повелителя ацтеков окрестные индейцы, — приветствовал восход и закат солнца.

Сохранились также и остатки канала, сейчас совершенно высохшего, но некогда подводившего к городу из реки живительную воду.

В настоящее время эти руины печальны, пустынно. Днем их накаляет отвесными лучами горячее южное солнце, ночью на них оседает холодная роса, и эта постоянная смена холода и тепла, сырости и абсолютной сухости превращает в мельчайшую пыль гранитные валуны, из которых сложена твердыня. Уже много веков длится эта неустанная работа, и доберется когда-нибудь ничего не щадящее время, сравняет с землей и мелким прахом развеет по соседней пустыне гордое создание рук человека. Пока же оно является удобным и чрезвычайно любимым местопребыванием сов, шакалов, гиен, змей и прочего зверья.

Индейцы испытывают суеверный ужас перед этими развалинами и стараются не приближаться к ним.

Именно поэтому какой-нибудь команч, сиу, апач или пауни, которого охота или преследование врага случайно увлекли бы в ближайшие окрестности этого страшного места, в ночь на четвертое или пятое число *Champaski-Oni* — месяца вишен, то есть спустя месяц после событий, описанных в прошлой главе, бросился бы прочь отсюда, так как глазам его внезапно представилось бы необычное, полное ужаса зрелище.

Древний замок ацтекских царей гигантским силуэтом вырисовывался на темно-синем небе, усеянном звездами. Но он не был погружен в свое обычное мертвенное безмолвие. Из всех отверстий в его Стенах, круглых и четырехугольных, проделанных людьми и временем, струились потоки красноватого света, неслись крики, песни и смех и тревожили диких зверей, которые вышли из своих убежищ, с недоумением бродили вокруг и

негромко рычали и выли, словно вопрошая, зачем и кто нарушил их так долго длившийся безмятежный покой. Внутри развалин можно было различить силуэты людей и лошадей, сгруппировавшихся в разных углах за громадными стенами. Десяток неподвижных всадников, словно сделанных из бронзы, охраняли вход в крепость, опершись на копья.

Внутри отжившие уже развалины вновь наполнились шумом и жизнью, но снаружи по-прежнему царил тишина: вид действительно был ужасен.

Ночь кончалась. Луна совершила уже две трети своего небесного пути. Не поддерживаемые никем костры гасли один за другим, и только отверстия в доме продолжали гореть, как крошечные маяки, в сгустившейся предрассветной тьме.

В это время вдали послышался сухой цокот копыт по песку.

Часовые, поставленные при входе, с трудом подняли отяжелевшие головы и уставились глазами туда, откуда доносились звуки.

На повороте дороги, ведущей к замку, показался всадник и, как будто нисколько не удивившись и не смутившись необычным видом древнего здания, продолжал быстрым галопом приближаться к нему.

Миновав небольшую группу развалившихся домов, он подъехал к часовым на расстояние десяти шагов, спешил и твердым шагом направился к ним. Часовые глядели на него безмолвно и неподвижно.

Не успел он сделать и пяти шагов, как копья были направлены на его грудь. Грубый голос крикнул ему:

— Стой!

Незнакомец остановился, не отвечая ни слова.

— Кто вы такой? Что вам нужно? — спросил его начальник караула.

— Я костьеньо ³³. Я долго ехал, чтобы увидеть вашего предводителя, с которым мне необходимо поговорить, — отвечал вновь прибывший.

Начальник караула тщетно старался при бледном свете луны различить черты лица незнакомца. Это было невозможно, так как он закутался в свой плащ и надвинул широкополую шляпу на самые глаза.

— Ваше имя? — опять спросил недовольным голосом начальник, убедившись, что все его усилия ни к чему не приводят.

— Зачем? Ваш предводитель меня не знает, так что мое имя все равно ему ничего не откроет.

— Может быть, ну, да это все равно. Сохраняйте ваше инкогнито, если хотите. Только не знаю, понравится ли это вам, но я не допущу вас к капитану. Он сейчас будет ужинать со своими офицерами и, конечно, не станет менять планы среди ночи, чтобы поговорить с каким-то

неизвестным.

Незнакомец сделал движение, как будто хотел что-то возразить.

— Может быть, скажу я вам, в свою очередь, — продолжал он, овладев собой, — но выслушайте, ведь вы были солдатом, не правда ли?

— Я и теперь солдат, — горделиво приосанившись, ответил начальник караула.

— Хотя вы прекрасно говорите по-испански, но мне сдается, что вы француз.

— Да, имею честь быть им.

Незнакомец улыбнулся: он задел слабую струну этого человека.

— Ну, так я один, а вас не знаю сколько. Пропустите меня к вашему капитану, мне нужно говорить с ним, чего вы боитесь?

— Ничего, но у меня есть строгий приказ, я не могу не выполнить его.

— Мы в самом сердце пустыни, более чем в ста милях от ближайшего человеческого жилья, — настойчиво продолжал незнакомец. — Поймите же, наконец, что только особо важные причины могли побудить меня подвергнуться бесчисленным опасностям длинного пути, чтобы сказать несколько слов графу де Лорайлю. Я теперь на пороге его дома, мне нужна от вас лишь самая ничтожная услуга, и я получу все, что мне нужно. Но вы все-таки не хотите оказать мне ее.

Сержант колебался. Доводы незнакомца, по-видимому, убедили его, однако, подумав несколько секунд, он тряхнул головой и отвечал так:

— Нет, это невозможно. Капитан суров, я вовсе не желаю, чтобы он лишил меня заслуженных мною знаков отличия. Все, что я могу для вас сделать — это позволить вам провести ночь с моими людьми под открытым небом. Завтра днем капитан выйдет, вы ему скажете что надо, а там уж его и ваше дело, дальнейшее меня не касается.

Незнакомец только хмыкнул и тихо проговорил:

— Это очень долго!

— Ба-а! — весело продолжал начальник караула. — Да ведь ночь-то прошла. Да и сами вы виноваты в этом, какого дьявола вы скрываете свое имя! Скажите, кто вы?

— Но я повторяю, что ваш капитан, как и вы, никогда не слышал его.

— Ну так что же! Все-таки имя и фамилия... есть имя и фамилия — все-таки дело ясней, — добавил несколько затруднившийся в изложении своей мысли по поводу значения имени и фамилии достойный начальник караула.

— Ах! — вдруг словно озаренный почти вскрикнул незнакомец. — Я нашел средство все устроить.

— Ну-ка, посмотрим, в чем заключается ваше средство. Если оно хорошо — мы воспользуемся им, если плохо — отбросим.

— Оно великолепно!

— Тем лучше! Я слушаю.

— Скажите капитану, что человек, который месяц тому назад стрелял в него из пистолетов в пуэбло Сан-Хосе, близ Гуаймаса, здесь и желает говорить с ним.

— Как, что такое?

— Разве вы не расслышали меня?

— Напротив, прекрасно расслышал.

— Ну, так в чем же затруднение?

— Черт возьми! Сказать по правде, рекомендация не из особенно завидных и приятных.

— Вы думаете?

— Боже мой! Он подвергался опасности быть вами убитым. Так это вы покушались на него?

— Ну да, конечно! Я и мой товарищ!

— Мы не считаем особенным подвигом нападение вдвоем на безоружного.

— Благодарю за комплимент, но вы все-таки ничего не предпримете?

— Гм! Признаться, я сомневаюсь. Рекомендация довольно странная.

— Совершенно напрасно. Граф де Лорайль человек храбрый, настоящий рыцарь, о нашей встрече он мог сохранить только самое хорошее воспоминание.

— Все это так, все возможно, как бы там ни было. К тому же вы долго ехали. Следовало бы отказать вам, но делать нечего, пойду доложу капитану. Пойдите здесь и вооружитесь терпением, однако, за успех не ручаюсь.

— Ну, а я уверен в нем.

— Увидим.

Старый солдат пожал плечами, слез с лошади и вошел в ворота.

Отсутствие его продолжалось довольно долго.

Незнакомец, по-видимому, нисколько не сомневался в успехе переговоров, так как тотчас же после ухода сержанта он приблизился к воротам.

Минут через десять начальник караула вернулся.

— Ну что? — обратился к нему незнакомец. — Что ответил вам капитан?

— Он расхохотался и приказал ввести вас.

— Вот видите, я был прав.

— Это правда, но все равно, представились вы довольно-таки оригинально: «Я тот, кто пытался убить вас».

— Что же делать, такой случай, — ответил незнакомец.

— Не знаю, как вы называете такой случай здесь, но во Франции он называется подлой засадой. Ну, идемте.

Незнакомец ничего не ответил, вздернул подбородок и последовал за достойным солдатом.

В громадной зале, растрескавшиеся стены которой каждую минуту грозили обвалиться и потолком которой служило тёмно-синее усеянное звездами небо, вокруг стола, уставленного с самой изысканной роскошью яствами и прекрасной посудой, сидели четыре человека. Жизнь в пустыне наложила печать суровости на их загорелые решительные лица. Глаза их горели неукротимой отвагой и смелостью.

Это были граф де Лорайль, два главных офицера его штаба, лейтенанты Диего Леон и Мартин Леру, и старый капатас дона Сильвы де Торреса, Блаз Васкес.

Граф де Лорайль уже пять дней как остановился со своими сподвижниками в Каса-Гранде Моктесумы.

После нападения апачей на колонию граф, надеясь отыскать свою невесту, исчезнувшую так таинственно во время битвы и похищенную, по всей вероятности, индейцами, решился, наконец, выполнить поручения, которые ему давно уже дало мексиканское правительство и которые он все медлил исполнить под более или менее обоснованными предлогами, а на самом деле потому, что, как он ни был храбр, он не горел желанием помериться с индейцами силами в открытом бою, зная, как они ужасны и как трудно их победить в родных им прериях.

Граф собрал отряд из двухсот пятидесяти французов. Капатас, горевший жаждой отыскать своего господина и свою молодую госпожу и освободить их из плена, присоединил к ним тридцать пеонов. Все вместе они представляли значительный для тех мест и для того времени отряд хорошо вооруженных и воинственно настроенных людей.

Нашим охотникам, дону Луи, Весельчаку и Орлиной Голове, помощь которых оказалась для него такой драгоценной, граф де Лорайль предложил сопровождать его в походе. Он почувствовал бы себя необыкновенно счастливым, если бы ему удалось таким образом не только приобрести неустрашимых товарищей, но и вернейших проводников, которые повели бы его отряд по следам индейцев, которых он намеревался загнать в самую глубь прерий, но дон Луи и оба его друга, сославшись на то, что им

необходимо срочно продолжать свое путешествие, простились с графом, не прельстившись его блестящими обещаниями.

Граф был вынужден удовлетвориться капатасом и его пеонами. К сожалению, люди эти были костеньо, то есть прибрежные жители, плохо знавшие внутренние области страны и обычаи ее обитателей.

Вот под руководством таких-то неопытных проводников граф покинул Гетцали и направился в земли апачей.

Экспедиция началась весьма успешно: дважды французы внезапно настигали краснокожих и истребляли их без пощады.

Граф не желал оставлять у себя пленников и, чтобы внушить краснокожим страх, расстреливал всех попадавших к нему живьем индейцев и вешал их по прерии вверх ногами.

Ознакомившись, однако, в этих двух несчастных для них стычках с приемами врага, индейцы стали осторожнее, и, несмотря на все усилия, графу никак не удавалось вновь так же удачно напасть на них.

Методы наказания пойманных врагов, применяемые графом, казалось, возымели действие более сильное, чем он сам мог ожидать, потому что индейцы вдруг как сквозь землю провалились.

В течение трех недель граф тщетно искал их следы. Наконец, накануне того дня, с которого мы вновь начали наш рассказ, семьсот или восемьсот лошадей вступили среди бела дня в развалины древнего мексиканского города. По индейскому обычаю, всадники лежали пластом на этих лошадях и были почти невидимы, так что с первого взгляда казалось, что идет огромный табун. Этот необычный отряд ринулся на Каса-Гранде с ужасающей стремительностью.

Залп из карабинов, раздавшийся из-за наскоро сложенных баррикад, несколько расстроил передние ряды, но не ослабил стремительности нападения. Индейцы, как поток лавы, бросились на французов.

Они выпрямились на своих конях. Полуобнаженные, в воинских головных уборах из перьев, в своих длинных плащах из бизоньих шкур, развевающихся по ветру, управляя лошадьми при помощи колен, они имели дикий, воинственный вид и могли вселить ужас даже в очень смелых людей. Французы мужественно встретили нападение, хотя и были оглушены криками и ослеплены тучей перистых стрел, сыпавшихся на них градом. Апачи, а тем более так долго искавшие их французы, не хотели, однако, ограничиться одной ошибкой. Как бы придя к согласию, враги кинулись друг на друга с оружием в руках.

Среди индейских воинов нетрудно было различить по высокому головному убору и украшавшим его орлиным перьям Черного Медведя.

Отважный вождь ободрял своих воинов, увещевал их отомстить за понесенные поражения разгромом Каса-Гранде. Завязалась одна из тех ужасных битв, довольно обычных на границах индейских земель, где не берут пленных, где жестокость и животное остервенение с обеих сторон достигают неслыханных размеров, где совершаются такие нечеловеческие преступления, что всякое описание их невозможно. Единственным оружием защиты служили штык, копье и болас-пердидас — свинцовые шары, привязанные к концам ремня, которыми при удачном ударе сразу можно было проломить противнику череп. Битва длилась часа два, но защитники баррикад решили, что скорее погибнут все до единого, чем уступят хотя бы пядь земли. Индейцы подавляли своей численностью и постоянно сменяли друг друга.

Французы, сами утомленные нечеловеческим сопротивлением, надеялись, что долгая борьба утомит индейцев, и они не замедлят в скором времени отступить, так как уже появились признаки того, что они колеблются. Надежда удваивала силы защищающихся. Вдруг в тылу у них раздался крик:

— Измена! Измена!

Граф и капатас, сражавшиеся в первых рядах как львы, обернулись.

Положение становилось критическим: французы очутились буквально между двух огней.

Малая Пантера с отрядом в пятьдесят воинов обошел позицию французов и уже проник внутрь стен крепости.

Индейцы, опьяненные успехом, так легко им доставшимся, с воем торжества и радости принялись уничтожать все, что попадалось им под руку.

Граф окинул взглядом поле битвы, и в его голове мгновенно созрел отчаянный план.

Он сказал два слова капатасу, который немедленно обратился к сражавшимся, объяснил им, что они должны делать, и стал ждать удобного момента, чтобы привести в исполнение то, о чем они условились с графом.

Граф также не терял времени. Он взял жестянку с порохом, вставил в нее горящую свечу и швырнул в самый центр толпы индейцев. Раздался страшный взрыв, который внес в гущу врагов ужасное замешательство и многих убил и ранил.

Испуганные апачи в беспорядке бросились в разные стороны, боясь, что их настигнут осколки этой необычной бомбы.

Ловко воспользовавшись этим моментом, французы по команде капатаса внезапно повернули фронт и бросились на апачей, пришедших с

Малой Пантерой и уже стоявших всего в нескольких метрах от них со своими грозно поднятыми томагавками.

Место было неудобным для индейцев, они находились в тесном проходе, где нельзя было свободно управлять лошадьми.

Малая Пантера и его воины с воем устремились на французов. Последние, не уступая им в отваге и ловкости, твердо встретили их и штыками отразили обрушившийся на них удар.

Краснокожие заколебались, среди них началась паника, еще минута — и они кинулись бежать во все стороны.

Граф с несколькими пеонами бросился их преследовать.

И только к вечеру они вернулись.

Апачи соединились и отступили в глубь прерий.

Граф, хотя и был доволен достигнутой победой, так как потери врага были чрезвычайно тяжелы, видел, что не все еще сделано: Черный Медведь ускользнул от него, и самое главное, он еще не нашел тех, кого поклялся спасти и освободить.

Он дал приказ своей квадрилье — так назывались в Мексике отряды волонтеров — готовиться на следующий день к выступлению и распорядился принять все меры предосторожности, необходимые в походе по пустыне.

Утром французы должны были выступить из Каса-Гранде. Граф решил отпраздновать со своими офицерами вчерашнюю победу и выпить за успех предстоящего похода,

Возбужденный выпитым вином и бесчисленными тостами, которые он произнес за полный и скорый успех, граф находился в прекрасном расположении духа, когда к нему подошел его старый сержант, начальник караула, и сообщил об удивительном посетителе, желавшем его видеть.

— Что же это за личность, судя по наружности? — спросил он, когда сержант не без смущения окончил доклад.

— Честное слово, капитан, — отвечал сержант, — насколько я мог разглядеть его, это еще очень молодой детина, здоровый и уж слишком самоуверенный, пожалуй, даже нахальный.

Граф подумал с минуту.

— Расстрелять его? — подсказал сержант, полагая, что об этом именно и думает граф.

— Ну вот еще! Что вы выдумали, Буало! — ответил граф, расхохотавшись и закидывая назад голову. — Нет, нет! Нам очень повезло, что приехал этот негодяй. Напротив, пойдите и приведите его сюда, и как можно вежливее.

Сержант отдал честь и вышел.

— Господа, вы помните ловушку, в которую я попал и чуть было не поплатился жизнью? Это дело окружает какая-то тайна, которую мне до сих пор никак не удастся раскрыть. Человек, который хочет говорить со мной, сдается мне, должен сообщить кое-что, и это даст мне ключ к разрешению многих неясных вопросов.

— Сеньор граф, — заметил капатас, — смотрите, будьте осторожны. Вы еще не знаете характера людей этой страны.

Человек этот пришел, может быть, только затем, чтобы вовлечь вас в новую западню.

— С какой целью?

— Кто знает?! — отвечал Блаз Васкес.

— Да! — прибавил граф. — А вы, дон Блаз, поможете мне, конечно, если этот малый и впрямь шпион, вывести его на чистую воду, хотя я так не считаю.

Капатас ограничился лишь тем, что незаметно пожал плечами. Граф принадлежал к числу тех резких, надменных натур, которые не допускают, чтобы им хоть в чем-то противоречили.

Европейцы, а особенно французы, в Америке усваивают в своем отношении к местному населению, будь то белые, метисы или краснокожие, оттенок презрения и высокомерия, который так и сквозит во всех их действиях. Убежденные в своем умственном превосходстве над жителями той страны, в которой сами являются пришельцами, они с обидной и невыносимой иронией относятся к обычаям, верованиям, убеждениям местного населения и готовы, кажется, снисходительно допустить только то, что они по своему умственному развитию стоят все-таки выше зверей.

Мысль эта несправедлива и абсолютно неверна. Испано-американцы, правда, отстали в цивилизации, промышленности, ремеслах и прочем, прогресс у них идет медленно, они опутаны суеверием, составляющим основу их религиозных взглядов. Но их нельзя считать единственными виновниками такого порядка вещей, они стремятся изменить его. Однако испанцы так долго держали население своих колоний в состоянии ужасного гнета и унижения, над ним в течение нескольких веков тяготела столь неслыханная тирания и жители колоний скорее были рабами гордых и неумолимых властителей, а не гражданами государства, что это не могло не отразиться на их характере — рабском, коварном, лживом.

За исключением некоторых выдающихся личностей, масса населения, индейского в особенности, двулична, зла, развратна, коварна. Быть может, в

гораздо меньшей степени относится эта характеристика к белому населению, которое гигантскими шагами стремится вперед к истинному просвещению.

Вследствие этого почти всегда, когда европеец и метис встречаются вместе, первый, несмотря на все превосходство, которое он сознает за собой, обыкновенно остается в дураках, туземец его проводит.

В Испанской Америке считается чуть ли не догматом веры, что индейцы и метисы всего лишь жалкие создания, способные только на то, чтобы изо дня в день поддерживать свое существование, и только белые имеют право именоваться мыслящими людьми, одаренными разумом и сотворенными по подобию Божию.

Нужно прибавить, что после пребывания в Америке в течение нескольких лет взгляды европейцев на метисов мало-помалу меняются. После более близкого общения с туземным населением они начинают менее предубежденно судить о местных жителях и видят, что это такие же люди, только испорченные условиями быта своей страны. Граф не пережил еще этого поворотного момента и продолжал видеть в метисе существо, лишенное разума, и действовал соответственно своим взглядам.

Убеждение это дорого обошлось впоследствии графу.

Движение плеч капатаса не ускользнуло, однако, от его внимания. Он хотел было что-то сказать ему, но в это время появился сержант в сопровождении незнакомца, и глаза всех присутствующих впились в него.

Незнакомец, нисколько не смущаясь, выдержал перекрестный огонь взглядов и, оставаясь по-прежнему закутанным в свой плащ, самым непринужденным образом приветствовал графа и его товарищей.

Появление этого человека в зале пиршества произвело на сотрапезников неприятное впечатление, словно он чем-то стеснил их. Чем — они не могли объяснить, но все сразу умолкли.

ГЛАВА XVII. Кукарес

Молчание длилось довольно долго, так что всем стало неловко. Граф это понял первым. Светский человек до кончиков ногтей, то есть человек, привыкший легко и незаметно выпутываться из самых трудных положений, он поднялся, с улыбкой подошел к незнакомцу, протянул ему руку и сказал, обращаясь к своим офицерам, мягким, томным голосом, совсем как в парижском салоне, с чуть заметным приветливым поклоном, в котором в то же время сквозила ирония:

— Господа, позвольте вам представить кабальеро — я не имею чести знать его имени, — который, как он сам отрекомендовался, состоит в числе моих самых непримиримых врагов.

— О, сеньор! — подавленным голосом только и мог произнести незнакомец.

— Слава Богу! Я в восхищении! — живо воскликнул граф. — Не защищайтесь, мой дорогой враг, прошу вас сесть рядом, к столу.

— Вашим врагом я никогда не был, сеньор граф. Доказательство тому, что я сделал восемьдесят миль, чтобы просить вас об одной услуге.

— Вы должны сначала заплатить за нее. Дела оставим до утра. Попробуйте теперь это шампанское, прошу!

Незнакомец поклонился, взял стакан и торжественно обратился к присутствующим с таким тостом:

— Senores caballeros, пью за счастливый успех вашего похода! — И, поднеся стакан к губам, он залпом опорожнил его.

— В обществе вы премилый человек, кабальеро. Благодарю за тост, он ободрил нас. Он предвещает нам нечто хорошее.

— Капитан, — обратился к графу лейтенант Мартин, — будьте так добры, расскажите нам, что произошло между вами и этим кабальеро.

— С удовольствием, господа. Но только я попросил бы кабальеро, раз уж он попал ко мне в гости — чего он так страстно, по-видимому, желал, — я просил бы его, повторяю, быть столь любезным и открыть нам свое инкогнито, оно продолжается чересчур долго. Хотелось бы узнать, как его зовут, кого мы имеем честь принимать.

Незнакомец рассмеялся и откинул свой плащ, который до сих пор закрывал его лицо.

— С величайшим удовольствием, кабальеро, но я думаю, что имя мое, так же, как и лицо, которое вы теперь видите, не скажет вам ничего. Мы

встречались всего один раз, сеньор граф, и во время этой встречи, во-первых, было довольно темно, а, во-вторых, у вас шло слишком горячее дело с моим товарищем, так что, если даже вы и видели мои черты, то едва ли они запечатлелись в вашей памяти.

— Действительно, сеньор, — отвечал граф, внимательно оглядывая своего бывшего противника, — должен признаться, что решительно не могу припомнить, чтобы я когда-нибудь встречался с вами.

— Я это знал.

— В таком случае, — живо воскликнул граф, ударив рукой по столу, — почему вы так упорно и старательно скрывали свое лицо?

— Э! Сеньор граф, у меня на то были свои причины. Кто знает, не пожалее ли вы сами, что заставили меня открыть свое инкогнито, которое мне хотелось бы сохранить.

Эти слова были произнесены язвительным тоном, в котором явно слышалась угроза. Это поняли все сидевшие, несмотря на видимую беззаботность незнакомца.

— Пустяки, сеньор, — презрительно взглянув на него, ответил граф. — Я принадлежу к числу людей, которые подкрепляют свои слова концом своей шпаги. Но довольно чесать языком даром, говорите же нам, кто вы такой.

— Какое из моих имен желаете вы знать, кабальеро? Мое военное имя, имя, которое я ношу в походе, или имя...

— Говорите любое! — нетерпеливо перебил его граф. — Лишь бы только знать, с кем мы имеем дело.

Незнакомец поднялся, обвел всех надменным взглядом и твердым голосом начал так:

— Я уже сказал вам, войдя в эту залу, что я сделал восемьдесят миль, чтобы просить вас оказать мне помощь. Но это неверно, я не жду ничего от вас, ни милости, ни помощи, напротив, я могу оказать вам помощь, я вам могу быть полезен. Именно для этого я и пришел сюда, и не для чего другого. Почему же вы хотите знать мое имя? Я ничем не обязан вам, а вы обязаны мне.

— Это еще одна причина, кабальеро, — отвечал ему на это граф, — чтобы вы открыли нам свое имя. Я уважаю ваши права, как права всякого гостя, хотя вы и злоупотребляете ими, и не хочу заставлять вас силой открыть нам ваше имя. Но имейте в виду, что если вы немедленно же не исполните моего требования, то я вынужден буду просить вас покинуть наше общество, несмотря ни на какие блага, которые вы пришли сулить нам.

— Вы пожалеете об этом, сеньор граф, — продолжал незнакомец все с той же дьявольской усмешкой. — Одно слово, кабальеро, одно только слово. Я согласен открыть вам свое имя, но только вам, так как то, что я скажу, можете слышать только вы один.

— Позвольте! — вмешался лейтенант Мартин. — Это невероятно, это упорство странно.

— Не знаю, может быть, я и ошибаюсь, — заговорил, наконец, и капатас, — но мне кажется, что я до некоторой степени посвящен в тайну, которая окружает кабальеро, и что если кто и смущает его, так это я.

— Вы угадали, сеньор Блаз, — отвечал незнакомец, слегка поклонившись ему. — Вы видите, что я знаю и помню вас. Кроме того, вы меня знаете не только в лицо, но, к счастью для меня, и по имени, и по тому, что обо мне говорят. Ну так вот, я думаю, хотя, быть может, и напрасно, что если я произнесу вам свое имя, то вы будете упрашивать ваших друзей не слушать меня.

— И что же из этого выйдет? — спросил капатас.

— Вероятно, великое несчастье, — твердо отвечал незнакомец. — Вы видите, что я нисколько не боюсь вас, какие бы ни были у вас намерения относительно меня. Я прошу у графа подарить мне только десять минут, после чего он может открыть кому угодно тайну, которую я ему сообщу.

Наступило молчание.

Граф де Лорайль внимательно, в упор смотрел на насмешливое лицо незнакомца и думал. Наконец незнакомец поднялся и, поклонившись графу, сказал:

— Что должен я делать, сеньор, оставаться или уходить?

Граф бросил на него пронизывающий взгляд, но и этот взгляд не произвел никакого действия на его собеседника.

— Оставайтесь, — произнес граф.

— Хорошо, — ответил незнакомец и снова сел на бутак.

— Господа, — продолжал граф, обращаясь к остальным присутствующим, — вы слышали сейчас наш разговор, прошу меня извинить и оставить нас на несколько минут.

Офицеры отряда графа поднялись и вышли.

Капатас вышел последним, окинув незнакомца таким взглядом, как будто хотел проникнуть в самые сокровенные тайники его души.

Но тот смотрел, словно мраморное изваяние. Лицо незнакомца оставалось неподвижным.

— Ну, сеньор, — начал граф де Лорайль, обращаясь к своему гостю, как только дверь закрылась, — теперь мы одни, жду исполнения вашего

обещания.

— Готов удовлетворить ваше желание.

— Как вас зовут? Кто вы такой?

— Извольте, сеньор, — отвечал по-прежнему с язвительной насмешкой незнакомец, — если мы будем так говорить, то это займет очень много времени, и притом вы ничего или очень мало узнаете.

Граф подавил нетерпеливое движение.

— Ну, так говорите, как и что хотите, — и он махнул рукой.

— Отлично! Таким образом мы очень скоро пойдем друг друга.

— Я слушаю.

— Так вот, сеньор. Вы — иностранец, приехали сравнительно недавно и не знаете ни характера местных жителей, ни здешних нравов, ни обычаев. Вы сильны связями, приобретенными вами еще на родине, и думаете, поселившись среди нас, что все пойдет по вашему желанию. Вы считаете себя умнее нас и действуете соответственно этому.

— К делу, сеньор, к делу, — не сдержавшись, прервал его граф.

— Я уже перехожу к самому делу, сеньор. Итак, благодаря своим могущественным связям вы с первых же шагов оказались в совершенно исключительном положении. Вы основали великолепную колонию в самой плодородной части провинции, на границе пустыни, вы просили затем у правительства чин капитана с правом собрать отряд добровольцев из ваших же соотечественников, предназначенный для охоты за апачами, команчами и другими племенами. Оно и понятно, что из ваших соотечественников, ведь мы, мексиканцы, все такие трусы!..

— Сеньор, сеньор, должен поставить вам на вид, что все, что вы мне говорите, по меньшей мере, совершенно бесполезно, — с раздражением перебил его граф.

— Все не так бесполезно, как вы полагаете, — отвечал совершенно спокойно его собеседник. — Не волнуйтесь, вступление кончено, я перехожу к главному, наиболее интересному для вас предмету. Должен только заметить, что если вы меня не знаете, то я, наоборот, знаю вас так, как вы даже и предположить не можете.

Граф едва сдерживал себя. Он нетерпеливо ударил рукой по столу и нервно закинул ногу за ногу.

— Я продолжаю, — заметив его волнение, сказал незнакомец. — Конечно, высаживаясь в Мексике, вы никоим образом, несмотря на все свое самомнение, не рассчитывали так скоро завоевать себе столь блестящее положение. Легкое счастье, однако, плохой советник. Того, что вчера казалось избытком, сегодня уже мало. Когда вы увидели, что всюду вас

сопровождает успех, вы захотели сразу довершить дело и навсегда оградить себя от неожиданных превратностей счастья, которое сегодня рабски служит вам, а завтра может повернуться к вам спиной. Я не осуждаю вас. Вы поступаете, как расчетливый игрок. Я сам игрок в душе, но не расчетливый, к сожалению, хотя умею ценить это качество в других.

— О! Боже мой, — не выдержал наконец граф.

— Терпение, граф, терпение. И вот вы огляделись кругом и, естественно (в этом, конечно, не могло быть никакого сомнения, так и следовало ожидать от такого умного, знающего людей человека, как вы) взоры ваши обратились на дону Сильву де Торреса. Этот кабальеро совмещал в себе все качества, которых вы могли требовать от хорошего тестя, так как вы хотели завершить начатое вами выгодным браком. Э! Вы не обманете меня теперь, мой рассказ о вашей собственной особе начинает интересовать вас. Дон Сильва добр, доверчив, кроме того, он колоссально богат, даже и для такой страны, как та, в которой мы имеем счастье беседовать с вами, где вообще состояния огромны. К тому же донья Анита, его дочь и ваша невеста, прелестна. Словом, вы вошли в дом дона Сильвы, предложили свою руку его дочери, и предложение было принято. Свадьба должна была состояться еще в прошлом месяце. Удвойте теперь ваше внимание, кабальеро, так как я перехожу к наиболее интересной части моего рассказа.

— Продолжайте, сеньор. Вы видите, что я прилагаю все усилия, чтобы слушать вас с должным терпением.

— Вы будете вознаграждены за вашу любезность, кабальеро, не волнуйтесь, — сказал незнакомец с едва уловимым оттенком иронии.

— Страстно желаю, чтобы вы поскорее закончили, сеньор.

— И я тоже спешу. К сожалению для ваших планов, донья Анита не посоветовалась со своим отцом относительно выбора мужа. Уже давно она тайно любила одного молодого человека, которому однажды посчастливилось оказать ей важную услугу.

— Имя этого молодого человека вы, конечно, знаете?

— Разумеется, сеньор.

— Так сообщите его мне.

— Нет, не сообщу. Этот молодой человек тоже любил ее. Донья Анита и молодой человек виделись тайно от дона Сильвы и поклялись друг другу в вечной любви. Когда донья Анита по приказанию своего отца была вынуждена стать вашей невестой, она притворилась, что повинуется его приказу, так как не решилась открыто сопротивляться отцу, но она предупредила своего возлюбленного, и оба они нашли способ расстроить

этот ненавистный брак.

Граф в продолжение последней части речи незнакомца поднялся и стал нервно ходить взад и вперед по зале. При последних словах он остановился перед гостем.

— Таким образом, — мрачно насупившись, проговорил он, — нападение в Ранчо...

— Было средством, к которому прибег молодой человек, чтобы избавиться от вас, сеньор, — невозмутимо закончил незнакомец.

— Следовательно, этот молодой человек — подлый разбойник! — заметил на это граф с глубочайшим презрением.

— Ошибаетесь, кабальеро. Он хотел только заставить вас отказаться от вашего намерения жениться на донье Аните. Доказательство в том, что жизнь ваша была в его руках, но он не воспользовался этим.

— В конце концов, — воскликнул граф, — разбойник он или нет, но скажите же мне, кто он! Надеюсь, вы окончили свой рассказ?

— Нет еще. После случая в Ранчо вы должны были продолжать свой путь на асиенду вместе с вашим будущим тестем и невестой. Но и там вас преследовала ненависть возлюбленного доньи Аниты, не давая вам ни минуты покоя. На вас напали апачи.

— Ну и что же?

— Ну, и... все говорить вам? Разве вы не понимаете, что этот молодой человек был в союзе с краснокожими?

— И донья Анита знала это?

— Я не могу утверждать этого, но весьма вероятно.

— О!

— Хорошо было устроено, не правда ли?

Граф до крови закусил губу, еле сдерживаясь.

— А знаете вы, кем похищена донья Анита?

— Знаю.

— Так, значит, не краснокожими?

— Нет.

— Этим молодым человеком?

— Да, этим молодым человеком.

— А ее отец, дон Сильва де Торрес, он также захвачен им?

— Да, но могу вас уверить, совершенно против своей воли.

— Где же в настоящее время дон Сильва?

— Спокойно живет в своем доме в Гуаймасае.

— А его дочь с ним?

— Нет.

— Так, значит, она с этим молодым человеком?

— Вы просто ясновидящий, дорогой граф.

— А знаете вы, где они сейчас находятся?

— Знаю.

Быстрее молнии граф ринулся на незнакомца, левой рукой схватил его за горло, а правой приставил пистолет к груди его.

— Ну, теперь, несчастный, — прохрипел он, — ты... ты скажешь мне, где они?

— А, вот вы в какую игру желаете играть со мной? Но вы меня не поняли, — несколько не изменившись в лице, проговорил незнакомец. — Впрочем, я к вашим услугам, кабальеро.

С этими словами он распахнул плащ, и граф увидел перед собой дула двух направленных на него пистолетов, которые незнакомец держал в руках.

Движение это было таким быстрым, что граф не успел предупредить его. Он опустил пистолет, заткнув его за пояс.

— Я с ума сошел, — пробормотал он, — простите меня, я не сдержался и вспылал.

— От всей души! — ответил незнакомец, кладя пистолеты на стол рядом с собой.

— Простите меня еще раз. Теперь я подумал и успокоился. Я вижу, что вы хотите быть мне полезным.

Незнакомец утвердительно кивнул головой.

— Есть еще одна вещь, которой я не могу найти объяснение, — продолжал граф.

— Какая? — спросил незнакомец.

— Для чего вы все это мне сообщаете?

— Все очень просто.

— Премного обяжете, если объясните мне это.

— С удовольствием, кабальеро. Ведь на вас напали в Ранчо двое незнакомцев?

— Да.

— Я тот самый, которого вы опрокинули.

— А-а! — с какой-то особенной интонацией в голосе протянул граф.

— Одним словом, меня зовут Кукарес, я -леперо, то есть человек, предпочитающий солнце тени, покой — труду удар кинжала, когда он хорошо оплачивается, — самоотречению, которое ничего не приносит. Ну, поняли меня?

— Вполне.

— Итак, мы можем сговориться?

— Думаю, можем.

— Гм! И я того же мнения. Вот это-то и привело меня сюда.

— Еще один вопрос.

— Говорите.

— Но ведь вы изменяете своим друзьям, предаете их?

— Я? Каких?

— Тех, которым вы до сих пор служили.

— Человек, подобный мне, кабальеро, не имеет друзей, у него есть только клиенты.

— Клиенты или друзья, но ведь вы все-таки совершаете измену?

— Мы с ними покончили счеты, ни они не должны мне, ни я им, мы расквитались. Вы видите, кабальеро, в каждом деле существуют две стороны, и каждую умный человек может обратить себе на пользу. Я извлек все, что я мог, из первой, теперь же я хочу попытать счастье на второй.

Граф слушал, как леперо развивал свою теорию двустороннего пользования обстоятельствами, с изумлением и омерзением. Цинизм, такой откровенный, ничем не прикрытый, против воли поражал его, но граф де Лорайль, несмотря ни на что, устоял. Наставления его парижского друга барона Спурцгейма пошли впрок.

— Мы скажем, что вы пришли оказать мне услугу.

Леперо улыбнулся.

— Думаю, мы сторгуемся, — ответил он. — Я говорю это сейчас, наедине, чтобы не бередить совести этих кабальерос, которые вышли отсюда, когда я входил, но с вами я буду откровенен.

— Что вы хотите сказать?

— То, что я пришел сюда, чтобы все это продать.

— Идет.

— Я не продам дешево.

— Ну что же!

— Я дорого возьму.

— Все равно, лишь бы стоило того.

— Ну и отлично! — радостно воскликнул леперо. — Вы именно тот человек, которого я хотел найти. Так можете, любезный граф, смело положиться на меня.

— Приходится, так как ничего другого не остается.

— Что делать? Все люди таковы: сегодня я — вам, завтра вы — мне. Ба-а! Несколько тысяч пиастров за такое дело нечего жалеть.

— Ну так, прежде всего, имя моего соперника?

— Это будет стоить вам пятьдесят унций. Ведь это не дорого?

— Вот они, — отвечал граф и положил на стол требуемую сумму.

Леперо, словно в бездонную пропасть, сбросил их со стола в свой огромный карман.

— Ваш соперник, кабальеро, зовется дон Марсиаль, он же Тигреро. Он страшно богат.

— Дон Сильва, кажется, произносил это имя.

— Возможно, но дон Сильва терпеть его не может, особенно после того, как дон Марсиаль спас его дочь.

— Действительно, я и это припоминаю, дон Сильва говорил об этом несколько раз. Теперь, каким образом дон Марсиаль похитил донью Аниту?

— Очень просто. Стоило ему только проникнуть в крепость, как она уже готова была следовать за ним куда угодно. Во время битвы с апачами он усадил донью Аниту в пирогу, в которую я раньше уже втащил ее отца, связанного, с заткнутым ртом. Затем мы поплыли. Всю ночь плыли мы по реке, чтобы скрыть всякие следы нашего бегства. На рассвете мы были уже в пятнадцати милях. Здесь мы уже не боялись, что нас откроют, и пристали к берегу. Индейцы мансос продали нам лошадей, дон Марсиаль поручил мне препроводить отца молодой девушки в Гуаймас, я исполнил это поручение. Дон Сильва не желал следовать за мной, но в конце концов мне удалось доставить его домой. Я оставил его там и присоединился к дону Марсиалью, который поручил мне принести кое-какие вещи и ждал меня в условленном месте.

— Так, — проговорил граф, — но почему же вы разошлись с ним?

— Боже мой! Кабальеро, мы разошлись, как это бывает между лучшими друзьями, вследствие недоразумения.

— Отлично! Он вас прогнал?

— Почти что так, должен сознаться.

— Давно вы разошлись с ним?

Леперо прищурил правый глаз.

— Нет, — ответил он.

— Можете вы показать дорогу туда, где он в настоящее время находится?

— Когда угодно.

— Отлично. Далеко это отсюда?

— Нет, но простите, кабальеро, давайте все по порядку.

— А именно?

— Сколько вы мне дадите, чтобы узнать, где находятся дон Марсиаль

и донья Анита?

— Двести унций.

— Идет.

— Вот они.

Граф подошел к железному ящику в углу залы, достал оттуда несколько пригоршней золота и передал его леперо.

— С вами приятно иметь дело, — проговорил Кукарес, присоединив новые золотые к прежде положенным. — Вот теперь вы сами, вероятно, согласитесь, что я был прав, говоря, что пришел оказать вам услугу.

— Это правда, и я вам очень благодарен. Так где же донья Анита и дон Марсиаль?

— Они в миссии Сан-Франциско. А теперь я прошу у вас позволения покинуть вас.

— Нет, я не дам пока этого позволения.

— Почему же?

— По двум причинам: во-первых, потому что, хотя я и питаю полное доверие к вам, я еще не убедился, что вы говорили мне правду.

— О! — проговорил леперо, и тоном, и жестом показывая, что в правдивости его слов не может быть ни малейшего сомнения.

— Это верно, это верно, я это хорошо знаю, но что вы хотите, я по природе очень недоверчив.

— Хорошо, я останусь. Но в чем заключается вторая причина?

— Вот в чем: теперь я, в свою очередь, хочу попросить вас об одной услуге.

— За плату?

— Ну, разумеется.

— К вашим услугам.

— Я вам дам сто унций, если вы проведете меня к моему сопернику.

— *Caspita!* — вскричал леперо.

— Еще сто унций, — повторил граф.

— Я понимаю. Сто унций — это прекрасная вещь! Но видите ли, кабальеро, я, во-первых, костеньо, житель берега, а, во-вторых, леперо. Жизнь в пустыне мне не подходит, она вредна для моего здоровья. Я дал себе слово бросить ее. Дорога отсюда в миссию Сан-Франциско трудная, надо идти по настоящей пустыне. Нет, это невозможно.

— Досадно, — холодно проговорил граф.

— Да.

— Так как я хотел предложить вам не сто, а двести унций.

— Ну? — насторожившись, переспросил его собеседник.

— Но так как вы отказываетесь — ведь вы отказываетесь, не правда ли? — то я, к моему сожалению, вынужден вас расстрелять.

— Неужели?! — с ужасом воскликнул леперо.

— Конечно, — продолжал граф невозмутимо. — Послушайте меня, любезнейший, вы очень ловкий человек, и если вы нашли в этом деле две стороны, то, кто вас знает, может быть, вы найдете и третью.

И прежде чем Кукарес успел что-либо сообразить, граф быстрым движением схватил пистолеты, которые лежали на столе.

Леперо побледнел.

— Позвольте, позвольте, кабальеро, — заговорил он неуверенным голосом. — Если уж вы так этого желаете, то я почувствовал бы себя глубоко несчастным, если бы не угодил вам. Я согласен на двести унций.

— Ну, вот так-то лучше! — тихо проговорил граф. — Я и сам был уверен, что мы в конечном счете пойдем друг друга.

Он вынул из железной кассы золото. Стоя у кассы спиной к Кукаресу, граф не мог заметить той особенной улыбки, в которую сложились губы леперо. Если бы он увидел ее, то не стал бы в душе поздравлять себя с так легко доставшейся победой.

ГЛАВА XVIII. Несколько шагов назад

Рассказ леперо, верный по своей сути, был совершенно неверен и ложен по своей форме. Имел ли он намерение обмануть графа Лорайля, читатель узнает позже.

Ускользнув так чудесно из рук апачей под стенами асиенды, как это описано нами выше в одной из предыдущих глав, Кукарес нырнул и, насколько хватило у него сил, плыл под водой, направляясь к середине реки. Вынырнув на поверхность, чтобы перевести дух, он огляделся. Он был один.

Кукарес подавил в себе крик радости и, подумав с минуту, изо всех сил поплыл по направлению к тому месту, где его уже некоторое время должен был ждать дон Марсиаль, предупрежденный его сигналом.

Несколько взмахов — и он достиг мелкого места, покрытого высокой травой. Здесь ждало его неожиданное счастье: его пирога, плывя по течению, пристала сюда вместе с несколькими корягами и вырванными деревьями.

Кукарес встал на ноги, без труда выплеснул из пироги набравшуюся воду и вывел ее на глубокое место. Пирога эта отличалась, как и вообще индейские пироги в той местности, чрезвычайной легкостью, она была сделана из березовой коры, снимаемой размачиванием срубленного березового ствола в теплой воде.

Едва пирога коснулась берега, как к его уху кто-то нагнулся и прошептал:

— Ты запоздал.

Кукарес чуть было не подпрыгнул от неожиданности, но тотчас же узнал дону Марсиаля. В двух словах леперо объяснил, что с ним произошло.

— Все идет к лучшему, теперь ты тут, — ответил Тигреро. — Спрячься в этих кустах и ни под каким видом не трогайся, пока я не приду.

С этими словами Тигреро быстро удалился.

Кукарес повиновался с большой охотой, тем более что неподалеку слышался шум ожесточенной битвы, происходившей в это время между апачами и французами.

Дон Марсиаль, как призрак, проскользнул к группе флорибондов, где его ожидала, вся дрожа, донья Анита.

Он был уже готов раздвинуть последние ветви, отделявшие его от

девушки, как вдруг остановился: она была не одна.

Он услышал ее голос, прерывавшийся от волнения и гнева. Она говорила, обращаясь к кому-то короткими, резкими фразами.

Но к кому были обращены ее слова? Кто был этот человек, обнаруживший ее в таком месте, где она считала себя в полной безопасности? Человек этот, по-видимому, хотел заставить ее следовать за собою.

Тигреро весь превратился в слух.

Но он не мог тут же удержаться от гневного угрожающего движения. Он узнал по голосу того, кто говорил с доньей Анитой. Это был ее отец.

Все было потеряно.

Асиендадо пытался заставить свою дочь вернуться назад, приводя самые убедительные доводы, указывая ей на все опасности, которым она подвергла свою честь и жизнь. Относительно того, что заставило ее покинуть дом графа Лорайля и явиться сюда, он, по-видимому, не имел ни малейшего сомнения.

Донья Анита отказывалась следовать за отцом, ссылаясь на то, что они могут встретиться с каким-нибудь отошедшим в сторону индейцем и таким образом подвергнуться уже совсем нежелательной опасности.

Дон Марсиаль ударил себя по лбу, на губах его появилась усмешка, в глазах засветился огонь, и он быстро удалился по направлению к берегу.

Битва тем временем продолжалась. Иногда казалось, что она приближается, в ушах раздавались вопли и проклятия раненых. По временам, как гром, раздавался пушечный выстрел, и ядро, свистя и шипя, проносилось над головами сражающихся, по большей части не принося никому вреда, возбуждая лишь ужас в тех, кому впервые приходилось видеть настоящую битву.

— Умоляю именем Бога, всеми святыми, моя дорогая дочь, — уже ласково, но тем не менее настойчиво продолжал дон Сильва, — идем, нельзя терять ни минуты, через несколько секунд, быть может, возвращение будет уже невозможным. Идем, умоляю тебя.

— Нет, отец мой, — отвечала она, отрицательно качая головой, — я решилась. Что бы ни произошло, повторяю вам, я не тронусь с места.

— Но ведь это безумие, — с горечью воскликнул асиендадо. — Значит, ты хочешь умереть?

— Ну так что же, — твердо отвечала она, — так или иначе, а мне один конец. Бог свидетель — я готова умереть, лишь бы не выходить замуж за того человека, которого вы мне выбрали в мужа!

— Дочь моя, умоляю тебя всеми святыми!

— Ну, что за важность, не все ли равно, отец, тут ли меня захватят дикари, или не сегодня-завтра вы сами своими руками отдадите меня во власть человека, которого я ненавижу.

— Не говори так, дочь моя, к тому же здесь крайне неудобно говорить о таких вещах. Идем скорее. Слышишь, крики все ближе, через минуту будет уже поздно.

— Так идите скорее, если вы считаете, что так лучше, а я останусь, что бы ни случилось, — отвечала она решительно.

— Поскольку ты упорствуешь, я буду вынужден заставить тебя повиноваться силой.

Девушка быстро обхватила левой рукой тонкий, прямой ствол росшей тут же мексиканской сосны и, бросив на отца взгляд, полный неукротимой воли, не проговорила, а скорее крикнула ему вызывающе:

— Попробуйте, если вы осмелитесь сделать это. Только я предупреждаю вас, что при первом же вашем шаге ко мне произойдет именно то, чего вы так стремитесь избежать: закричу так сильно, что индейцы непременно услышат прибегут сюда.

Дон Сильва остановился в нерешительности, ему хорошо был знаком характер дочери. Он был уверен, что она приведет свою угрозу в исполнение.

Прошло несколько минут. Дочь и отец стояли безмолвно друг против друга, глядя друг на друга, но не произнося ни слова, не делая ни одного жеста.

Но тут неожиданно раздвинулись кусты, и появились два человека или скорее два демона. В мгновение ока они набросились на асиендадо и повалили его на землю. Прежде чем дон Сильва успел сообразить что-либо, он уже был связан, рот заткнут платком, руки скручены назад, ноги связаны, глаза завязаны шарфом, и он не мог видеть, что делается вокруг.

Донья Анита при неожиданном появлении этих людей испустила было крик ужаса, но тотчас же подавила его, узнав дона Марсиаля.

— Тише! — быстро прошептал Тигреро. — У меня не было иного средства помочь вам выйти из затруднительного положения. Идите, идите скорее за мной. Будьте уверены, что жизнь и здоровье вашего отца для меня священны.

Молодая девушка не отвечала.

По знаку дона Марсиаля Кукарес не без труда взвалил себе на плечи тучного дона Сильву и направился к берегу, где в чаще корнепусков они оставили пирогу.

— Куда мы идем? — дрожащим голосом спросила донья Анита.

— Туда, где мы будем вместе и счастливы, — ласковым голосом тихо ответил ей Тигреро, нежно обняв и осторожно посадив ее в неустойчивую пирогу.

Донья Анита не сопротивлялась, она обняла за шею своего возлюбленного, помогая ему сохранять равновесие в то время, как он бесстрашно перепрыгивал по скользким воздушным корням, хватаясь за перепутанные лианы и взглядами ободряя свою дорогую ношу.

Кукарес достиг пироги раньше, положил на дно дона Сильву, поднял весло и нетерпеливо ожидал Тигреро, так как шум становился все сильнее, хотя по участвовавшим выстрелам можно было судить, что победа переходит на сторону французов.

— Что же мы будем делать? — спросил Кукарес.

— Выгребай на середину реки и плыви вниз по течению.

— А лошади? — заметил леперо.

— Спасемся сначала сами, а потом будем думать о лошадях. Уже ясно, что победят белые. Как только битва кончится, граф де Лорайль бросится во все стороны разыскивать свою невесту и дону Сильву. Необходимо, чтобы не осталось следов, иначе все будет потеряно. Французы — черти, они нас непременно найдут.

— Но я полагаю... — робко заметил Кукарес.

— Греби живо, — перебил его Тигреро, нетерпеливо и сильно толкнув ногой пирогу по направлению к середине течения.

Они поплыли.

Сначала они плыли безмолвно, каждый про себя обдумывал, что произошло.

Дон Марсиаль взял на себя слишком много, поставив сразу, так сказать, на карту счастье любимой девушки вместе с безопасностью и спокойствием ее отца. Но раздумывать было некогда. Правда, он видел, что попал в очень затруднительное положение, выйти из которого было нелегко.

Донья Анита, опустив голову, рассеянным взглядом следила за струями воды, отстававшими от быстро спускавшейся вниз по течению пироги.

Кукарес изо всех сил работал веслом, раздумывая о трудностях и превратностях той жизни, которую ему пришлось вести в последнее время, с досадой вспоминая, как спокойно ему жилось в Гуаймасае, когда, положив голову в тень и протянув ноги под горячие лучи солнца, он сидел на соборной паперти, довольный своей скудной сиейстой, освежаемый легким дуновением морского бриза и убаюкиваемый таинственным рокотом

прибоя.

Что касается дона Сильвы, то он не раздумывал — он метался в бессильной ярости, которая грозила перейти в полное безумие, грыз платок, засунутый ему в рот, тяжело ворочался, стараясь освободить хотя бы одну руку, а по временам, совсем изнемогая, словно успокаивался.

Шум битвы понемногу смолкал и, наконец, вовсе затих.

Путники, обуреваемые каждый своими чувствами, продолжали плыть в полном молчании. Они не могли не поддаться влиянию торжественной тишины и покоя, которые царили в пустыне и которые неизбежно передаются возбужденному уму нервно настроенных людей. А в пустыне царил такое величественное спокойствие, что никакое перо человеческое не в состоянии его описать.

Звезды на небе между тем стали бледнеть, на востоке неясно обозначилась розовая полоса. Грузные аллигаторы начали выползать из грязи и гоняться за утренней добычей, сова прокричала прощальный привет ночи, где-то далеко с лаем пронеслись шакалы, дикие звери, переступая тяжелым, сонливым шагом, направились в свои тайные убежища. Наконец совсем рассвело. Донья Анита любовно склонила голову на плечо дона Марсиаля.

— Но куда же мы плывем? — спросила она его после долгого молчания мягким доверчивым голосом.

— Мы бежим, — коротко ответил он.

— Вот уже шесть часов, как мы все плывем по течению, да к тому же вы работаете в два весла. Неужели нас все еще могут догнать?

— Едва ли, но сейчас я боюсь не французов.

— А кого же?

Тигреро глазами показал ей на дону Сильву, который, вконец обессиленный от волнения и досады, смиренно лежал на дне пироги. Самой позой своей он молчаливо признавал, что побежден. Казалось, он погрузился в глубокий сон.

— Увы! — проговорила донья Анита. — Вы правы. Но дальше так продолжаться не может, это невыносимо.

— Если вы предоставите мне действовать по моему усмотрению, то, ручаюсь вам, и четверти часа не пройдет, как ваш отец будет благодарить меня.

— Разве вы не знаете, что я ни в чем не стану противоречить вам?

— Благодарю!

И дон Марсиаль обернулся к Кукаресу и шепотом сказал ему несколько слов.

— Эге! Это мысль, — отвечал, усмехаясь, леперо.

Через пять минут пирога пристала к берегу. Дон Марсиаль с Кукаресом осторожно подняли дону Сильву и перенесли его на берег. Тот не проснулся.

— Теперь, — обратился дон Марсиаль к молодой девушке, — вам остается только позволить привязать себя к этой акации, чтобы наша хитрость увенчалась полным успехом.

— Делайте со мной что хотите.

Тигреро взял ее своими сильными руками, перенес на землю и привязал поясом к стволу дерева.

— Теперь, — быстро проговорил он, — помните: вас и вашего отца похитили из асиенды апачи. Случайно мы встретили вас в таком положении, и ...

— Вы нас спасли, не правда ли? — dokonчила, весело смеясь, донья Анита.

— Совершенно верно! Только представьте, что вы еще не освободились от пережитого вами ужаса, плачьте, рыдайте погромче. Понимаете?

— Очень хорошо.

Далее сцена разыгрывалась по этому быстро составленному сценарию. Молодая девушка стала пронзительно кричать, а оба искателя приключений выстрелили из карабина и револьверов и бросились к асиендадо, которого поспешили освободить от связывающих его пут, возвратили ему свободу движений, сняли повязку с глаз и освободили рот от платка.

Дон Сильва приподнялся и огляделся вокруг. Первое, что он увидел, была его дочь, растерзанная, в полубесчувственном состоянии, привязанная к дереву и истерично рыдавшая. Двое мужчин поспежно старались освободить ее. Асиендадо возвел глаза к небу и мысленно поблагодарил Всемогущего за Его милости.

Донья Анита была немедленно освобождена. Она подбежала к отцу, бросилась ему в объятия, обхватила руками его шею и спрятала на его груди свое лицо, невольно покрасневшее от стыда за ту недостойную проделку, в которой она согласилась участвовать, чтобы обмануть старика.

— Бедное, дорогое дитя! — проговорил он со слезами на глазах. — Я за тебя, и только за тебя дрожал всю эту ночь, пока мы плыли по реке.

Донья Анита не нашлась, что ответить. Она почувствовала, что ласковые слова отца звучат для нее упреком.

Дон Марсиаль и Кукарес сочли этот момент благоприятным и приблизились, держа в руках свои еще дымящиеся карабины.

Увидев их, асиендадо сразу их узнал, тень набежала на его лицо. Неясное подозрение зародилось в его душе. Он окинул обоих пронизательным взглядом, перевел взгляд на дочь и поднялся, нахмурившись, с дрожащими губами и не произнес ни слова.

Тигреро смутился от этого молчания. Он совсем не ожидал подобного приема. Но после той услуги, которую, как считалось, он оказал асиендадо, он счел себя вправе первым обратиться к дону Сильве.

— Я счастлив, — начал он, запинаясь и подыскивая слова, — что встретил вас здесь. Я, благодарение Богу, получил возможность вызволить вас из рук краснокожих.

— Я вам благодарен, сеньор дон Марсиаль, — сухо ответил асиендадо, — при вашей храбрости этого и следовало ожидать. Вам предопределено спасти сначала дочь, а затем такую же услугу оказать и отцу. Судьба назначила вам, я вижу, быть освободителем всего моего семейства. Примите мою искреннейшую благодарность.

Эти слова были произнесены с такой иронией, что Тигреро почувствовал, будто его точно что-то ужалило, он не нашелся, что ответить, и только неловко поклонился, чтобы скрыть свое замешательство.

— Отец, — вкрадчиво вступила донья Анита, — дон Марсиаль рисковал из-за нас своей жизнью.

— Да я его и благодарю, — отвечал дон Сильва. — Должно быть, схватка была жаркая. Краснокожие что-то чересчур быстро удрали. Убитых не было?

Говоря это, асиендадо с притворным изумлением оглядывался вокруг себя.

Дон Марсиаль выпрямился и опять подошел к дону Сильве.

— Сеньор дон Сильва де Торрес, — начал он твердым голосом, — судьба вновь свела нас, можно сказать, с глазу на глаз, позвольте же мне воспользоваться случаем и заявить вам, что едва ли среди ваших друзей найдется человек, столь преданный вам, как я.

— Вы это и доказали, кабальеро.

— Оставим это! — перебил живо дон Марсиаль. — Теперь вы свободны и можете действовать как вам угодно. Так говорите, приказывайте, чего вы желаете от меня. Я готов сделать для вас все, лишь бы показать, как я счастлив, как ценю ваше расположение.

— Вот это я понимаю, кабальеро, и отвечу вам откровенно. Важные причины заставляют меня вернуться во французскую колонию Гетцали, в которой я находился в то время, когда индейцы так коварно похитили нас.

— Когда вам угодно будет отправиться?

— Сейчас же, если это возможно.

— Все возможно, кабальеро. Но я должен предупредить вас, что мы находимся почти в ста двадцати милях от Гетцали, отделяет нас от нее дикая пустыня, лошадей достать здесь очень трудно, а пешком мы не можем пройти это расстояние, несмотря на все наше желание.

— Особенно моя дочь, не правда ли? — заметил дон Сильва с ядовитой усмешкой.

— О! — отвечал, не смущаясь Тигреро. — Да, особенно сеньорита.

— Ну, так как же быть? Мне непременно нужно вернуться туда вместе с дочерью, — дон Сильва произнес последние слова с особым ударением, — и притом как можно скорее.

Тигреро говорил неправду, уверяя дону Сильву, что они находились в ста двадцати милях от колонии. До нее было едва семьдесят пять миль, но в такой стране, как Сонора, и пятнадцать миль являлись бы непреодолимым препятствием для того человека, который не привык к жизни в пустыне и не научился переносить ее лишения. Хотя дон Сильва и путешествовал обычно с полнейшим комфортом, какой только можно обеспечить в этих местах, но все же он знал, если не по опыту, то понаслышке, обо всех трудностях, которые встречаются на подобном пути, о препятствиях, возникающих на каждом шагу. Решение свое он принял, не беря в расчет всего вышесказанного.

Дон Сильва, как и большее число его соотечественников, был одарен страшным упрямством. Раз он решил что-нибудь, то чем больше препятствий вставало на пути к исполнению задуманного, тем больше разгоралось у него желание во что бы то ни стало довести дело до успешного конца.

— Слушайте, — обратился он к дону Марсиаю, — я буду откровенен с вами. Думаю, что не скажу вам новости, если сообщу, что готовится свадьба моей дочери с графом де Лорайлем. Свадьба эта состоится, клянусь вам, что бы там ни говорили и каких бы препятствий ни ставили нам разные лица. Теперь же я желаю испытать вашу преданность, о которой вы сейчас говорили.

— Говорите, сеньор.

— Вы пошлете своего товарища к графу де Лорайлю. Он успокоит его на наш счет и известит его о нашем скором прибытии.

— Хорошо.

— Вы распорядитесь?

— Немедленно.

— Благодарю. Теперь, что касается лично вас, то вы вольны покинуть

нас или сопровождать, если вам будет угодно. Но, прежде всего, нам нужны лошади, оружие и особенно провожатые. Я нисколько не боюсь вновь попасть в руки краснокожих нехристей, хотя, быть может, нам и не удастся так легко отделаться от них, как сегодня.

— Оставайтесь здесь. Через два часа я вернусь с лошадьми, что же касается провожатых, то я постараюсь достать вам их, но ручаться за успех не могу. Если вы позволите, я провожу вас до самого графа. Надеюсь, что пока я буду иметь счастье находиться в вашем присутствии, мне удастся доказать вам, что вы ошибались относительно меня.

Эти слова были произнесены так задушевно, что тронули асиендадо.

— Что бы ни произошло, — ответил он, — я остаюсь вам благодарен. Вы окажете мне неоценимую услугу, за которую я вам вечно буду признателен.

Дон Сильва вырвал листок из своей записной книжки, написал на нем несколько слов карандашом, свернул его и вручил Тигреро.

— Уверены ли вы в этом человеке? — спросил он его.

— Как в самом себе, — отвечал уклончиво дон Марсиаль. — Будьте уверены, он проникнет к самому графу.

Асиендадо наклонил голову в знак своего полного удовлетворения. Тигреро приблизился к Кукаресу.

— Слушай, — громко проговорил он, обращаясь к нему, — требуется, чтобы ты в два дня передал это письмо начальнику гарнизона Гетцали... Понимаешь меня?

— Вполне! — подтвердил леперо.

— Отправляйся, и да хранит тебя Бог... Через четверть часа за тем холмом, — быстро прибавил он, понизив голос;

— Понимаю, — ответил тот, наклонив голову.

— Возьми эту пирогу, — продолжал Тигреро.

Если у асиендадо и шевельнулись какие-либо подозрения относительно намерений Тигреро, то они окончательно рассеялись, когда он увидел, что Кукарес прыгнул в пирогу, схватил весло и удалился, даже не обменявшись с Тигреро знаком, ни разу не обернувшись.

— Ну вот, первая часть ваших распоряжений исполнена, — начал Тигреро, возвратившись к дону Сильве. — Теперь перейдем ко второй. Возьмите мои пистолеты и мой кинжал, в случае тревоги вы сможете защищаться. Я оставлю вас здесь. Прошу вас, не отходите далеко. Часа через два, не позже, я вернусь.

— Так что, вы знаете, где найти лошадей?

— Разве вы забыли, что в пустыне я как у себя дома? — отвечал

Тигреро с улыбкой. — Скоро вы увидите, что я не хвастаюсь. До свидания.

И он удалился твердыми шагами в направлении, противоположном тому, куда поплыл Кукарес.

Но как только он скрылся из глаз дона Сильвы за густой группой прибрежных деревьев, то сразу круто повернул, обошел стороной и очутился опять на берегу, немного выше того места, где оставил дон Сильву с дочерью.

Кукарес, ожидая его, сидел, небрежно прислонившись к стволу дерева, и курил папиросу.

— Ну, некогда болтать, надо делать дело, — начал, приблизившись к нему, Тигреро. — Время не ждет.

— Я слушаю.

— Видишь ты этот бриллиант? — и он показал ему на массивное кольцо, стягивающее его галстук и украшенное бриллиантом чистой воды.

— Он стоит тысяч шесть пиастров, — оценил его леперо взглядом знатока.

Дон Марсиаль протянул ему бриллиант:

— Дарю его тебе.

Леперо взял его и сжал в руке.

— Что надо делать?

— Прежде всего, возвратить мне записку.

— Вот она.

Дон Марсиаль взял ее и разорвал на мелкие кусочки.

— А теперь? — вновь спросил Кукарес.

— А теперь у меня для тебя есть другой такой же бриллиант. Ты меня понимаешь?

— Что ж, я его возьму.

— Но с одним условием.

— Я знаю, с каким, — ответил Кукарес, утвердительно кивая головой.

— Ты принимаешь это условие?

— Разумеется. Никогда уже он не будет становиться вам поперек дороги.

— Хорошо, но ты знаешь, что я требую доказательств.

— И вы получите их.

— Тогда до свидания.

Оба товарища расстались, очень довольные тем, что поняли друг друга с полуслова.

Мы уже видели, каким образом Кукарес исполнил поручение,

возложенное на него доном Сильвой де Торресом.

После описанного краткого разговора с Кукаресом дон Марсиаль принялся разыскивать лошадей.

Часа через два он уже возвращался и не только вел с собой двух великолепных коней, но откуда-то достал и двух пеонов, или выдававших себя за таковых, которые должны были служить провожатыми.

Асиендадо вполне оценил великодушие дона Марсиаля и, хотя манеры и вид его телохранителей не внушали особого доверия, он тепло благодарил Тигреро за участие и за старания сделать путешествие по возможности менее тяжелым. Он с большим аппетитом позавтракал задней лопаткой лани, орошенной пульке — и то, и другое также достал откуда-то предусмотрительный дон Марсиаль. Когда завтрак кончился, небольшой отряд, довольно хорошо вооруженный, двинулся в путь по направлению к колонии Гетцали, куда дон Сильва при благоприятных обстоятельствах рассчитывал добраться за три дня.

ГЛАВА XIX. В прериях

Мексиканская граница, вплоть до отдаленных иезуитских миссий, тогда уже оставленных и разрушавшихся, представляла собой край громадных прерий по Рио-Хиле, известных в то время под именем Апачерии, или земель апачей. Они тянулись вплоть до мрачной пустыни дель-Норте.

Эту часть Америки природа одарила чудной растительностью, чрезвычайным плодородием и разнообразием флоры и фауны, что редко можно встретить в каком-либо другом месте на земле.

Гетцали, колония, основанная графом Лорайлем, представляла не что иное, как бывшую миссию достопочтенных отцов-иезуитов, некогда процветавшую, но затем упраздненную декретом, предписывающим изгнать орден достопочтенных отцов за пределы Мексики. Миссия постепенно пришла в запустение и была восстановлена графом.

Мы не будем приводить здесь доводы за или против ордена Иисуса, но мимоходом должны заметить, что в Америке он оказал громадные услуги делу распространения просвещения. Все основанные им на границе пустыни миссии процветали, индейцы тысячами приходили в них, слушали проповеди на родном им языке, имели случай видеть ближе преимущества оседлой жизни и земледелия и в большом числе переходили под отеческое покровительство миссии, увеличивая собою их паству. Были миссии, которые насчитывали до шестидесяти тысяч новообращенных. Когда вышел декрет об изгнании иезуитов и о передаче основанных ими миссий в руки других орденов, эти прозелиты ³⁴ провожали их со слезами и скорбью, движимые только любовью к своим просветителям, протестуя против такой непонятной им меры, предлагая даже защищать их права от всякого посягательства с оружием в руках.

Наша несколько запоздавшая защита отцов-иезуитов, которым мы хотели воздать должное после стольких лет, прошедших со дня их изгнания, основана на той памяти о них, которая и доселе жива в сердцах окрестных индейцев. Эти индейцы, некогда их неусыпными трудами приведенные в лоно христианской церкви, в настоящее время совсем забыли преподанные им зачатки цивилизации и вновь стали кочующими дикарями. Но и до сих пор в поздний час вокруг бивачных костров, среди разных тем для бесед и рассказов, преобладают предания о благочестивых, самоотверженных миссионерах.

Дон Сильва де Торрес хотел поскорее кратчайшим путем добраться до Гетцали. К сожалению, ему нужно было преодолеть значительное расстояние по такой местности, где не было ни одной тропинки. К тому же из-за полного незнания этой местности он был вынужден довериться дону Марсиалью, проводнику во всех отношениях прекрасному, предусмотрительности которого и глубокое знание пустыни не подлежали никакому сомнению, но к которому он, сам не зная почему, мог питать только крайне ограниченное доверие.

Тем не менее Тигреро, по крайней мере с виду, выражал полную преданность асиендадо, вел его по наиболее проторенным тропинкам, помогал ему избегать наиболее трудных переходов и самым заботливым образом оберегал безопасность своего отряда.

Каждый вечер они располагались биваком на вершине какого-нибудь пригорка, с которого просматривались все окрестности.

Вечером четвертого дня, после утомительнейшего перехода по чрезвычайно неровной местности, они достигли вершины холма, на котором дон Марсиаль предполагал остановиться.

Асиендадо согласился на это с тем большим удовольствием, что сам испытывал крайнюю усталость, так как не привык к подобного рода путешествиям. После скудного ужина, состоявшего из маисовых лепешек и жареных водяных курочек, обильно посыпанных перцем и облитых пульке, дон Сильва даже не подумал выкурить сигару, что он неизменно делал каждый вечер перед отходом ко сну, а прямо завернулся в свой сарапе, растянулся на земле ногами к огню и мгновенно заснул.

Дон Марсиаль и донья Анита сидели несколько минут молча, устремив глаза на асиендадо и с беспокойством следя за его сном. Наконец, когда Тигреро окончательно убедился, что дон Сильва действительно спит, он приблизился к молодой девушке и, наклонившись к ее уху, тихо проговорил:

— Простите меня, донья Анита, простите меня!

— Простить вас? За что? — удивленно спросила она.

— Боже мой, да ведь я вижу, что вы из-за меня переносите все эти лишения.

— О, эгоист! — ответила она, взглянув на него своими жгучими глазами. — Да разве я и не для себя переношу их?! Ведь я люблю вас!

— Благодарю, благодарю вас! — закричал он вне себя от радости. — Вы мне возвращаете бодрость, которая, я уже чувствовал, покидала меня! Но, Боже мой, как теперь выкрутиться из всего этого?

— Как выкрутиться? Я знаю, как, — живо отвечала она. — Надо

только иметь терпение. Мой отец, поверьте мне, скоро изменит свое мнение относительно вас.

Тигреро печально улыбнулся.

— Но ведь не могу же я без конца водить вас по прерии.

— Это верно, — сказала Анита упавшим голосом. — Что же делать?

— Не знаю. Вот уже два дня мы ходим вокруг Гетцали. Отсюда до колонии всего лишь около двенадцати миль, но я никак не решусь войти в нее.

— Неужели! — пробормотала молодая девушка.

— Ах! — продолжал Тигреро, и в глазах его загорелся огонь. — И почему только человек этот — ваш отец, донья Анита?

— Не говорите так, дорогой мой! — воскликнула она и зажала ему рот своей маленькой ручкой. — Зачем отчаиваться? Бог добр, Он не оставит нас. Мы не знаем, что нас ожидает, возложим на Него надежды наши.

— Однако положение наше незавидное, — отвечал на это Тигреро, покачав головой. — Ходить вот так, бесцельно, наудачу далее невозможно. Хотя ваш отец совершенно не знает прерий, но в конце концов все же догадается, что я его обманываю, и тогда я безнадежно упаду в его глазах. С другой стороны, войти в колонию, это значит отдать вас в руки человека, которого вы ненавидите. Это возмутительно, и я не желаю способствовать этому. О! Я с удовольствием отдал бы десять лет жизни, чтобы знать, что мне делать.

В это время как будто само Небо услышало его слова и пожелало прийти ему на помощь. Произнося последние слова, Тигреро машинально огляделся по сторонам. Прерия лежала окутанная тьмою, но неподалеку от того места, где они расположились, он заметил светящуюся точку, которая два раза поднималась к небу из высокой травы, описывая каждый раз странные, причудливые линии в воздухе. В то же время его привычное ухо различило тихое ржание лошади.

— Странно, — проговорил он будто сам с собою, — что бы это значило? Не сигнал ли это? Но мы здесь одни, вчера весь день я не мог обнаружить ни малейшего следа. Что же это за свет показался и сейчас же исчез? И это ржание?..

— Что с вами, дорогой мой? — заботливо спросила его донья Анита. — Вы чем-то обеспокоены. Не угрожает ли нам какая-нибудь опасность? Говорите, вы знаете, я не из трусливых, а рядом с вами разве может что-то испугать меня? Не скрывайте ничего. Происходит что-то необыкновенное, не правда ли?

— Да, правда, — отвечал дон Марсиаль, — происходит что-то не

совсем обыкновенное, но успокойтесь, опасности нет никакой.

— Но что же это такое? Я ничего не вижу.

— Смотрите! — проговорил дон Марсиаль, показывая рукой в направлении привлекшего его внимание места.

Девушка внимательно посмотрела в ту сторону и увидела то, что несколько раньше заметил дон Марсиаль. В траве засветился слабый свет и описал в воздухе замысловатую линию.

— Это сигнал, несомненно, — заметил Тигреро, — кто-то засел там.

— Разве вы кого-то ждете? — спросила она его.

— Никого, но только мне кажется, что этот знак относится ко мне.

— Не забывайте, что мы находимся в прерии и, по всей вероятности, окружены индейскими отрядами. Может быть, это они переговариваются между собой при помощи этого света, который мы видели уже два раза.

— Нет, донья Анита, вы ошибаетесь. В настоящее время вокруг нас не может быть ни одного индейского отряда. Мы одни, совершенно одни.

— Откуда вам это известно? Ведь вы ни на минуту не отходили от нас и не можете знать, что делается вокруг.

— Донья Анита, дорогая моя, — отвечал дон Марсиаль торжественным голосом. — Прерия есть великая книга Господня, на ней Бог запечатлел неизгладимые письмена, которые тот, кто привык к жизни в ней, может читать легко и свободно. Ветер, шумящий среди деревьев, ручей, катящийся по песку, птица, летящая в воздухе, лань или бизон, пасущийся в высокой траве, аллигатор, лениво валяющийся на брюхе в иле, — все это для меня знаки, которые никогда не обманут. Два дня, как мы не встречаем ни одного следа индейцев. Бизоны и другие животные, которые попадались нам, пасутся спокойно, не выказывая ни малейшей тревоги, птицы также не выражают никакого волнения, аллигаторы почти совершенно зарылись в ил. Все эти живые существа чувят приближение человека, и особенно индейца, на значительном расстоянии, и как только почувствуют его, убегают и скрываются со страшной быстротой — такой страх внушает им венец творения — человек. Повторяю вам, мы здесь одни, совершенно одни, сигнал может относиться только ко мне. Вот он повторяется опять, смотрите.

— Да, да, верно, я вижу.

— Надо узнать, что мне хотят сообщить! — воскликнул он громко и взялся за карабин.

— О! Дон Марсиаль, умоляю вас, будьте осторожны, будьте благоразумны. Подумайте обо мне, — прибавила она с беспокойством.

— Не волнуйтесь, донья Анита, я слишком опытный охотник, чтобы

попасться на какую-нибудь грубую уловку. Я мигом.

И не слушая более молодой девушки, которая старалась мольбами и слезами удержать его, дон Марсиаль быстро поднялся и сбежал, чутко прислушиваясь ко всему окружающему, с холма.

Спустившись вниз, Тигреро остановился, чтобы осмотреться. Бивак был расположен на расстоянии двух полетов стрелы от берега Рио-Хилы, почти напротив большого острова, представляющего собой громадный обломок скалы, несколько напоминающий своими очертаниями человеческую фигуру, почему индейцы называли его Господином Человеческой Жизни.

Во время своих набегов на мексиканские территории индейцы никогда не забывали останавливаться на этом острове, чтобы принести жертву — обряд, состоящий в том, что в воду бросались с подходящими к случаю плясками такие предметы, как табак, волосы и птичьи перья.

Эта скала издали имеет чрезвычайно живописный вид. Здесь расположены две естественные пещеры, каждая около сорока шагов в ширину, стены их вверху сходятся в виде свода.

Что особенно возбудило любопытство Тигреро и заставило его убедиться в значении замеченного им сигнала, так это то обстоятельство, что сигнал посылался с описанного здесь острова. Этого он никак не мог объяснить себе, так как знал, что индейцы испытывают к этому месту религиозный страх, и ни один индейский воин, как бы храбр он ни был, не осмелится перебраться на него ночью. Это и подбивало его разгадать тайну.

Высокая жесткая трава буйно разрослась до самого берега реки. Скрываясь сначала в траве, затем в густой чаще корнепусков, лиан, плюща, Тигреро незаметно проскользнул к самому краю воды и так тихо зашел в нее, что самое чуткое ухо не могло бы слышать его движения.

Погрузившись в воду, он поплыл к острову, работая одной рукой, а другой держа над водой карабин. Скоро он достиг того места, где хотел выйти на берег.

Выбравшись на остров, он пополз между кустами, прислушиваясь к малейшему шуму и внимательно вглядываясь в густую тьму.

Он никого не увидел, ничего не услышал и направился к одной из пещер, перед входом в которую он заметил горевший костер. Около костра сидел человек, подперев рукой подбородок, и так спокойно курил, как будто он находился в пулькерии в Гуаймасае.

Дон Марсиаль с минуту вглядывался в этого человека, но затем, едва сдержав радостное восклицание, быстро, уже больше не скрываясь, подошел к нему.

В сидевшем у костра он узнал своего доверенного, леперо Кукареса. Шаги приближавшегося Тигреро заставили того быстро обернуться.

— Э! Добро пожаловать, дон Марсиаль! — воскликнул он. — Вот уже целый час я бьюсь, подаю вам сигналы, какие только могу, а вы даже не замечаете их.

— Compadre, — весело отвечал дон Марсиаль, — если бы я знал, что это ты, то давно был бы тут, но я вовсе и не ожидал тебя...

— Вы правы. Мы находимся в местах, где никакая предосторожность не помешает.

— Ну, есть что-то новое? — обратился к нему с вопросом Тигреро, садясь перед огнем, чтобы обсушиться.

— Caspita! Есть ли что-то новое?! Да разве я был бы здесь, если бы не было ничего нового?

— Это правда. Ты хороший товарищ; благодарю, что ты пришел. Ты знаешь, что память у меня хорошая.

— Я знаю это.

— Ну, к делу. Что хочешь ты рассказать мне нового?

— Спрашивайте.

— Дурные или хорошие вести принес ты?

— Превосходные! Вы это сейчас увидите.

— Слава Богу, если это так. Возьми этот перстень. Я должен был бы отдать его тебе, когда мы закончим дело, но будь уверен, что при окончательном расчете я найду что-нибудь другое, что понравится тебе так же, как этот перстень.

Глаза леперо загорелись от жадности. Он схватил перстень и присоединил его к тем драгоценностям, которые получил от дон Марсиаля несколько дней тому назад.

— Благодарю, — проговорил он. — Какое счастье иметь с вами дело. Ничего не скажешь, вы не скряга!

— Ну, какие новости?

— Их мало, но они хорошие. Сеньор граф в отчаянии от исчезновения своей невесты, которую, он полагает, похитили апачи. Он покинул асиенду во главе своего отряда и теперь мечется по прерии во всех направлениях, гоняясь за Черным Медведем.

— Благодарение Богу! Это самая лучшая новость, которую ты только мог принести мне. А ты сам, что думаешь делать ты?

— Э! Разве между нами не было условлено, что граф...

— Конечно, — живо перебил его Тигреро. — Но для этого его, прежде всего, нужно встретить, а это в настоящее время, я думаю, нелегко.

— Напротив.

— Ну, как же?

— Сеньор дон Марсиаль, вы совершенно несправедливо принимаете меня, кажется, за неотесанного мужика!

— Нисколько, comrade, нисколько, но...

— Да нет, я вижу, что это так... Ну ладно, только вы ошибаетесь, кабальеро, я вот сейчас вам докажу, что ошибаетесь. В течение нескольких часов, которые я провел на асиенде, я обращался ко всем с вопросами, и так как я объявил, что у меня очень важное письмо к графу, то никто не скрывал от меня ничего. Оказывается, апачи не только ничего не взяли, но французы так здорово их поколотили (хотя, заметим, они все-таки продолжают чувствовать немалый страх перед краснокожими), что индейцы отступили в самую глубь прерий к пустыне дель-Норте, к своим селениям, и граф, конечно, будет преследовать их.

— Да, ты мне это уже говорил.

— Ну вот, только едва ли граф решится углубиться в саму пустыню.

— Ну конечно, — согласился Тигреро и почувствовал, как дрожь пробежала по его телу при воспоминании об ужасах, таящихся в глубине американской пустыни.

— Значит, он может остановиться только в одном месте.

— В Каса-Гранде! — живо воскликнул дон Марсиаль.

— Совершенно верно! Вот я и уверен, что встречу его там.

— Заклинаю тебя Святым Телом Иисуса Христа, отправляйся туда.

— Я отправлюсь туда сразу же после вашего отъезда.

Тигреро с изумлением посмотрел на него.

— Великий Боже! — воскликнул он через минуту. — Да ты действительно умнейший человек, Кукарес. Как я счастлив, что не ошибся на твой счет!

— Что же делать, — скромно отвечал на это Кукарес, ехидно прищуривая глаза, — мне так нравится иметь дело с вами, что я не в силах в чем-либо вам отказать.

И оба они принялись хохотать, довольные тем, что так хорошо поняли друг друга.

— Теперь, когда мы обо всем переговорили и обо всем условились, нам остается только разойтись каждому в свою сторону, — предложил дон Марсиаль.

— Как вы попали сюда?

— Вплавь, конечно. А ты?

— Верхом на лошади. Я бы предложил доставить вас на берег, но нам

в разные стороны.

— Что ж, это правильно.

— Итак, вы рассчитываете переправиться сейчас?

— Да, хотелось бы, — отвечал дон Марсиаль с неопределенной усмешкой.

— О! Ну, так мы скоро увидимся.

— Надеюсь.

— Слушайте, дон Марсиаль, теперь платье ваше высохло, мне не хотелось бы, чтобы вы его снова замочили. Кажется, я видел где-то здесь пирогу — вы ведь знаете, что индейцы всюду прячут пироги.

Тигреро вошел в грот и нашел в глубине его тщательно запрятанную за камнями пирогу. Он взял ее и легко взвалил себе на спину.

— Вот еще что, — опять обратился он к Кукаресу. — Зачем ты назначил мне свидание на этом островке?

— Чтобы нам никто не помешал. Ведь вы не хотите, чтобы нас кто-нибудь подслушал?

— Нет, согласен с тобой. Итак, до свидания.

— До свидания.

Два приятеля, довольные друг другом, расстались. Один отправился в долгий и утомительный путь, а другой вернулся к своим спутникам.

Оба они, однако, ошибались, полагая, что их никто не слышал.

Едва они покинули островок, разойдясь в разные стороны, как густая чаща далий и флорибондов, закрывавшая вход в грот, раздвинулась, и из нее выглянула голова в уборе из орлиных перьев, с горящими, как уголья, глазами. Голова осторожно повернулась направо и налево. Затем, минуто спустя, сучья затрещали, раздвинулись еще больше, и вслед за головой появилось туловище апачского воина, расписанного и вооруженного по боевому.

Апачским воином, так неожиданно появившимся, был Черный Медведь.

— О-о-а! — проговорил он с угрожающим жестом. — Бледнолицые собаки! Апачские воины пойдут по их следам.

Несколько минут он стоял, уставившись в небо, усеянное звездами, затем вошел в грот.

Дон Марсиаль в это время достиг своего бивака.

Донья Анита, обеспокоенная долгим отсутствием, ожидала его с живейшим нетерпением.

— Наконец-то, — воскликнула она, увидев его, и бросилась навстречу.

— Добрые вести, — отвечал он ей.

— О! Я так беспокоилась!

— Благодарю вас. Случилось то, что я и предвидел. Мы видели сигнал, поданный мне.

— Так что...

— Я встретил друга, который подсказал мне, каким образом выйти из нашего сложного положения.

— Как же?

— Не беспокойтесь ни о чем. Повторяю вам опять, предоставьте действовать мне.

Молодая девушка покорно склонила голову и, несмотря на недавшее ее любопытство, удалилась, не говоря более ни слова, в хакаль, приготовленный специально для нее.

Дон Марсиаль после ее ухода не заснул, а сел у костра, скрестил на груди руки, прислонился к дереву спиной и так до самого рассвета и просидел неподвижно, погруженный в невеселые думы.

Когда настал день, Тигреро стряхнул с себя оцепенение ночи, поднялся и разбудил своих товарищей.

Десять минут спустя небольшой отряд дона Марсиаля тронулся в путь.

— Ого, дон Марсиаль, вы что-то сегодня раненько проснулись и нас подняли! — обратился к нему дон Сильва.

— А вы разве не заметили, что мы даже не позавтракали перед отправлением в путь, как делали каждое утро?

— Да, правда. Что это значит?

— А то, что завтракать мы будем в Гетцали, куда прибудем через два часа.

— Наконец-то! — воскликнул обрадованный асиендадо. — Вы мне доставили необыкновенное удовольствие этим известием.

— Неужели?

— Честное слово.

Донья Анита, услышав слова Тигреро, бросила на него взгляд, полный изумления и ужаса, но, увидев его спокойное выражение лица и веселую улыбку, успокоилась и сама, уверив себя, что скрытность Тигреро объясняется его желанием приготовить ей неожиданный приятный сюрприз.

Как и обещал дон Марсиаль, через два часа они действительно прибыли в Гетцали.

Как только часовые узнали их, немедленно был спущен подъемный мост, и они вступили внутрь крепости. Их приняли с такими почетом и предупредительностью, какие только могли быть им оказаны со стороны

оставшихся в колонии.

Донья Анита не спускала с Тигреро глаз. Она то краснела, то бледнела и не могла понять абсолютного спокойствия дона Марсиаля.

Они сошли с лошадей в патио перед парадной дверью.

— Где же граф де Лорайль? — обратился асиендадо к встретившим его, удивленный тем, что его будущий зять не только не вышел приветствовать его у входа в крепость, но не появляется даже и тогда, когда они уже стоят на пороге его дома.

— Граф будет в отчаянии, когда узнает, что вы прибыли, а он даже не мог вас встретить, — отвечал мажордом, рассыпаясь в извинениях.

— Стало быть, его нет дома?

— Да, сеньор, он отсутствует.

— Но ведь он скоро вернется?

— Не думаю. Капитан отправился во главе своего отряда преследовать индейцев.

Известие это прозвучало для доня Сильвы, как удар грома.

Тигреро и донья Анита обменялись взглядами, в которых светилось счастье.

ГЛАВА XX. Выступление в поход

Великая пустыня дель-Норте представляет собой подобие африканской Сахары, но она больше и ужаснее Сахары.

В ней нет веселых оазисов, затененных красивыми деревьями и освежаемых бьющими из земли ключами. Это царство бесплодного песка.

Каса-Гранде Моктесумы, где стоял в описываемое время со своим отрядом добровольцев граф де Лорайль, находилась, да и теперь, вероятно, находится на самой границе прерии, милях в восьми отсюда уже начинается собственно дель-Норте.

После разговора с Кукаресом граф позвал своих лейтенантов, и снова началось прерванное было веселье, и снова обильно полилось вино.

Далеко за полночь, почти к утру сотрапезники разошлись, чтобы освежить себя сном.

Кукарес не спал, он раздумывал весь остаток ночи. Теперь мы знаем истинную причину его прибытия к графу.

На восходе солнца трубачи проиграли зарю.

Солдаты поднялись с земли, на которой спали, и принялись за чистку лошадей и за приготовления к завтраку.

Лагерь сразу приобрел тот оживленный, шумный, веселый вид, который составляет, кажется, характерную особенность лагерей французских войск во время похода.

В большой зале Каса-Гранде происходил военный совет. Граф и его лейтенанты сидели на выбеленных солнцем бизоньих черепах. Шел оживленный спор.

— Через час, — говорил граф, — мы тронемся в путь. У нас двадцать мулов, нагруженных провизией, десять с водой, восемь с боеприпасами. Бояться нам, следовательно, нечего.

— Это верно лишь до некоторой степени, сеньор граф, — заметил капатас.

— До какой именно?

— У нас нет проводников.

— Зачем же нам проводники? — нетерпеливо перебил граф капатаса. — Мы пойдем по следам апачей, которые и будут нашими проводниками. Мне кажется, здесь все ясно.

Блаз Васкес покачал головой.

— Вы не знаете еще, должно быть, дель-Норте, граф, — отчетливо, с

ударением на каждом слове продолжал Блаз.

— Это правда, меня в первый раз приводит сюда судьба. Вот я и познакомлюсь с вашей дель-Норте.

— Прошу у Господа, чтобы это было не в последний раз.

— Что вы хотите этим сказать? — иронически-надменно переспросил граф, чувствуя, однако, в душе, что им овладевает смущение.

— Сеньор граф, дель-Норте не пустыня, как называют иногда и прерию, где стоит ваша Гетцали. Это пучина движущихся песков. При малейшем дуновении ветра в этих безотрадных местах песок поднимается тучами и погребает под собой и коня, и всадника, не оставляя даже следа. Все исчезает навеки.

— Ого! — уже серьезно задумавшись, только и мог проговорить граф.

— Послушайте меня, сеньор граф, не рискуйте углубляться со своими храбрыми солдатами в эту неумолимую пустыню. Никто из вас не выберется оттуда.

— Однако апачи не храбрее нас, не лучше снабжены всем, чем мы, не правда ли?

— Да, правда.

— Ну так вот, они проходят через дель-Норте с севера на юг и с востока на запад, и это не раз в году и не десять, а всякий раз, как им придет в голову подобная фантазия.

— Но не забывайте, какой ценой достается им это, сеньор граф! Посчитайте, сколько трупов людей и животных оставляют они на пути, по которому проходят! А кроме того, не стоит равняться с этими нехристями. Пустыня — их дом, они знают ее самые сокровенные тайны.

— Итак, — нетерпеливо вновь перебил его граф, — по-вашему...

— По-моему, — заключил Блаз Васкес, — апачи, напав на вас два дня тому назад и отступив, готовят вам ловушку, они хотят завлечь вас по своим следам в пустыню дель-Норте в полной уверенности, что вы не только не достигнете их, но еще сами со своими людьми погибнете там.

— Однако согласитесь со мной, мой дорогой дон Блаз, — уже совсем иным тоном заговорил граф, — ведь странно, если между всеми вашими пеонами не найдется ни одного, который бы мог указать нам дорогу в этой пустыне. Ведь это же мексиканцы, *par dieu!*

— Совершенно верно. Но я уже несколько раз имел честь говорить вам, что все они костеньо и сами впервые зашли так далеко внутрь страны.

— Ну, так как же быть? Что делать? — в страшном колебании вопрошал граф.

— Возвратиться в колонию, — подал совет капатас, — другого

средства я не вижу.

— А донья Анита? Что же, мы так и бросим ее, оставив безутешным старика?!

Блаз Васкес нахмурил брови, на лбу его появились складки. Он отвечал серьезным голосом с глубоким волнением:

— Граф, я рожден на земле семейства Торресов, никто более меня не предан душою и телом тем, чьи имена вы только что произнесли. Но что можно сделать перед невозможностью? Идти в пустыню в тех условиях, в которых мы сейчас находимся, значило бы искушать Бога. Не следует рассчитывать на чудо, а только чудом мы можем пройти через пустыню целыми и невредимыми.

Воцарилось тягостное молчание. Эти слова произвели на графа такое глубокое впечатление, что, несмотря на все усилия, он никак не мог от него отделаться. Леперо угадал, что происходит в душе его, и, подойдя, вкрадчиво произнес:

— Почему же вы не предупредили меня, сеньор граф, что вам нужен проводник?

— Зачем?

— Разве вы забыли, что я взялся проводить вас к донье Аните?

— А вы знаете дорогу?

— Да — настолько, насколько может знать ее человек, дважды прошедший по ней.

— Слава Богу! — воскликнул вне себя от радости граф. — Вопрос решен, мы выступаем, ничто больше нас не удерживает. Диего Леон, распорядитесь, чтобы дали сигнал к сбору в поход, а вы, дружище, будете нашим проводником. Впоследствии вы будете иметь случай убедиться в моей благодарности.

— О! Положитесь на меня, граф, — отвечал леперо со своей наглой, коварной усмешкой, — уверяю вас, что вы прибудете благополучно.

— Это нам только и нужно.

Блаз Васкес, сам не отдавая себе отчета (как все честные натуры в присутствии мерзавцев), чувствовал в душе необъяснимое недоверие и отвращение к леперо. Он ощутил это с того самого момента, когда Кукарес появился среди них прошлой ночью. Услышав, что между ним и графом установились какие-то близкие отношения, он сильно обеспокоился и некоторое время внимательно присматривался к леперо, затем отозвал графа в отдаленный угол залы. Граф последовал за ним. Капатас обратился к нему шепотом:

— Берегитесь, этот человек вас обманывает.

— Вы его знаете?

— Нет, но в том, что он мерзавец, я уверен.

— Почему?

— Что-то говорит мне это.

— А есть у вас доказательства?

— Никаких.

— Ну, так вы с ума сошли, дорогой дон Блаз! От страха вы совсем голову потеряли.

— Дай Бог, чтобы я ошибался!

— Слушайте, вас ничто не принуждает идти с нами. Оставайтесь здесь и ждите нас. Таким образом, что бы ни случилось, вы не подвергнетесь тем опасностям, которые, по-вашему, угрожают нам.

Капатас выпрямился с решительным, гордым видом.

— Довольно, дон Гаэтан, — холодно ответил он графу. — Предостерегая вас, я действовал, как велит мне моя совесть. Вы вольны принимать или не принимать в расчет мои слова. Вы свободны, а я лишь исполнил свой долг, как и должен был поступить. Вы желаете идти вперед? Я последую за вами и надеюсь, скоро мне удастся доказать вам, что если я благоразумен, то это не значит, что я трус. Когда надо, я храбр, какая бы опасность ни грозила мне.

— Благодарю вас, — с чувством отвечал тронутый этой речью граф, горячо пожав руку Блазу. — Я был уверен, что вы не покинете меня.

В этот момент снаружи послышался сильный шум, и лейтенант Диего Леон быстро вошел в залу.

— Что с вами, лейтенант? — холодно обратился к нему граф. — Почему у вас такой растерянный вид? Зачем вы пришли сюда?

— Капитан, — задыхающимся голосом проговорил лейтенант, — отряд взбунтовался.

— Как! Вы говорите, что взбунтовались мои солдаты? Все до единого?

— Да, капитан.

— Ах! — и граф в смущении стал нервно крутить свои усы. — А вы не знаете, чего они хотят, отчего взбунтовались?

— Они не хотят идти в пустыню дель-Норте.

— Любопытно посмотреть на все это, — проговорил граф, делая шаг по направлению к выходу.

— Стойте, капитан! — разом крикнули все офицеры, преграждая ему дорогу. — Люди ожесточились, они могут совершить ужасное преступление.

— Милостивые государи, прошу оставить меня в покое! —

проговорил граф, стараясь сохранить спокойное выражение лица и жестом отстраняя своих подчиненных. — Они меня еще не знают. Я покажу этим бандитам, что в состоянии командовать ими.

И не говоря более ни слова, он твердым, спокойным шагом медленно вышел из залы.

Солдаты между тем потрясали оружием, яростно выкрикивая угрозы в адрес графа и его офицеров.

В это время дверь дома отворилась, и в ней появился граф.

Он был бледен, но спокоен. Надменным, презрительным взглядом он обвел бушевавшую вокруг него толпу.

— Капитан! Вот капитан! — закричали солдаты.

— Убить его! — подхватили другие.

— Смерть ему, смерть ему! — глухо и зловеще отозвались задние ряды.

Все бросились к графу с оружием в руках, произнося проклятия,

Граф не отступил, напротив, он сделал шаг вперед.

В зубах у него была сигара, которой он попыхивал так же беззаботно, как после изысканного завтрака в кафе д'Англе.

Ничто не действует на возбужденную толпу так сильно, как полнейшее, но в то же время естественное — не показное — хладнокровие.

Наступающие остановились.

Капитан и его солдаты стояли друг против друга, оценивая друг друга взглядами, как кровожадные тигры, готовые броситься и разорвать противника на куски.

Граф воспользовался так неожиданно наступившим моментом тишины, чтобы обратиться к солдатам с речью.

— Что вам угодно? — начал он спокойным голосом, невозмутимо вынимая изо рта сигару и следя взглядом за облачком выпущенного голубоватого дыма, уплывающего к небу.

При этом вопросе капитана оцепенение солдат исчезло, крики и вой возобновились с удвоенной силой. Бунтовщики как будто решили нарочно не поддаваться влиянию смело глядевшего на них капитана. Все заговорили сразу, обращались к нему со всех сторон, требуя, чтобы он выслушал их.

Граф, теснимый со всех сторон солдатами, забывшими всякую дисциплину и уверенными в своей безнаказанности в стране, где справедливый суд не существовал вовсе, устоял, однако, и сумел сохранить хладнокровие. Он дал всем этим людям с глазами, налитыми кровью, и с пеной на губах наораться вволю, а когда решил, что они немного подустали и не знают, что еще сказать, вновь начал таким же спокойным голосом, как

и в первый раз:

— Друзья мои, так беседовать крайне неудобно, я не могу понять ничего из того, что вы говорите и чего требуете. Выберите кого-нибудь из своих рядов, пусть этот выборный передаст мне ваши пожелания. Если они справедливы, будьте уверены, я удовлетворю их. Успокойтесь же.

Произнеся эти слова, граф прислонился плечом к притолоке двери, из которой вышел, и принялся курить, не обращая внимания на происходящее вокруг, словно забыв обо всем.

Хладнокровие и твердость графа стали приносить свои плоды, многие из солдат склонены были перейти на его сторону. Правда, они пока еще не осмеливались открыто признать это перед своими товарищами, так как составляли ничтожное меньшинство, но горячо поддержали его предложение.

— Капитан прав, — говорили одни, — если ему все сразу будут трубить в уши тысячи глупостей, то как же он поймет, что, собственно, нам нужно.

— Нужно и его положение принять во внимание, — успокаивали своих более ретивых товарищей другие. — Ну как же он может сделать то, что нам надо, если мы ясно не объясним ему, в чем состоят наши требования.

Но и сами требования несколько изменились к этому моменту. Уже не было разговора о том, чтобы отнять власть у капитана. Все признавали его своим вожаком, надо было только сформулировать остальные пожелания.

После долгих перекуров, которым не было конца и в течение которых единодушие бунтовщиков не раз грозило нарушиться и привести к образованию нескольких враждующих групп, был выбран один солдат, уполномоченный говорить от имени всех.

Это был коренастый, невысокого роста человек, чрезвычайно крепкого сложения, с сухим худощавым лицом, освещенным двумя маленькими, злобно горящими глазками. Он представлял собой тип искателя приключений самого низкого пошиба, для которого смысл жизни заключался в грабеже и убийстве. По характеру он был отъявленным негодяем.

Этого человека в отряде звали Курциус, родом он был из парижского предместья Сен-Марсо. Он отведал и солдатчины, и службы в матросах, перепробовал все ремесла и занятия, но ему ни разу не приходила мысль стать честным человеком. С самого прибытия в колонию он отличался духом полнейшего неповиновения, жестокостью и особенно своим бахвальством. Он хвастался, что за ним восемь смертей, а на языке

негодяев это означает, что он совершил восемь убийств. Своим товарищам он внушал неосознанный страх.

Когда его выбрали парламентаром, он привычным движением заломил шапку набекрень, как будто собирался говорить с своим приятелем, и тихо шепнул окружающим:

— Смотрите, как я его сейчас отделаю.

Он выступил вперед и вразвалку подошел к капитану, следившему за ним с бесстрастным выражением лица. Внезапно как по команде воцарилась полнейшая тишина, слышно было, как бились у всех сердца, глаза горели беспокойством, каждый чувствовал, что близится решительная минута.

Подойдя к капитану, Курциус остановился, смерил его наглым взглядом и обратился к нему со словами:

— Ну, здравствуйте, любезный капитан. Дело вот в чем. Товар...

Но граф не дал Курциусу договорить. Он быстро вытащил из-за пояса пистолет, приставил к его лбу и, прежде чем тот что-либо успел сообразить, всадил ему пулю в голову.

Бандит упал на песок с раздробленным черепом.

Граф спокойно заткнул за пояс пистолет, поднял голову и холодно произнес:

— Может, еще кто-нибудь желает сделать замечание?

Все молчали, дикие звери стали кроткими ягнятами.

Никто не двинулся, все стояли, опустив головы, перед своим вождем. Они поняли его.

Граф презрительно улыбнулся.

— Уберите эту пададь, — проговорил он, брезгливо ткнув ногой труп, — мы на войне. Горе тому, кто откажется исполнять хотя бы малейшую статью нашего устава, я уложу того на месте, как собаку. Повесить этого негодяя за ноги, чтобы тело его клевали стервятники. Через десять минут труба протрубит выступление в поход, и плохо придется тому, кто не будет готов к этому времени.

Произнеся эту краткую, но внушительную речь, граф вошел в дом тем же твердым шагом, каким он из него вышел.

Возмущение было подавлено. Все почувствовали, что под шелковой аристократической перчаткой графа находятся ежовые рукавицы с железными иглами, которыми он умеет пользоваться. Они были укрощены навсегда и впредь без малейшего рассуждения исполняли приказ.

— Это верно, Курциус негодяй, — говорили между собой после этого солдаты, — его нечего жалеть, и капитан хорошо сделал, что прострелил

ему башку. А капитан молодец, с ним ухо держи востро.

После этого все быстро принялись готовиться к походу.

Через десять минут, как и обещал, капитан появился. Весь отряд был уже на конях, выстроился в походном порядке и ждал сигнала к отправлению.

Капитан улыбнулся и велел протрубить сигнал.

— Гм! — бормотал между тем Кукарес. — Как жаль, что у дона Марсиаля такие чудные бриллианты. После того, что мне довелось увидеть, я не без удовольствия взял бы свое слово назад.

В это время весь отряд охотников во главе со своим капитаном выезжал из ворот Каса-Гранде по направлению к пустыне дель-Норте.

ГЛАВА XXI. Признание

Асиендадо и его дочь выехали из Гетцали под охраной дона Марсиаля и четырех пеонов, которых тот принял к себе на службу.

Небольшой отряд направился на запад, туда же, куда, преследуя апачей, ушел граф де Лорайль с отрядом охотников.

Дон Сильва хотел поскорее соединиться с графом еще и потому, что, как было ему известно, единственной целью экспедиции французов было освобождение его самого и его дочери из плена.

Путешествие протекало в тоскливом безмолвии. По мере того как они приближались к пустыне, пейзаж принимал мрачный вид, свойственный безлюдным местам и навевающий грустное, подавленное настроение.

Исчезли хижины, хакали, редкие селения, исчезли встречные путники, посылающие привет и пожелания счастливого пути. Перед глазами расстилалась неровная местность, там и здесь виднелись непроходимые леса, полные всякого зверья, высокие травы и перепутанные кустарники покрывали землю.

Иногда появлялись следы французов: на почве видны были отпечатки копыт множества лошадей. Но местность вдруг резко менялась, и следы исчезали.

Каждый вечер после нескольких выстрелов, посылаемых Тигреро в чащу кустарника, чтобы отогнать диких зверей, на берегу ручья разбивался бивак, зажигались огни, наскоро выстраивался шалаш для доньи Аниты, чтобы предохранить ее от пронзительного ночного холода, и после скудного ужина все завертывались в свои сарапе и засыпали до утра.

Единственным развлечением, нарушавшим утомительное однообразие пути, была охота за попадавшимися время от времени горными сернами и антилопами, за которыми тут же бросались в погоню дон Марсиаль и его четыре пеона, гнавшие жертву до тех пор, пока бедное животное не изнемогало от усталости и не доставалось им в виде легкой добычи.

Но все это не заменяло разговоров, которые так скрашивают время, прогоняют тяжелые думы и помогают развеять скуку бесконечного пути. Путники сторонились друг друга, и между ними не только не устанавливалось никакой близости, но, напротив, день ото дня все более росло недоверие. Они говорили только тогда, когда возникала крайняя необходимость, но и тогда разговор их ограничивался самыми короткими фразами.

Происходило это оттого, что из трех путешественников два держали про себя тайну от третьего, и оттого, что в глубине души они сами краснели за эту тайну и стеснялись себе признаться в ней, она тяготила их.

Человек — существо несовершенное, он ни добр, ни зол. Большой частью сначала он совершает тот или иной поступок, повинуясь безудержному порыву страсти или сообразуясь с личными интересами. Когда с возрастом к нему приходит благоразумие, и он спокойно начинает оценивать сделанное им, то испытывает сожаление от того, что предыдущая жизнь его не была безупречной.

В таком именно положении находились дон Марсиаль и донья Анита. Оба, увлекаемые взаимной любовью, пошлина обман, о котором теперь горько жалели. Заметим здесь, чтобы не оставлять в заблуждении читателя, что наши герои имели доброе сердце, и когда они, ослепленные страстью, задумали свой побег, то были далеки от мысли, что он повлечет за собой такие последствия, как это бесконечное путешествие.

Дон Марсиаль не мог не отдавать себе ясного отчета в том, что положение его становилось с каждым часом все затруднительнее и безвыходнее из-за того приказа, который был им дан Кукаресу.

Таким образом, влюбленные связанные между собой взаимной тайной задуманного побега, старались скрыть друг от друга мучившие их угрызения совести. Они не находили себе места.

Жизнь в подобном положении становится невыносимой; между тремя заброшенными в самую глубь пустыни человеческими существами не было ни общения, ни взаимопонимания. Это положение грозило разрешиться ужасным столкновением между ними. Так и случилось — быть может, даже раньше, чем они ожидали, в силу тех обстоятельств, в которых они находились.

После двух с лишним недель пути, не отмеченного, однако, никакими событиями, достойными особого упоминания, дон Марсиаль и его спутники, пользуясь то сведениями, добытыми на асиенде, то следами, оставленными людьми, которых они хотели догнать, достигли, наконец, развалин Каса-Гранде Моктесумы. Как уже известно читателю, за развалинами начиналась ужасная пустыня дель-Норте.

Было около шести часов вечера, когда наш небольшой отряд вступал в древний вымерший город. Солнце уже зашло за горизонт, настали короткие южные сумерки, прерия освещалась странным, неверным, изменчивым светом.

Следуя на небольшом расстоянии друг за другом, дон Сильва и Тигреро пытливо озирались вокруг. Они двигались вперед с крайней

осторожностью, положив пальцы на собачки взведенных курков карабинов, так как бесконечный лабиринт улиц и переулков мертвого города способствовал засаде индейцев.

В конце концов они благополучно достигли развалин капы, не встретив на пути ничего примечательного.

Ночь уже совсем спустилась на землю, предметы начали сливаться с тьмою. Дон Марсиаль приготовился было сойти с лошади, как вдруг остановился, испустив крик ужаса и изумления.

— Что такое? — с беспокойством спросил немедленно подъехавший к нему дон Сильва.

— Смотрите, — ответил ему Тигреро, указывая на группу искривленных деревьев, росших между валом и густыми зарослями, уходившими в прерию.

Человеческий голос оказывает странное влияние на животных: он вселяет в них непобедимый страх. Достаточно было нескольких слов, которыми обменялись между собой два неожиданно появившихся перед развалинами человека, как им ответили нестройные зловещие крики, и семь или восемь стервятников взмыли вверх и с криками стали описывать над головами наших путников широкие круги.

— Но я ничего не вижу, — заметил дон Сильва, — темно, хоть глаз выколи.

— Правда, но если вы приглядитесь, то в той стороне легко увидите странную вещь.

Не дожидаясь дальнейших объяснений, асиендадо прищпорил лошадь.

— Какой-то человек висит вверх ногами! — закричал он, вдруг остановившись с выражением крайнего ужаса и отвращения. — Что могло здесь произойти?

— Кто знает? Это не индеец, цвет его кожи и костюм не оставляют в этом отношении ни малейшего сомнения. Его волосы на месте, так что убит он не апачами. Что это может означать?

— Быть может, произошли беспорядки? — предположил асиендадо.

Дон Марсиаль задумался, на лбу его появились морщины.

— Едва ли! — пробормотал он.

Через минуту он прибавил:

— Войдем в дом, не следует так долго оставлять донью Аниту в одиночестве, наше отсутствие удивит ее, а если оно продлится слишком долго, то обеспокоит. Когда мы приготовим все необходимое для хоть сколько-нибудь сносного ночлега, я постараюсь найти ключ к этой ужасной загадке и буду считать себя неудачником, если ничего не выясню.

Оба они отошли от ужасного места и присоединились к донье Аните, ждавшей их в отдалении под охраной пеонов.

Когда все слезли с лошадей и переступали порог древнего дворца императора Моктесумы, дон Марсиаль зажег несколько факелов из смолистого дерева окота и, освещая путь, прошел, сопровождаемый остальными, в большую залу, где нам с читателем уже довелось пробыть довольно длительное время.

Тигреро уже не в первый раз посещал эти развалины. Во время своих долгих охот в западных прериях он находил здесь уют и давно изучил все закоулки касы.

Именно по его настоянию дон Сильва и согласился направиться в Каса-Гранде, так как Тигреро полагал, что только здесь граф де Лорайль может найти надежное и удобное пристанище для себя и своих солдат.

Посередине большой залы стоял огромный стол, а сама зала еще хранила явные следы недавнего продолжительного пребывания в ней большого числа людей.

— Вы видите, — обратился дон Марсиаль к асиендадо, — я не ошибся. Те, кого мы ищем, останавливались здесь.

— Это так, но как узнать, давно ли они ушли отсюда?

— В данную минуту я не могу вам этого сказать, но пока вы будете устраиваться и пока приготовят ужин, я пройду и осмотрю окрестности. Вероятно, тогда я смогу полнее удовлетворить ваше любопытство.

Укрепив на стене факел, который он держал в руке, Тигреро вышел из дворца.

Донья Анита в глубоком раздумье присела на грубо сколоченную бутанку, стоявшую возле стола.

При помощи пеонов асиендадо принялся устраиваться на ночь. Лошади были расседланы и отведены в корраль, пристроенный к наружной стене, откуда они не могли уйти. Им задали полную порцию альфальфы, сняли с них вьюки, содержимое которых перенесли в большую залу. Там их сложили в кучу, предварительно вынув из мешков необходимую провизию. Затем развели громадный костер и повесили жариться над ним заднюю четверть туши лани.

Когда все эти приготовления были окончены, асиендадо также уселся на бизоний череп, скрутил сигаретку и стал курить, бросая по временам беспокойный взгляд в сторону своей дочери, которая продолжала сидеть, погруженная в грустные думы.

Дон Марсиаль совершал свой обход довольно долго, и только через два часа на мощеном плитами дворе раздался стук копыт его лошади, и он

появился.

— Ну что? — встретил его дон Сильва.

— Сначала подкрепимся, — уклончиво ответил Тигреро, жестом указывая на молодую девушку. Асиендадо понял этот жест.

Ужин был краток, так как все были заняты и утомлены долгим путешествием. Кроме упомянутой задней части лани, имевшей весьма аппетитный вид, он состоял из мексиканского блюда каинк, маисовых лепешек и водяных курочек, обильно приправленных красным перцем.

Донья Анита, запив ужин водой с несколькими ложками тамариндового варенья, встала, слегка поклонилась отцу и дону Марсиалью и прошла в небольшую смежную комнату, где для нее была приготовлена довольно жесткая постель из звериных шкур. Вход в комнату она завесила тяжелой попоной, которая висела на гвоздях, вбитых в стену.

— Ну, а вы, — обратился Тигреро к пеонам, — смотрите, держите ухо востро, если хотите, чтобы на ваших головах уцелели скальпы. Предупреждаю, что мы находимся на вражеской территории, и если вы заснете, то дорого заплатите за это.

Пеоны заверили Тигреро, что удвоят бдительность, и вышли, чтобы исполнить полученное приказание.

Дон Сильва и дон Марсиаль остались одни.

— Ну что? — вновь обратился к Тигреро с тем же вопросом дон Сильва. — Узнали вы что-нибудь?

— Все, что можно было узнать, — сухо ответил дон Марсиаль. — Если бы было иначе, то я был бы плохим охотником, и ягуары уже давно с удовольствием полакомились бы мною.

— Благоприятны ли для нас те сведения, которые вам удалось собрать?

— Это как смотреть на дело. Французы были здесь и стояли в течение нескольких дней. За это время им пришлось выдержать нападение апачей, которых они отбросили. Затем, что весьма вероятно, хотя я и не берусь утверждать этого, так как не могу определить причины, солдаты отряда взбунтовались, и тот несчастный, которого мы видели повешенным на дереве, погиб для усмирения остальных, став добычей для стервятников.

— Благодарю вас за эти сведения. Они показывают, что мы не ошиблись и идем по верному следу. Теперь не могли бы вы как-нибудь узнать, давно ли французы покинули эти развалины и куда они пошли?

— И эти вопросы легко разрешить. Отряд волонтеров покинул эти места вчера рано утром и направился в пустыню дель-Норте.

— В пустыню дель-Норте?! — в ужасе всплеснув руками, воскликнул дон Сильва.

На несколько мгновений воцарилось молчание. Каждый про себя оценивал этот факт. Наконец дон Сильва заговорил первым.

— Это невозможно.

— А между тем это так.

— Но ведь это безрассудство... Это просто сумасшествие!

— Не спорю.

— О, несчастные! — вновь всплеснув руками, произнес дон Сильва и через минуту добавил: — Ведь если они уцелеют, то это будет означать, что Бог захотел сотворить чудо.

— Я согласен с вами. Но что сделано, того не изменишь, наши сожаления тут не помогут. Итак, дон Сильва, я полагаю, что благоразумнее не думать об этом и предоставить им самим выкручиваться из тех обстоятельств, в которые они попали по собственной воле.

— Это ваше мнение?

— Именно так, — небрежно отвечал Тигреро.

— Итак, ваше мнение...

— Мое мнение таково, — резко перебил дон Марсиаль, — что нужно остаться здесь на два-три дня — возможно, за это время придут важные известия. Если по истечении этого срока ничего нового не произойдет, сядем на лошадей и вернемся в Гетцали той же дорогой, по которой мы ехали сюда, не останавливаясь нигде, даже не оборачиваясь назад, чтобы как можно скорее выбраться из этих ужасных мест.

Асиендадо отрицательно покачал головой. У него созрело какое-то решение.

— Ну, так вам придется отправиться одному, дон Марсиаль, — сухо заметил он.

— Что такое? — внимательно взглядываясь в лицо асиендадо, переспросил дон Марсиаль. — Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что я не буду возвращаться той дорогой, по которой сюда пришел, что я не пойду вообще назад... не побегу, одним словом.

Этот ответ как громом поразил Тигреро.

— Что же вы думаете делать?

— А вы не догадываетесь? Зачем мы сюда пришли? Зачем мы так долго идем по пустыне?

— Но, дон Сильва, теперь обстоятельства изменились. Воздайте мне справедливость, до сих пор я шел с вами безропотно и все это время был превосходным проводником.

— Охотно признаю это. Но прошу пояснить мне вашу мысль.

— Дон Сильва, до тех пор, пока мы должны были бродить только по

прериям, я покорно повиновался вам во всем, не пытаюсь противиться вашим планам, так как хорошо понимал, что вы должны были так поступать, и соглашался с вами. Теперь же, если бы мы были одни, я бы также безропотно склонился перед вашим твердым решением. Но подумайте, ведь с вами ваша дочь, ведь вы и ее хотите подвергнуть невообразимым мучениям дикой пустыни, куда вы собираетесь заставить ее следовать за собой и откуда вы оба, вероятно, не выберетесь живыми.

Дон Сильва не отвечал.

Тигреро продолжал:

— Отряд у нас совсем маленький, припасов едва хватит на несколько дней, а вы прекрасно понимаете — чтобы осуществить задуманное вами, нужно очень хорошо подготовиться. Если нас там застигнет буря, то мы погибнем!

— Все, что вы говорите, справедливо, я это понимаю, и все-таки не могу последовать вашему совету. Выслушайте меня, в свою очередь, дон Марсиаль. Граф де Лорайль — мой друг, скоро он будет моим зятем, и я говорю это не для того, чтобы огорчить вас, а чтобы объяснить вам мое отношение к нему. Ведь это для меня, чтобы вырвать из рук индейцев меня и мою дочь, он без всякого колебания, не раздумывая, движимый только благородством своего сердца, отправился в глубь пустыни. Могу ли я дать ему погибнуть, даже не попытавшись спасти его? Разве он не иностранец в Мексике, наш гость, одним словом? Мой долг попытаться спасти его, чего бы это ни стоило.

— Ну, если это так, дон Сильва, то я не буду больше отговаривать вас. Не буду говорить также, что человек, за которого вы хотите отдать замуж свою дочь, не более чем авантюрист, изгнанный из своей страны за неблагоприятные поступки, который в браке с доньей Анитой видит одно только ваше непомерное богатство. Всему этому и еще многому другому, чему я могу представить вам неопровержимые доказательства, вы все равно не поверите, так как увидите в моих действиях стремление уничтожить соперника. Поэтому не будем больше говорить об этом. Вы хотите проникнуть в пустыню, и я последую за вами, чего бы это мне ни стоило. Вы всегда будете меня видеть рядом с собой, готового защитить вас и помочь вам. Но раз уж настал час откровенных, чистосердечных признаний, то, чтобы между нами не было ни малейшего облачка, чтобы вы хорошо знали человека, с которым вы решаетесь на такой отчаянный шаг, чтобы вы могли питать к нему полное и сердечное доверие...

Асиендадо с изумлением уставился на него.

В этот момент занавесь, закрывавшая вход в помещение доньи Аниты,

поднялась. На пороге появилась молодая девушка, медленно вошла в залу, тихо опустилась перед отцом на колени и, обернувшись к Тигреро, произнесла.

— Теперь, дон Марсиаль, продолжайте, быть может, отец нас простит, видя, что я так молю его о прощении.

— Простить?.. Кого?.. За что?.. — говорил в недоумении асиендадо, переводя взгляд с дочери на молодого человека, который стоял перед ним с опущенной головой, покрытый краской смущения. — Что это значит? Что такое сделали вы?

— Нет, это я один... Мною совершен обман, дон Сильва, за который я один должен нести кару, я недостойным образом обманул вас. Это я похитил вашу дочь из асиенды.

— Вы?! — закричал асиендадо, и глаза его засверкали бешенством. — Так я служил вам игрушкой?! -

— Страсть не рассуждает. В свою защиту я приведу только одно: я люблю вашу дочь! Увы, дон Сильва, я сознаю теперь, как глубоко я виновен. Запоздалое, к сожалению, размышление показало мне, что я наделал, и вот вместе с доньей Анитой, которая плачет сейчас у ваших ног, я также хочу упасть перед вами и просить простить меня!

— Отец, прости нас! — слабо проговорила донья Анита.

Асиендадо отрицательно покачал головой.

— О! — вновь с живостью начал Тигреро. — Будьте великодушны, дон Сильва, не отталкивайте нас! Раскаяние наше искренне и чистосердечно. Я готов жизнью искупить содеянное. Я был безумцем, страсть ослепила меня. Не проклиняйте меня.

— Отец, — заговорила донья Анита, захлебываясь от рыданий, — я люблю его! Но когда мы оставляли колонию, мы только намеревались бежать, покинув тебя, мы и в мыслях не держали, что случится то, что произошло. Мы сами подавлены всем этим. Теперь мы оба готовы повиноваться тебе и безропотно исполнить приказания, которые тебе угодно будет дать нам. Но не будь неумолим, отец мой, прости нас!

Асиендадо встал.

— Вы видите, что теперь я совсем не могу сомневаться, — сухо заметил он, — чего бы это ни стоило, я непременно должен спасти графа де Лорайля, иначе я буду вашим пособником и соучастником вашего заговора против него.

Тигреро в волнении прошелся по зале. Брови его были нахмурены, лицо покрылось смертельной бледностью.

— Да, — заговорил он прерывающимся голосом, — да, его нужно

спасти, что бы потом ни случилось! Прочь, подлое малодушие! Я совершил преступление, пусть же на меня падут и все последствия его!

— Помогите мне, помогите открыто и честно, — серьезным голосом заметил ему дон Сильва, — и вы будете прощены мною полностью, без всякого воспоминания о вашем проступке. На мою честь по вашей вине пала тень, теперь я доверяю ее вам.

— Благодарю вас, дон Сильва, вы не будете раскаиваться в этом, — ответил Тигреро, и его лицо осветилась радостью и надеждой, а сердце затрепетало, охваченное страстным порывом самоотречения.

Асиендадо поднял нежно свою дочь, прижал ее к груди и поцеловал несколько раз в голову.

— Ну, а тебя, бедное дитя мое, — произнес он, обращаясь к ней, — я прощаю. Боже мой! Если бы случилось иначе, быть может, мне через несколько дней пришлось бы рыдать перед тобой и у тебя просить прощения за все то великое и безысходное горе, которое я причинил тебе своей гордостью! Иди, отдохни, уже поздно, тебе нужен покой.

— О, отец, вы добрый, я люблю вас! — воскликнула донья Анита и порывисто прижалась к его лицу. — Не бойтесь ничего. Что бы ни готовило мне будущее, я перенесу его безропотно. А теперь я счастлива, что вы простили меня!

Дон Марсиаль проводил взглядом девушку.

— Когда вы думаете отправиться в путь? — спросил он дона Сильву, подавляя вздох.

— Если можно, завтра.

— Пусть будет, с помощью Божьей, завтра.

Поговорив еще немного о некоторых вещах, касающихся сборов в столь далекий и трудный путь, дон Сильва завернулся в свой плащ и сразу глубоко заснул. Что же касается Тигреро, то он вышел из дома, чтобы удостовериться, бодрствуют ли пеоны.

«Лишь бы Кукарес не сумел исполнить моего распоряжения», — подумал он про себя.

ГЛАВА XXII. По следам французов

На рассвете следующего дня знакомый нам небольшой отряд покинул древнее жилище Моктесумы. Два часа спустя он уже входил в пустыню дель-Норте.

При виде пустыни сердце молодой девушки болезненно сжалось. Смутное предчувствие говорило ей, что это путешествие будет для нее последним земным путешествием. Она обернулась, бросила печальный взгляд на темные леса, зеленевшие на горизонте в покидаемой прерии, и не могла подавить тяжелого вздоха.

Стояло теплое время, небо синело, ни малейшего ветерка не проносилось в воздухе. Следы, оставленные отрядом графа, были еще ясно видны.

— Мы на верном пути, следы очень четкие, — заметил асиендадо.

— Да, — пробурчал сквозь зубы Тигреро, — они останутся до первого сильного ветра.

— О! Да поможет нам Господь Бог! — молитвенно проговорила донья Анита.

— Аминь! — хором произнесли, как бы согласившись, ее спутники, не исключая и пеонов. Но невесело было на сердце у всех, тайный голос неотступно твердил о ждущем впереди несчастье.

Прошло несколько часов.

Погода оставалась все такой же чудесной. Временами на огромной высоте над головами путников проносились громадные стаи перелетных птиц, направлявшихся в теплые страны с севера. Они спешили миновать пустыню.

Повсюду глаз встречал только серый однообразно-печальный тон бесплодного песка, окружавшего со всех сторон поднимающиеся из него группы таких же бесплодных, таких же печальных скал. Эти скалы громоздились друг на друга, словно развалины дворцов и замков каких-то неведомых, живших до всемирного потопа циклопов, так они были причудливы по своим очертаниям.

Караван, когда приходил вечер, располагался под каким-нибудь обломком гранитной скалы и разводил слабый костер, тепла которого едва хватало для того, чтобы хоть немного обогреться, так как ночью на этих высоких плато обыкновенно царит невыносимый холод.

Дон Марсиаль в течение целого дня галопировал почти всегда где-

нибудь в стороне от своих спутников, то справа, то слева, с сыновней нежностью заботясь о безопасности вверившихся ему людей. Ни на минуту он не оставался в покое, несмотря на убеждения донна Сильвы и просьбы его дочери.

— Нет, — отвечал он им на это, — от моей бдительности зависит ваша безопасность. Лучше уж я буду действовать по собственному усмотрению. Я не прощу себе, если на вас нападут врасплох,

Мало-помалу, однако, следы, оставленные отрядом французов, становились все менее явственными и наконец исчезли совсем.

Однажды вечером, когда наши путешественники расположились под громадной скалой, как бы нависшей над их головами, асиендадо указал дону Марсиально на легкий беловатый пар, ясно видневшийся на голубом небе.

— Небо теряет свой ясный, лазурный тон, — начал он, — вероятно, погода скоро изменится. Дай Бог, чтобы не начался ураган!

Тигреро покачал головой.

— Нет, — ответил он, — вы ошибаетесь, ваши глаза не привыкли еще так безошибочно читать в небе, как мои. Это не облако.

— А что же это такое?

— Это дым от костра, на котором жарится бизон. У нас появились соседи.

— О! — проговорил асиендадо. — Может быть, мы идем совсем не по следам наших друзей, которых так долго ищем?

Дон Марсиаль ничего не ответил, он внимательно смотрел на дым. Это было легкое, как пар, беловатое облачко, быстро таявшее в лазури неба. Наконец он вымолвил:

— Дым этот не предвещает ничего доброго. Друзья наши, как мы их называем, французы, совершенно не знают жизни в пустыне. Если бы они были поблизости от нас, то нам было бы так же легко увидеть их, как вон ту скалу внизу. Они зажгли бы не один костер, а десять или двадцать, и от этих костров поднялся бы к небу такой дым, что мы увидели бы его издали. Едва ли они будут отбирать деревья для костра, сухое или сырое дерево — им все равно. Они не обращают никакого внимания на то, что находятся в пустыне и что надо ежеминутно подстерегать врага, отнюдь не выдавая ему своего присутствия.

— Каково же ваше мнение?

— Я полагаю, что костер, дым от которого вы заметили, разведен краснокожими или, по крайней мере, охотниками, хорошо знакомыми с индейскими обычаями. Все заставляет предполагать это. Смотрите: вы

сами, хотя и имеете известное представление о жизни в пустыне, приняли этот дым за облако. Всякий поверхностный наблюдатель на вашем месте сделал бы то же. Действительно, очертания его так тонки, расплывчаты, так высоко поднимается он кверху и так незаметно сливается с лазурью, что практически невозможно отличить его от испарений, которые солнечные лучи непрерывно поднимают от земли. Люди, разложившие этот костер, все предусмотрели, все приняли в расчет. Или я ошибаюсь, или, что вернее всего, это враги.

— А как полагаете вы, далеко они отсюда?

— Не более чем в четырех милях. Что могут значить эти четыре мили в пустыне, когда их так легко проехать по прямой линии?

— Итак, ваше мнение?.. — решительно обратился к нему асиендадо.

— Взвесьте хорошенько мои слова, дон Сильва. Я очень прошу вас не давать им иного объяснения, кроме того, которое я сам даю им. Чудом — пример которому едва ли можно найти в необъятных просторах дель-Норте с тех пор, как она сотворена Всемогущим, — вот уже три недели, как мы блуждаем по пустыне, и ничто не потревожило нас. Вот уже восемь дней, как мы идем наудачу, стараясь открыть потерянный нами след.

— Да, это правда!

— Я рассуждаю теперь так и надеюсь, что вы поддержите меня: французы случайно зашли в пустыню, их целью было преследовать апачей. Вы согласны с этим?

— Совершенно!

— Хорошо. Следовательно, они должны были двигаться преимущественно по прямой. Погода, благоприятствовавшая нам, благоприятствовала, конечно, и им. Их интересы, поставленная ими цель — все заставляло их совершить этот путь с максимальной скоростью. Преследование, как вы согласитесь, конечно, требует напряжения сил. Один стремится достигнуть безопасного места первым, а другой старается ему в этом препятствовать...

— Итак, вы предполагаете... — перебил его дон Сильва.

— Я не предполагаю, но я вполне уверен, что французов уже давно нет в пустыне и что они идут теперь по землям апачей. Этот дым, замеченный нами впереди, является для меня неопровержимым доказательством.

— Каким образом?

— Сейчас вы поймете. Апачи должны всячески стараться отвлечь французов от своих земель охоты. Отчаявшись прогнать их из пустыни, они, весьма вероятно, зажгли этот костер, чтобы обмануть их и заставить вернуться.

Асиендадо глубоко задумался. Доводы дона Марсиаля казались ему верными. Он колебался.

— Что же, — наконец промолвил он, — что заключаете вы отсюда? Какой делаете вывод?

— А такой, что мы совершенно напрасно будем впредь терять здесь время и искать тех, кого давно нет, подвергаясь опасности быть застигнутыми бурей. А опасность бури ежечасно приближается. В этих краях редко случается, чтобы подолгу не было страшных ураганов.

— Следовательно, вы возвращаетесь к вашему первому плану?

— Вовсе нет! Напротив, я предлагаю как можно скорее идти вперед, в земли апачей, так как я уверен, что мы быстро нападём там на след наших друзей.

— Да, я, пожалуй, согласен с вами. Но ведь отсюда еще далеко до границ пустыни.

— Не так далеко, как вы, может быть, думаете... но оставим пока этот разговор. Я пойду и посмотрю, что это за костер, он чрезвычайно интересует меня.

— Будьте осторожны.

— Разве здесь речь идет не о вашем спасении? — отвечал Тигреро, бросая нежный, но печальный взгляд на донью Аниту.

Он поднялся, оседлал свою лошадь, огляделся и пустился в галоп.

— Бесстрашный! — тихо проговорила донья Анита, следя за тем, как он исчезал в надвигавшихся сумерках.

Асиендадо глубоко вздохнул, ничего не сказал и опустил голову.

Дон Марсиаль продвигался вперед при неверном свете луны, фантастически освещавшей окрестности.

После полутора часов скорого галопа Тигреро остановил коня, слез на землю и внимательно огляделся.

Он нашел то, что искал. Неподалеку от того места, где он находился, ветры и ливни вырыли огромную яму. Он заставил спуститься туда свою лошадь, крепко привязал ее к огромному камню, заткнул ей ноздри, чтобы она не ржала, закинул за плечи карабин и удалился.

Скоро он увидел перед собой костер. Красное пламя резко выделялось в потемневшем воздухе.

Вокруг огня неподвижно, углубившись в свои мысли, сидели несколько человек. Тигреро без труда узнал в них индейцев.

Но что это были за краснокожие? Друзья или враги?

Мексиканец лег на землю и тихо, медленно и осторожно начал подбираться, ползя на локтях и коленях, к костру.

Чтобы проползти таким образом около двадцати ярдов, Тигреро потребовалось полчаса.

Наконец он достиг цели, остановился, чтобы перевести дух, и вздохнул.

Он узнал в сидевших у костра индейцах апачей.

Таким образом, все его предположения сбывались.

Вокруг костра, на котором жарился горб бизона и который давал огромное пламя, испуская в то же время чуть заметную струйку сероголубоватого дыма, сидели несколько вождей. Все они мрачно уткнулись в колени подбородками и курили трубки, кутаясь в плащи, чтобы согреться, так как вдруг стало очень холодно.

Дон Марсиаль признал среди них Черного Медведя.

Лицо сахема было серьезно, казалось, гнев кипел в его душе. По временам он беспокойно поднимал голову и устремлял свой взор в пространство, как будто стараясь проникнуть в окружающий его мрак. Послышался звук копыт, и в освещенное костром пространство въехал индейский всадник.

Соскочив с лошади, этот всадник подошел к огню, сел рядом со своими земляками и закурил. Лицо его было совершенно спокойно и бесстрастно, хотя пыль, покрывавшая его густым слоем, и учащенное дыхание ясно говорили, что он только что проделал длинный и трудный путь.

Черный Медведь окинул его долгим пронизательным взглядом, но не прервал своего занятия: индейский этикет требовал, чтобы сахем обращался к курящему с вопросом не раньше, чем тот вытрясет в костер пепел из своей трубки.

Но нетерпение Черного Медведя, видимо, разделяли и другие вожди, хотя они по-прежнему продолжали оставаться серьезными и сосредоточенными. Наконец вновь прибывший затянулся в последний раз, выпустил изо рта и через ноздри целое облако дыма, вытряс пепел и засунул трубку за пояс.

Только тогда Черный Медведь обратился к нему:

— Малая Пантера сильно опоздал.

Слова эти были произнесены не вопросительно, а скорее с упреком. Индеец ограничился тем, что склонил голову, не сказав ни слова.

— Стервятники летают большими стаями над пустыней, — вновь начал, немного помолчав, вождь, — шакалы точат свои острые когти, апачи чувствуют запах крови, и он заставляет радостно трепетать их сердца. Неужели сын мой ничего не видел?

— Малая Пантера — великий воин своего племени. Как только распустились листья, Малая Пантера будет вождем. Он выполнил все, что отец поручил ему.

— О-о-а! Что делают Длинные Ножи?

— Длинные Ножи — собаки, умеющие лаять и злиться, но не способные укусить. Апачский воин внушает им страх.

Вожди улыгнулись, услышав эту похвальбу, принятую ими за чистую монету.

— Малая Пантера видел их лагерь, — продолжал прибывший воин, — он пересчитал их. Они плачут, как женщины, кричат, как малые дети, еще не имеющие ни силы, ни мужества. Двое из них не займут сегодня ночью привычного места у костра своих братьев.

И жестом, не лишенным величия, индеец поднял подол коленкоровой рубахи, ниспадавшей ему до колен и показал два окровавленных скальпа, привешенных к его поясу.

— О-о-а! — сразу радостно воскликнули вожди. — Малая Пантера храбро сражался!

Черный Медведь дал воину знак подать ему скальпы. Воин отвязал их от пояса и передал ему.

Сахем внимательно осмотрел их. Апачи, не отрываясь, глядели на него.

— Прекрасно! — промолвил наконец Черный Медведь. — Мой сын убил одного Длинного Ножа и одного гачупина.

И он возвратил оба скальпа воину, который опять прицепил их к поясу.

— Открыли ли бледнолицые следы апачей?

— Бледнолицые — кроты, они хороши только в своих каменных селениях.

— Что же сделал мой сын?

— Малая Пантера в точности исполнил все, что приказывал ему сахем. Когда он убедился, что бледнолицые не хотят идти в пустыню, то появился перед ними и стал дразнить их. Они гнались за ним в течение целых трех часов и вновь оказались в глубине великой пустыни.

— Хорошо! Мой сын поступил как следует. Что еще он сделал?

— Когда Длинные Ножи зашли достаточно далеко, он скрылся, убив двоих из них, которые отъехали в сторону. Он оставил по себе память. Затем он направился к лагерю воинов своего племени.

— Мой сын устал, час покоя пришел для него.

— Нет еще, — серьезно ответил индеец.

— О-о-а! Что хочет сказать этим мой сын?

При этих словах Тигреро почувствовал, как сердце у него замерло от какого-то ужасного предчувствия.

Индеец продолжал:

— В пустыне Длинные Ножи не одни. Малая Пантера открыл и другой след.

— Другой след?

— Да! Этот след едва заметен. Отряд состоит всего из семи лошадей и трех мулов. Я даже узнал по поступи одну из этих лошадей.

— О-о-а! Пусть мой сын объяснит, что это за след.

— В пустыню вошли семь гачупинов с одной женщиной.

Взор сахема загорелся.

— С бледнолицей женщиной? — переспросил он.

Индеец утвердительно кивнул головой.

Сахем с минуту размышлял, затем на лицо его опять легла маска обычного бесстрастия.

— Черный Медведь не ошибся, — начал он. — Он чувствовал запах крови. Его дети апачи будут иметь хорошую возможность поохотиться. Завтра на рассвете воины сядут на коней. Вигвам сахема пуст. Предоставим Длинных Ножей их судьбе, — прибавил он, обращая глаза свои к небу, — Нианга, дух зла, скоро ополчится на них и поглотит их в песках. Владыка Жизни призовет бурю. Наш труд совершен, пойдем теперь по следам гачупинов и как можно скорее возвратимся в наши земли охоты. Скоро в пустыне завоет ураган и всю ее перевернет. Дети мои могут предаться сну, вождь один будет бодрствовать за них. Я сказал.

Воины поднялись, молча поклонились и один за другим отошли, чтобы улечься на песке.

Через пять минут они уже глубоко спали, один Черный Медведь бодрствовал. Подперев голову руками, он упорно глядел на небо. Иногда суровое выражение лица его сменялось едва заметной усмешкой.

Какие мысли посещали сахема? О чем думал он?

Дон Марсиаль угадывал эти мысли, и кровь леденела в его жилах.

Еще полчаса оставался он неподвижен в своей засаде, чтобы не подвергнуться опасности быть открытым, затем спустился так же, как и пришел, с еще большими предосторожностями, так как в пустыне воцарилась такая тишина, что самый легкий звук неминуемо уловило бы чуткое ухо индейского вождя.

Теперь же, после всего услышанного, он более чем когда-либо боялся быть захваченным в плен.

Наконец он целым и невредимым добрался до места, где оставил свою

лошадь.

Некоторое время Тигреро, бросив поводья на шею благородного животного, ехал шагом, обдумывая то, что ему довелось услышать, и прикидывал, каким образом можно было бы отвести от его спутников ужасную опасность, нависшую над ними.

Как спасти донью Аниту? Бесчисленное число раз повторял он себе этот вопрос, но не находил ответа.

Долго ехал он так, свесив голову на грудь, тщетно отыскивая подходящее средство, которое дало бы ему возможность выйти из ужасного положения, в котором они очутились. Вдруг у него блеснула мысль, он гордо выпрямился, бросил вызывающий взгляд в сторону невидимых уже врагов, пребывающих в предвкушении победы и легкой добычи, всадил шпоры в бока лошади и поскакал галопом.

Когда он прибыл к месту стоянки своего отряда, то увидел, что все спали глубоким сном, за исключением пеона, стоявшего на часах.

Было уже довольно поздно, около часа ночи. Луна светила так ярко, что все было видно как днем. Тигреро знал, что до рассвета апачи не тронутся с места. В его распоряжении оставалось еще часа четыре, и он решил воспользоваться ими наивыгоднейшим для себя образом. Четыре часа, если не упускать благоприятного случая, много значат для преследуемого.

Тигреро начал с того, что стал обтирать свою лошадь сухой травой. Такой массаж должен был вернуть бодрость и эластичность ее мышцам; это было необходимо для нее в предстоящем путешествии. Затем при помощи пеонов он навьючил мулов и оседлал остальных лошадей.

Сделав все это, он с минуту постоял в раздумье и затем стал обвязывать копыта лошадей небольшими кусочками бараньей кожи, наполненной песком.

Хитрость эта должна была, по его мнению, сбить с толку индейцев, которые, потеряв ведущий их след, предположили бы, что идут не в ту сторону.

Для большей верности он приказал оставить под скалой две-три бутылки с мескалем. Он знал, что апачи большие любители спиртного.

Когда все было сделано, Тигреро разбудил дону Сильву и его дочь.

— В седло! — проговорил он тоном, не допускающим возражений.

— Что такое, что случилось? — вопрошал, еще не успев стряхнуть с себя сон, асиендадо.

— Случилось то, что, если мы немедленно не тронемся в путь, мы погибем.

— Что вы этим хотите сказать?

— В седло! В седло! Каждая минута, которую мы проводим здесь, приближает нас к смерти! Я расскажу вам все после.

— Друг мой, во имя Неба, умоляю вас, что это значит?

— Скоро узнаете, а теперь живей, живей!

И не слушая больше ничего, он почти насильно заставил асиендадо сесть в седло. Донья Анита была уже на лошади. Тигреро в последний раз огляделся и дал знак к отправлению.

Небольшой караван тронулся в путь со всей быстротой, на какую были способны животные.

ГЛАВА XXIII. Апачи

Нельзя представить себе ничего печальнее ночного путешествия по североамериканской пустыне, особенно в обстоятельствах, подобных тем, в которых находились герои нашего рассказа.

Ночь — время призраков, во тьме самый веселый пейзаж становится мрачным, все оживает, все страшит путешественников. Луна, как бы ярко она ни светила, сообщает предметам фантастический вид, одевает их странной игрой мертвенного света и теней, и даже отчаянный храбрец чувствует невольное смущение.

Трудно привыкнуть к этому покою, к этой тишине, которая давит на вас, вы теряете реальность ощущений, и ваше воображение населяет призраками окружающее вас пространство. Таинственный мрак, окутывающий все вокруг, стягивает вас, как свинцовый обруч, и вызывает лихорадочно-боязливое состояние, и только живительные лучи солнца в состоянии рассеять его.

И дон Сильва, и донья Анита, и даже пеоны не могли устоять против угнетающего влияния ночи в пустыне. Нелепые страхи томительно мучили их. Они ехали целую ночь, сами не зная, куда и зачем. Они не могли даже как следует сориентироваться. Некоторые предметы то, казалось, стояли на месте, то быстро двигались назад, то обгоняли их. Очевидно, они не раз меняли направление. В голове чувствовалась тяжесть, глаза смыкались, одолевало одно-единственное желание — уснуть. Иногда они с трудом озирались, но хаотичное движение близких и далеких предметов, производимое быстрым ходом умных, словно чуявших беду животных, вызывало головокружение, и они плотнее усаживались в седла, бессильно опуская головы, сон властно брал верх над утомленными людьми.

За исключением дона Марсиаля, привыкшего всегда сохранять бодрость и ясное сознание, остальные члены каравана были похожи на лунатиков. Едва удерживаясь в седлах, с потухшими глазами, без малейшего проблеска сознания ехали они, и если бы дать им уснуть, а затем, после пробуждения, спросить, что с ними произошло ночью, то, несомненно, они сказали бы, что перенесли кошмар при полном оцепенении мыслей и чувств.

Так прошла вся ночь.

Проехали они более сорока миль и почти падали от изнеможения.

Однако при восходе солнца, под влиянием его теплых лучей путники

понемногу оживились, взоры стали яснее, они выпрямились, огляделись, и, как всегда бывает в подобных случаях, в мыслях возникли тысячи вопросов, так что они даже не успевали их высказывать.

Они достигли берегов Рио-дель-Норте, мутные воды которой образуют с этой стороны границу пустыни.

Дон Марсиаль, внимательно изучив место, где они находились, остановился у самой воды на отмели.

С копыт лошадей были сняты кожаные мешки с песком, им задали корм. Что касается людей, то им пришлось довольствоваться порцией коньяка, чтобы подкрепить силы.

Пейзаж на другом берегу совершенно менялся: сочная, густая трава покрывала почву, далеко на горизонте зеленели леса.

— У-у-ф! — тяжело опустившись на землю, проговорил дон Сильва, и на его лице отразилось несказанное удовольствие по поводу того, что эта дьявольская скачка наконец подошла к концу. — Вот это путешествие! Я весь разбит. Если бы пришлось ехать еще и днем, то, хоть режьте меня, клянусь всеми святыми, не смог бы! Мне совершенно не хочется ни есть, ни пить, хочу только спать.

Проговорив это, асиендадо тут же стал укладываться поудобней, чтобы предаться сну.

— Нет, еще рано, дон Сильва! — живо воспротивился его намерению Тигреро, изо всех сил тормоша его. — Разве вы хотите уснуть здесь навсегда, чтобы на этом месте и застала вас труба архангела при втором пришествии?

— Убирайтесь все от меня! Я хочу спать, говорю вам.

— Хорошо, — сухо заметил на это дон Марсиаль, — но если вы и донья Анита попадете в руки апачей, то не вините меня и пеняйте на себя!

— Как! — встрепенулся асиендадо и, вытаращив глаза, уставился на дону Марсиаля. — О каких еще апачах вы говорите?

— Я повторяю вам, что за нами гонятся апачи. Мы опережаем их всего на несколько часов. Если не поспешить, мы погибли!

— Пресвятая Богородица! Надо бежать! — закричал, уже совсем проснувшись, дон Сильва. — Я вовсе не хочу, чтобы моя дочь попала в лапы к этим чертям!

Что касается доньи Аниты, то она уже ничего не могла говорить. Она улеглась на землю, свернувшись калачиком и моментально уснула.

— Пусть лошади поедят, а затем мы снова поедим. Нам предстоит еще очень долгий путь, надо, чтобы они были в хорошей форме. К тому же короткая остановка позволит донье Аните восстановить свои силы.

— Бедное дитя! — с жалостью глядя на нее, проговорил асиендадо. — Я один — причина всего, что тебе приходится выносить. Это все мое проклятое упрямство!

— Ну, что говорить об этом, дон Сильва! Все мы виноваты. Забудем прошлое, надо думать о настоящем.

— Да, вы правы, что толку говорить о том, что уже сделано! Теперь, когда я совсем проснулся, скажите мне, что вы делали прошлой ночью и почему вы заставили нас столь поспешно покинуть стоянку?

— Боже мой! Дон Сильва, рассказ мой будет краток, но, я полагаю, вы найдете его интересным. Судите сами. Покинув вас вчера вечером, я отправился, как вы, может быть, помните...

— Да, да... как же, помню... вы отправились поближе посмотреть на заинтересовавший нас костер.

— Совершенно верно. Ну вот, как я и предполагал, костер этот оказался засадой, приготовленной краснокожими для привлечения внимания отряда графа де Лорайля. Краснокожие оказались апачами. Мне удалось незаметно подкрасться совсем близко к ним и подслушать их разговор. Знаете ли вы, о чем они говорили?

— Откуда же мне знать, о чем говорят эти идиоты!

— Ну, вовсе не такие уж идиоты, какими вам угодно, быть может, считать их, дон Сильва. Как раз в это самое время явился один из разведчиков и принялся рассказывать сахему племени о том, как ему удалось выполнить возложенное на него поручение. Среди прочих интересных вещей он сообщил, что обнаружил в пустыне следы бледнолицых и что в числе этих бледнолицых находится женщина.

— Карамба! — в ужасе закричал асиендадо. — Но вы уверены в этом, дон Марсиаль?

— Тем более уверен, что своими ушами слышал ответ сахема. Слушайте внимательно, дон Сильва.

— Я слушаю, слушаю, продолжайте, мой друг.

— При восходе солнца, сказал сахем, мы отправимся в погоню за белыми, вигвам сахема пуст, он требует для себя бледнолицей жены.

— Да будет проклят этот сахем!

— И вот, убедившись, что уже достаточно узнал о намерениях индейцев, я ползком пробрался назад, как можно скорее достиг нашей стоянки и... остальное вы знаете.

— Да! Я знаю, — с чувством отвечал дон Сильва, — я знаю остальное, дон Марсиаль, и благодарю вас от всего сердца, благодарю не только за вашу предусмотрительность, но и за самоотверженность, с которой вы

заботились о нашей безопасности, заставив нас так или иначе побороть усталость и следовать за вами.

— Я сделал только то, что должен был сделать, дон Сильва. Я дал клятву не щадить для вас своей жизни.

С тех пор как асиендадо узнал дона Марсиаля, он впервые разговаривал с ним от всего сердца, называя его другом. Тигреро был тронут этим до глубины души, и если до сих пор он относился к дону Сильве с некоторым предубеждением, то в настоящее время оно исчезло, и он питал к асиендадо только глубочайшее, нежное, почти что сыновнее расположение.

Пока происходил этот разговор, донья Анита проснулась. Вид двух людей, — которых она любила больше всего на свете, и отношения между которыми причиняли ей великое огорчение, — разговаривавших так дружески, наполнил радостью ее сердце.

Когда отец объяснил ей причину их внезапного отъезда среди глубокой ночи, она также горячо поблагодарила дона Марсиаля и наградила его таким пылким взглядом, какие умеют посылать только женщины, когда они любят.

Тигреро, увидев, что его труды оценены по достоинству, забыл про свою усталость и горел одним желанием — удачно завершить так хорошо начатое дело.

Когда лошади поели, их вновь оседлали.

— Я весь в вашем распоряжении, дон Марсиаль, — обратился к нему асиендадо. — Вы один можете спасти нас.

— С Божьей помощью, надеюсь, мне удастся, — с чувством проговорил Тигреро.

Путники вошли в реку, довольно широкую в этом месте. Вместо того, чтобы переплыть ее по прямой, дон Марсиаль долгое время следовал по ее руслу, приближаясь то к одному берегу, то к другому, старясь как можно больше запутать свои следы.

Наконец они достигли места, где реку с обеих сторон сжимали высокие скалистые берега. Течение здесь было таким быстрым, что тотчас же смывало всякие следы. Дон Марсиаль решил выйти на берег.

Теперь караван покинул пустыню. Перед ними расстилалась бесконечная, слегка всхолмленная прерия, постепенно поднимавшаяся до самых предгорий Сьерры-Мадре и Сьерры-де-лос-Команчес. Бесплодная, печальная равнина без воды и деревьев осталась позади. Впереди была роскошная растительность, бившая неслыханной силой жизни: деревья, цветы, травы, бесчисленное количество разных птиц, радостно

перелетавших, певших и щебетавших в густой листве, и всякого рода зверье.

Около одиннадцати часов утра лошади устали настолько, что путники вынуждены были сделать привал, чтобы подкрепить лошадей, самим отдохнуть и переждать полуденный зной.

Дон Марсиаль выбрал место на вершине холма, откуда на много миль вокруг видна была прерия, но которое само было закрыто деревьями.

Тигреро, однако, воспротивился разведению костра для приготовления пищи, так как дым помог бы открыть их убежище, а в их положении никакая предосторожность не была излишней. Несмотря на все принятые меры и уловки, дон Марсиаль все-таки не был уверен, что ему удалось провести таких знатоков пустыни и прерий, как апачи. Несомненно было только, что с восходом солнца апачи должны были со всей возможной для них скоростью пуститься в погоню за ними. Правда, скрыть свое местопребывание в холмистой, поросшей растительностью прерии было сравнительно легко.

Наскоро перекусив, Тигреро предложил своим спутникам отдохнуть, что им было в данном случае положительно необходимо, сам же поднялся, чтобы идти на разведку.

Человек этот, казалось, был сделан из стали, утомление не оказывало на него ни малейшего влияния, он обладал железной волей, не склонявшейся ни перед чем, желание спасти любимую девушку придавало ему сверхъестественные силы.

Он медленно сошел с холма, осматривая каждый куст, продвигаясь вперед с крайней осторожностью, положив палец на курок и прислушиваясь к малейшему шуму.

Спустившись в долину, он большими шагами направился к густому девственному лесу, могучие деревья которого подходили к самому холму, на котором он расположился со своими спутниками. В уверенности, что высокая трава представляет для него надежное убежище и его ниоткуда не видно, он шел довольно быстро.

Лес оказался действительно девственным, деревья росли так густо и настолько тесно были перевиты плющом и лианами, что проникнуть в него можно было только с помощью топора или огня. Если бы Тигреро был один, он спокойно справился бы с этим препятствием, с виду непреодолимым. Будучи ловким и сильным, а главное привыкшим к подобного рода вещам, он взобрался бы на вершину первого попавшегося дерева и стал бы перебираться с ветки на ветку на такой высоте, до которой лианы и цепкая поросль уже не доходили, как ему приходилось поступать

уже не раз. Но что мог сделать он, того нельзя было требовать ни от дона Сильвы, ни от его дочери.

С минуту Тигреро чувствовал, как сердце падает в груди и бодрость его покидает. Но слабость эта продолжалась одно мгновение. Дон Марсиаль уверенно выпрямился, к нему вернулась решимость, он продолжил свой путь по лесу, потом повернул вдоль его опушки и пошел, выслеживая и крадучись, как дикий зверь охотится за добычей.

Вдруг он испустил негромкое радостное восклицание.

Он нашел то, чего почти не надеялся найти.

Перед ним открылась под сводом густой зелени едва заметная тропа, протоптанная дикими зверями к водопою. Требовался опытный взгляд Тигреро, чтобы обнаружить эту тропу. Он быстро и решительно направился по ней.

Как и все подобного рода тропинки, настоящая делала бесчисленное множество поворотов, постоянно возвращаясь к одному и тому же месту. Он углубился в лес довольно далеко, и затем опять вернулся на холм.

Спутники, обеспокоенные долгим отсутствием Тигреро, ждали его с нетерпением. Его встретили радостными восклицаниями. Он рассказал им, что видел и что нашел.

Во время рассказа дона Марсиаля один из пеонов сделал на склоне холма открытие, особенно ценное в настоящее время для путешественников.

Этот человек, от нечего делать бродя по окрестностям, наткнулся на вход в пещеру, но войти в нее не осмелился из боязни встретиться с каким-либо зверем.

Дон Марсиаль задрожал от радости при этом известии. Он взял в руки факел из окотового дерева и приказал пеону проводить его к пещере.

Она начиналась всего в нескольких десятках шагов на склоне, обращенном к реке.

Вход в нее густо зарос кустарником и травой, и было ясно видно, что уже много лет в нее не заглядывало ни одно живое существо.

С большим трудом Тигреро раздвинул кусты, стараясь не помять и не поломать их, и проскользнул внутрь.

Вход был достаточно высок, хотя и узок. Дон Марсиаль высек огонь и зажег факел.

Пещера эта была естественного происхождения, из тех, что часто встречаются в предгорьях Скалистых гор. Стены ее были высоки и сухи, пол усыпан толстым слоем тончайшего песка. Воздух сюда, очевидно, проникал через незаметные скважины, сообщавшиеся с земной

поверхностью. В ней не чувствовалось на малейшей духоты, дышалось легко и свободно, словом, в ней можно было неплохо устроиться. Она шла, постепенно понижаясь, и расширялась затем в большую залу, середине которой открывалась пропасть. Сколько ни напрягал своего зрения дон Марсиаль, вытягивая факел, он так и не увидел дна этой пропасти. Он огляделся, нашел камень, оторвавшийся от свода, и бросил его в пропасть.

Долгое время камень отскакивал от стен, звук удара его слабел, наконец откуда-то со страшной глубины донесся чуть слышный всплеск.

Дон Марсиаль, по-видимому, удовлетворился полученными сведениями, обошел пропасть и продолжил свой путь в глубь пещеры. Проход опять стал очень узок и продолжал идти с сильным уклоном вниз. Минут десять шел он таким образом и наконец увидел вдали свет.

Он тотчас же повернул назад.

— Мы спасены! — были первые слова, с которыми, вернувшись, он обратился к своим спутникам. — Следуйте за мной, не теряя ни минуты. Воспользуемся убежищем, которое дарует нам Провидение.

Все последовали за ним.

— Но, — заметил дон Сильва, — что же нам делать с лошадьми?

— Не беспокойтесь, я знаю, куда их спрятать. Внесем в пещеру провизию, так как, по всей вероятности, нам придется пробыть здесь некоторое время. Надо забрать также упряжь и седла, а то их негде оставить. Что же касается лошадей, то это уже мое дело.

После этого все с жаром принялись за работу, горя нетерпением поскорее очутиться подальше от опасности. Менее чем через час вся кладь, какую они везли с собой, упряжь и люди исчезли в пещере. Никто ни на минуту не усомнился в том, что в пещере им не грозит никакая опасность, так как дону Марсиально все слепо верили, хотя и не понимали, в чем тут состоит спасение.

Дон Марсиаль опять закрыл вход в пещеру пригнутым кустарником, расправил примятую траву и, уничтожив все следы прохода своих спутников, вздохнул с тем облегчением, которое чувствуется после завершения смелого, казавшегося невозможным дела, и поднялся на вершину холма.

Он связал вместе лошадей и мулов реатой, затем, спустившись в долину, направился к лесу и пошел по звериной тропе, которую открыл раньше.

Тропа была страшно узкой, лошади могли пройти по ней по одной и то не без труда. Наконец он достиг поляны, где и оставил бедных животных на произвол судьбы, бросив им весь фураж, предусмотрительно

навьюченный на мулов.

Дон Марсиаль знал, что лошади не отойдут далеко от того места, где их оставят, и в случае нужды их можно будет без труда найти.

Все это заняло столько времени, что когда Тигреро вышел, наконец, из лесу, день уже клонился к вечеру.

Огромный красный солнечный диск приближался к горизонту. Тени деревьев удлинялись. Чувствовалась вечерняя прохлада, поднимался ветерок. Из глубины леса раздавались резкие завывания — верный знак близкого наступления ночи и пробуждения диких зверей, остающихся в течение ее беспорядочными хозяевами прерий.

На вершину холма дон Марсиаль прибыл уже тогда, когда край солнца коснулся горизонта. Он оглянулся вокруг.

Вдруг он побледнел, нервная дрожь прошла по его телу, глаза расширились от ужаса, словно прикованные к реке. Он гневно топнул ногой и глухо произнес:

— Уже!.. Проклятие!

То, что увидел Тигреро, действительно было ужасно.

Через реку, как раз в том месте, где несколько часов назад он проходил со своими спутниками, переправлялся отряд индейских всадников.

Дон Марсиаль с возрастающим беспокойством следил за их движениями. Достигнув берега, они, не останавливаясь и не колеблясь, повернули как раз по оставленному им следу и взяли по руслу реки вниз, как будто кто-то указывал им путь.

Сомнений быть не могло: апачи не поддались ни на одну из хитростей охотника, они неотступно следовали той же дорогой. До холма они должны были добраться менее чем за час, и тогда, при их дьявольском умении видеть и чують самые ничтожные следы, мог ли он ожидать чего-либо иного, кроме как немедленно быть обнаруженными в так счастливо найденном убежище.

Тигреро чувствовал, как сердце застучало в его груди. Обезумев от горя, он в отчаянии бросился в пещеру.

Увидев его, бледного, с искаженными чертами лица, асиендадо и его дочь бросились ему навстречу.

— Что случилось? — сразу обратились они к нему.

— Все погибло! — в исступлении закричал он. — Апачи уже здесь!

— Апачи! — повторили в ужасе отец и дочь.

— Господи! Господи! Спаси нас... — взмолилась донья Анита, бросаясь на колени и всплеснув руками.

Тигреро наклонился к девушке, взял ее на руки и крикнул, обращаясь к

асиендадо:

— Идите скорей, идите за мной! Быть может, у нас еще есть возможность спастись!

Отчаяние удвоило его силы, он бросился внутрь пещеры, остальные кинулись за ним. Они бежали долго. Донья Анита почти без чувств склонила свою бледную голову на могучее плечо Тигреро. Он бежал, не останавливаясь.

— Смотрите, смотрите, — наконец воскликнул он, — мы спасены!

Его товарищи испустили крик радости. Они увидели перед собой слабый свет вечерней зари.

Но вдруг, как раз в тот момент, когда дон Марсиаль добрался до выхода из пещеры и собирался выйти наружу, ему загородила путь человеческая фигура.

Это был Черный Медведь.

Тигреро отпрянул назад и завыл, как дикий зверь.

— О-о-а! — спокойно насмешливым тоном произнес апач. — Мой брат знает, что вождь любит эту девушку, и чтобы угодить вождю, сам скорее несет ее к нему.

— Она еще не твоя, дьявол! — закричал дон Марсиаль, становясь с двумя пистолетами в руках между ним и доньей Анитой. — Попробуй взять ее!

В глубине пещеры слышались приближающиеся шаги.

Мексиканцы очутились между двух огней.

Черный Медведь, устремив глаза на Тигреро, следил за каждым его движением. Вдруг он присел и прыгнул вперед, как ягуар, испустив воинственный клич.

Дон Марсиаль разрядил в него оба пистолета, и они схватились.

Два врага стали кататься по земле, переплетаясь, словно две змеи.

Дон Сильва и пеоны неравным отчаянным сопротивлением старались удержать натиск других индейцев.

ГЛАВА XXIV. Лесные охотники

Вернемся теперь к другим героям нашего рассказа, которых мы покинули уже давно, со времени их вступления в пустыню дель-Норте.

Хотя французы и остались победителями во время нападения на асиенду апачей и прогнали их за Рио-Хилу, тем не менее они хорошо понимали, что этой неожиданной победой они лишь до некоторой степени обязаны своей храбрости. Они и сами сознавали, что победа окончательно склонилась на их сторону только после атаки, произведенной команчами под предводительством Орлиной Головы. Поэтому, как только неприятель удалился, граф де Лорайль с редким, особенно для людей его склада, великодушием и чистосердечностью горячо поблагодарил команчей и сделал охотникам чрезвычайно выгодное предложение поступить к нему на службу.

Краснокожие герои, так же как и белые охотники, скромно выслушали льстивые комплименты графа, но последние решительно отклонили его предложение.

Как объяснил ему: Весельчак, они действовали, руководствуясь единственно побуждением оказать помощь своим землякам. Теперь же, когда все кончено и французы надолго могут считать себя в безопасности от индейских набегов, им больше здесь делать нечего, поэтому они будут немедленно иметь честь откланяться графу и отправятся продолжать свое прерванное путешествие дальше.

Граф де Лорайль просил их, однако, остаться на асиенде еще хоть дня на два.

Донья Анита и ее отец исчезли так таинственно, что французы, не знакомые с приемами индейцев и совершенно не умеющие находить следы в пустыне и идти по ним, совсем растерялись и не знали, что предпринять для розыска пропавших.

Граф де Лорайль твердо рассчитывал на опытность Орлиной Головы и на отвагу его воинов, чтобы поскорее вызволить асиендадо из плена.

Он самым подробным образом объяснил охотникам, чего ожидает от их снисходительного согласия, и вполне надеялся, что после этого не встретит отказа.

На рассвете Орлиная Голова разделил свой отряд на четыре части и разослал их в четыре стороны от асиенды, поставив во главе каждой опытного воина.

Команчи осмотрели каждый куст, каждую звериную тропу, приложили все свое искусство ведения разведки, в необычайной степени развитое у индейцев. Все было напрасно.

Один за другим вернулись на асиенду индейские отряды, ничего не обнаружив. Они обшарили всю местность вокруг миль на восемьдесят, но следы отца и дочери как в воду канули. Нам известно, что последнее образное выражение следовало в данном случае понимать почти буквально, так как дон Сильва и донья Анита были увезены из асиенды по воде, которая следов не хранит.

— Вы видите, — заметил графу Весельчак, — что мы сделали все, что возможно было сделать из любви к ближнему, чтобы освободить из плена ваших друзей. Теперь ясно, что похитители увезли их на далекое расстояние по реке, не выпуская на берег. Кто может сказать, где они находятся сейчас? Краснокожие передвигаются быстро, особенно, когда они убегают от преследования. Они теперь далеко впереди нас, это доказывает неудача самых тщательных поисков. Надеяться догнать их — безумие. Позвольте теперь нам проститься с вами. Быть может, во время скитаний по прерии нам удастся собрать сведения, которые впоследствии будут вам полезны.

— Я не хочу более злоупотреблять вашей снисходительностью по отношению ко мне, — с чувством ответил граф. — Ступайте куда и когда вам угодно, мсье, но примите заверения в моей искреннейшей благодарности и верьте, что я был бы счастлив, если бы мог проявить ее не одними словами. Кроме того, я и сам хочу покинуть завтра колонию. Быть может, мы встретимся в пустыне.

Утром, при восходе солнца, охотники и команчи вышли из крепости и углубились в прерию.

Вечером Орлиная Голова приказал остановиться и развести костры на всю ночь.

После ужина, в то самое время, когда все уже собирались предаться сну, он вдруг велел глашатаю сообщить вождям, чтобы они собрались на совет.

— Бледнолицые братья пусть сядут с вождями, — сказал Орлиная Голова, обращаясь к канадцу и французу.

Оба они молча поклонились и сели перед костром, вокруг которого уже сидели сосредоточенные и безмолвные вожди, ожидая, что сообщит им великий сахем племени.

Когда Орлиная Голова занял место, он дал знак хранителю священной трубки.

Хранитель священной трубки вышел на середину круга, благоговейно неся в руках священную трубку. Эта трубка была украшена перьями и увешана бесчисленным множеством побрякушек. Она была сделана из белого камня, который можно найти только в Скалистых горах.

Трубка была набита и зажжена.

Хранитель священной трубки, войдя в круг, четыре раза наклонил трубку в направлении четырех главных ветров, низким голосом пробормотал таинственные заклинания, призывая на совет благодать Ваконды, Владыки Жизни, и отгоняя от вождей злое влияние первого человека.

Затем, держа в руке дымящийся конец трубки, он протянул ее мундштуком к Орлиной Голове и произнес высоким, звучным голосом:

— Отец мой — первый сахем могучего племени команчей, на нем почил мудрость, но время еще не убелило волос его и мысли в голове его не заледенели. Как все люди, отец мой не закрыт от ошибок, пусть подумает он прежде, чем сказать слово. Слова, вытекающие из его груди на губы, должны быть такими, чтобы команчи не могли изменить их.

— Хорошо сказал сын мой, — ответил сахем.

Он взял трубку и несколько раз молча затянулся, затем передал ближайшему соседу.

Трубка обошла таким образом круг, каждый участник совета затянулся несколько раз. При этом никто не проронил ни слова.

Когда все покурили из священной трубки и весь табак выгорел, хранитель священной трубки вытряс пепел на левую ладонь, бросил его в костер и громко воскликнул:

— Вот вожди сошлись на совет. Речи их священны. Ваконда услышал нашу молитву, он принял ее. Горе тому, кто забудет, что только совесть должна быть его руководительницей.

Эти слова он произнес громким голосом, величественно простерев руку, и после этого вышел из круга. В последний раз он оглянулся на вождей, сидевших возле костра и опять, на этот раз тихо, хотя и отчетливо, проговорил:

— Как пепел, который я бросил в костер, исчез навсегда, так и слова вождя должны быть священны и никогда не выйти из круга совета сахема. Пусть говорят отцы мои, совет начался.

После этого хранитель священной трубки удалился. Его слова еще звучали в ушах, как голос свыше, когда поднялся Орлиная Голова, окинул взглядом собравшихся воинов и начал речь такими словами:

— Вожди и воины команчей! Много лун протекло с тех пор, как сахем

покинул селения своего племени, и много лун пройдет, прежде чем всемогущий Ваконда даст ему сесть у огня совета великих сахемов команчей. В жилах его всегда текла красная кровь, и сердце его никогда не было обернуто кожей для братьев его. Слова, поднимающиеся из груди его, внушены ему Великим Духом, который видит любовь его к братьям команчам. Племя команчей могуче, оно царит над прериями. Земли охоты его покрывают всю землю. Зачем вступать ему в союз с другими племенами, чтобы мстить за их обиды? Разве царственный ягуар позволяет скрываться в своем жилище подлому шакалу, разве осмеливается сова класть яйца свои в гнездо орла? Зачем племя команчей пошло по тропе войны рядом с собаками апачами? Апачи — женщины, распутницы и предательницы! Сахем благодарит братьев своих, что они не только разорвали союз с апачами, но еще помогли ему сразить их. Но теперь сердце опечалилось, туман ложится на душу его, так как вождь должен расстаться с братьями своими. Примите его прощальное слово. Пусть Насмешник заменит его. Вдали от детей своих он всегда будет ходить, как во мраке; как бы ни были горячи лучи солнца, они не согреют его. Вождь сказал. Так ли сказал он, могучие мужи?

Орлиная Голова сел и закрыл лицо свое краем плаща. Ропот скорби пронесся по собранию.

Воцарилось молчание. Насмешник как будто вопрошал взглядом других вождей. Наконец он поднялся и обратился к сахему с ответом.

— Насмешник молод, — начал он, — ум его ясен, но он не имеет великой мудрости своего отца. Орлиная Голова — возлюбленный сахем Ваконды. Для чего Владыка Жизни поставил его вождем среди воинов его племени? Разве для того, чтобы он все время покидал их? Нет! Владыка Жизни любит команчей, своих детей, он не хочет этого! Воинам нужен вождь мудрый и опытный, чтобы руководить ими на тропе войны и наставлять их у огня совета. Голова отца моего седеет, она будет наставлять и вести воинов. Насмешник не может сделать этого, он молод, опыта у него нет. Куда пойдет отец мой, туда последуют за ним и дети его, чего захочет отец мой, того пожелают и дети его. Но пусть не говорит он, что оставит их! Пусть рассеет он облако, омрачившее их дух, дети сахема умоляют его, Насмешник говорит за них. Сахем взрастил его, он возлюбил его, он воспитал его и сделал воином. Я сказал. Вот мой вампум. Так ли я сказал, могучие муха?

Произнося последние слова, вождь снял с шеи вампум, бросил его к ногам сахема и сел.

— Пусть останется великий сахем с детьми своими! — воскликнули

разом все вожди и также бросили свои вампумы к ногам Орлиной Головы.

Орлиная Голова открыл свое лицо, поднялся с места, исполненный величия и благородства, и обратился к совету, тревожно насторожившемуся, готовому ловить каждое его слово.

— Вождь услышал, в ушах его прозвучала песнь куропатки, любимой птицы Ваконды, ее сладкий голос проник ему в сердце, и оно затрепетало от радости. Дети племени команчей добры, и вождь любит их. Насмешник и десять воинов, которых он выберет, последуют за сахемом, остальные пусть возвратятся к великим селениям племени и возвестят возвращение Орлиной Головы к своим детям. Я сказал.

Насмешник тотчас потребовал священную трубку. Хранитель принес и раскурил ее. И вновь среди глубокого молчания трубка обошла весь совет.

Когда последний клуб дыма рассеялся в воздухе, Насмешник наклонился к глашатаю и сказал ему несколько слов на ухо. Глашатай тотчас же громко объявил имена воинов, назначенных следовать за сахемом.

Вожди поднялись, поклонились Орлиной Голове, молча сели на коней и галопом удалились.

Насмешник и Орлиная Голова долгое время тихо о чем-то говорили между собой. После этого разговора Насмешник также удалился со своими воинами.

Орлиная Голова, Весельчак и дон Луи остались втроем.

Канадец рассеянным взглядом следил за удалявшимися индейцами. Когда они скрылись, он обратился к вождю и сказал:

— Гм! Вот, наконец, мы и одни. Скажите, вождь, разве не настал еще час откровенно поговорить? С тех пор как мы покинули населенную местность, мы все занимались другими и совсем забыли о себе. Не пора ли нам подумать и о своих делах?

— Орлиная Голова не забыл, он хотел помочь своим бледнолицым братьям.

Весельчак начал смеяться.

— Позвольте, вождь. Что касается меня, то здесь все очень просто: вы просили меня сопровождать вас, и вот он я. Больше я ничего не знаю, пусть я буду другом апача-собаки. Луи — другое дело, он разыскивает своего друга. Помните, что мы обещали помочь в этом.

— Орлиная Голова, — отвечал на это вождь, — разделяет сердце свое между бледнолицыми братьями. Каждому из вас принадлежит по половине его. Путь, который мы должны совершить, долог, он продлится несколько лун. Мы пройдем через великую пустыню. Насмешник и его воины пошли

на охоту за бизонами, чтобы заготовить их на далекий путь. Я проведу братьев моих в место, открытое мною несколько лун тому назад и известное только мне одному. Когда Ваконда сотворил человека, он дал ему силу, мужество, бескрайние земли для охоты и сказал ему: «Будь свободен и счастлив». Он дал бледнолицым мудрость, знание и научил их узнавать цену самоцветным камням и желтому песку. Краснокожие и бледнолицые — каждые идут по своему пути, начертанному им Великим Духом. Я проведу братьев моих к россыпям.

— К россыпям?! — с изумлением воскликнули оба охотника.

— Да. Что делать сахему команчей с этими непомерными богатствами? Золото — для бледнолицых. Пусть будут счастливы мои братья, Орлиная Голова даст им золота столько, что они не в силах будут увезти его.

— Пойдите, пойдите, вождь, на кой черт мне ваше золото? Я охотник, и мне моего ружья и коня вполне достаточно. В то время, когда я бродил по прерии с Чистым Сердцем, нам часто попадались тяжелые золотые самородки, но мы всегда с презрением отбрасывали их.

— На что нам золото и что нам делать с ним? — согласился с другом дон Луи. — Забудем лучше про эти россыпи, как бы богаты они ни были. Лучше даже и говорить не будем про них никому. Разве недостаточно каждый день совершается из-за золота преступлений? Оставьте свое намерение, вождь. Благодарим за ваш щедрый дар, но мы не можем воспользоваться им.

— Хорошо сказано! — радостно проговорил Весельчак. — Прочь золото, не надо нам его, будем жить вольными лесными охотниками! Честное слово! Уверяю вас, вождь, что, если бы вы еще на асиенде де-ла-Нориа сказали мне, для чего хотите взять меня с собой, я бы не пришел сюда.

Орлиная Голова улыбнулся и сказал:

— Я ожидал такого ответа от братьев моих. Я рад, что не ошибся. Да, золото бесполезно братьям моим, они правы, но этого недостаточно, чтобы презирать его. Как и все вещи на земле, сотворенные Великим Духом, золото полезно. Пусть пойдут братья мои со мной к россыпям, но не для того, чтобы набрать самородков, а для того, чтобы знать, где находится золото и взять его в случае нужды. Горе приходит всегда неожиданно, ведь тот, кого сегодня любит и ласкает Великий Дух, завтра может быть сурово наказан им. И вот, если золото этих россыпей ничего не значит для счастья моих братьев, то, кто знает, придет день, и с его помощью они спасут друга от отчаяния.

— Это верно, — отвечал дон Луи, тронутый его словами. — Вы говорите, как мудрец, и это нельзя упускать из виду. Сами мы можем отвергать богатства, ненужные нам сейчас, но не должны делать этого за других. Мало ли кому эти богатства пойдут на пользу!

— Если это ваше мнение, то и я согласен с ним. Раз уж мы пошли по этой дороге, надо идти по ней до конца. Скажу только, что, если бы мне кто-либо сказал, что в один прекрасный день я буду гамбусино ³⁵, я бы не поверил ему. Ну, а пока что пойду поохочусь за ланью.

С этими словами Весельчак поднялся, закинул за плечи ружье и отправился в прерию, насвистывая песенку.

Насмешник отсутствовал два дня. К полудню третьего он вернулся. Шесть лошадей, которых вели в поводу, были нагружены съестными припасами, шесть других везли меха с водой.

Орлиная Голова остался доволен тем, как вождь исполнил его поручение, но так как путь предстоял длинный — предстояло пересечь вдоль всю пустыню дель-Норте, — то приказал, чтобы каждый всадник привязал к седлу кроме альфорхи — глиняной бутылки с водой — еще по два небольших меха. Это было необходимо для лишней предосторожности.

Все было исполнено, лошадям и людям дан отдых, они приободрились, повеселели, и на другой день рано утром небольшой отряд тронулся в путь по направлению к пустыне.

Мы не будем описывать это путешествие, скажем только, что, благодаря опытности, осторожности и предусмотрительности сахема, оно совершилось вполне благополучно, даже несколько скучновато.

Команчи со своими друзьями прошли пустыню быстро, подобно буре, с выдержкой и умением, которые являются их секретом и которые делают их такими страшными, когда они нападают на мексиканцев.

Достигнув прерий Сьерра-де-лос-Команчес, Орлиная Голова приказал Насмешнику с воинами остановиться на опушке девственного леса, на огромной поляне, у самого берега безымянной речки, которая через какие-нибудь десять верст самого причудливого течения впадала в Рио-дель-Норте. Сам же он удалился со своими белыми друзьями.

Сахем предусмотрел все. Хотя он и питал полное доверие к Насмешнику, но из благоразумной предосторожности не хотел открывать ему местоположение россыпи. Позже ему не раз пришлось благодарить себя за это.

Охотники направились к горам, поднимавшимся перед ними непроходимой, отвесной гранитной стеной.

Чем ближе они подходили, тем более отлогими оказывались склоны.

Скоро они вступили в тесное ущелье, при входе в которое вынуждены были оставить лошадей. Быть может, именно из-за этого-то обстоятельства россыпь и осталась до сих пор не открытой индейцами. Краснокожие никогда в пути не слезают с лошадей. О них, как о гаучо в пампасах восточной части Патагонии, можно сказать, что они живут на лошадях.

Однажды на охоте Орлиная Голова ранил лань, которая убежала сюда. Вождь, разгоряченный долгой охотой, длившейся уже несколько часов, желая захватить добычу, последовал за ней пешком. Пройдя все тесное ущелье, он достиг глубокой долины, так ревниво окруженной природой отвесными скалами, что не будь в ней узкого входа, через который он проник, до конца света ее не увидел бы глаз человеческий. Между тем в этой небольшой долине заключалось много интересного. Орлиная Голова нашел издыхавшую лань на песке, в котором было так много золота и крупных самородков, что они буквально горели и сверкали на солнце, как не потухшие еще уголья.

Искатели золота, чтобы отделить золото от песка, к которому оно даже в богатейших россыпях примешано в самых ничтожных, неуловимых количествах, взмучивают золотоносный песок с водой и заставляют эту воду течь по отлогим желобам с низкими поперечными перегородками. Золото, как более тяжелое, оседает перед каждой перегородкой скорее, чем песок, который уносится дальше. Эти осевшие пески собираются, вновь взмучиваются с водой, которая опять пускается течь по желобам и вымывает новые количества пустых песчаных пород, и таким образом за перегородками постепенно остается все более чистое золото. Желоба эти называются вашгердами.

В отдаленную геологическую эпоху, когда ледники, покрывавшие весь североамериканский континент и доходившие почти до знойной ныне Мексики, начали таять, и на поверхности земли возникли такие потоки, перед которыми самые крупные современные реки кажутся мелкими ручейками, в описываемом месте много лет происходило, вероятно, чудное и величественнейшее явление. Колоссальный поток, исходивший из выше лежащих и не растаявших еще ледников Сьерры-Мадре, низвергался долгое время в пучину. На своем пути он отрывал от скал обломки, крутил их, бил со страшной силой и растирал в мелкий песок. В этих скалах были вкраплены крупницы золота. Золото вместе с песком низвергалось с водой в пропасть, но в этой пропасти вода находила временный покой, из нее вел узкий проход. Вода устремлялась в него, но уносила с собой только самые легкие частицы песка, а тяжелое золото и более крупный песок успевали осесть, и таким образом природа образовала в этом месте своеобразный

огромный золотопромывной вашгерд.

Сами седые скалы, вероятно, уже стали забывать о том ужасном шуме и треске низвергавшихся с них льдин, огромных камней и бешено клокотавшей воды, когда в описываемый чудесный теплый день при ярком смеющемся солнце наши путники очутились на дне давно уже пересохшей, ревниво скрываемой от людских глаз пропасти, где природе по необъяснимому капризу угодно было собрать безмерные сокровища. Невольно они испустили крик изумления и почувствовали, что их охватило необъяснимое чувство радости.

Как бы ни был бескорыстен человек, как бы ясно он ни осознавал в определенные моменты полную бесполезность богатства для него, золото все-таки оказывает на него какое-то необъяснимое влияние.

Весельчак опомнился первым.

— Ого! — проговорил он. — Здорово же, однако, в иных уголках для кого-то мать-природа скопила богатства. О, если бы Господь устроил так, чтобы они послужили для счастья людей!

— А нам, нам что делать с ним? — вопрошал, ни к кому не обращаясь, дон Луи, прерывисто дыша и сверкая глазами.

Один Орлиная Голова взирал на эти сокровища таким же бесстрастным взглядом, как на простой песок.

— Гм! — начал канадец. — Это, конечно, наша собственность, так как вождь отказывается от своих прав.

Сахем утвердительно кивнул головой и махнул рукой с приветливой улыбкой: берите, дескать.

— Вот что я предлагаю, — продолжал Весельчак. — Сейчас нам нет нужды в золоте, теперь оно нам скорее вредно, чем полезно. Но так как никогда нельзя ручаться за будущее, то, чтобы обеспечить наши права, прикроем это место листьями и ветвями, чтобы какой-нибудь охотник, случайно взобравшись на эти скалы, сверху не увидел бы блеска золота. Затем вход сюда мы загородим камнями, так как то, что случилось с Орлиной Головой, может случиться и с любым другим охотником. Что думаете вы, дон Луи?

— К делу! — воскликнул дон Луи. — Я не могу видеть этого дьявольского блеска, этот металл своим видом вызывает у меня головокружение.

— К делу, так к делу! — отвечал Весельчак.

Все трое принялись срезать ветви и скоро завалили все дно пропасти так, что самородки совсем исчезли, укрытые ветвями.

— Не хотите ли взять для образчика один самородок? — предложил

Весельчак графу. — Может быть, если взять несколько штук с собой, впоследствии они пригодятся.

— Честное слово, не стоит, — отвечал граф, пожимая плечами. — Если хотите, возьмите, а я не дотронусь до них.

Канадец захохотал, поднял два или три самородка величиной с орех и положил их в мешок с пулями.

— Черт возьми! Если я всажу такие пули в апачей, то они, вероятно, будут мне благодарны.

Они вышли из долинки, завалив вход в нее камнями. Скоро они нашли своих лошадей и вернулись в лагерь, сделав на деревьях насечки, чтобы впоследствии узнать дорогу, если бы обстоятельства вновь заставили их вспомнить об этой сокровищнице, чего — к их чести сказать — ни один из них не желал.

Насмешник ожидал наших друзей с великим нетерпением.

В прерии стало беспокойно. Еще утром охотники издали видели, как небольшой отряд переправился через дель-Норте и последовал на вершину невысокого холма, где и остановился. Расстояние было так велико, что можно было только разобрать, что это белые, а не индейцы.

Теперь же в этом месте реки переправился отряд апачей и, по видимому, имел намерение догнать первый отряд.

— Ого! — решил Весельчак. — Нет сомнения, что эти собаки преследуют белых.

— Неужели мы дадим убить их на наших глазах? — с негодованием заметил дон Луи.

— Конечно, нет, насколько это зависит от нас! — возразил канадец. — Быть может, этим добрым делом мы искупим перед Господом обуявшую нас сейчас жадность. Говорите, Орлиная Голова, что вы собираетесь предпринять?

— Спасти бледнолицых, — коротко ответил сахем.

Распоряжения, отданные им, были приведены в исполнение с такой быстротой, спокойствием и ловкостью, которые сразу доказали, что вождь и его воины вполне достойны друг друга.

Лошади были оставлены под наблюдением одного индейца, отряд разделился на две части, и каждая осторожно двинулась своим путем вперед по прерии.

Кроме Насмешника, Орлиной Головы, Весельчака и дона Луи, которые имели при себе карабины, все остальные были вооружены копьями и стрелами.

— Ага! — тихо заметил канадец. — Нашла коса на камень. Мы

неожиданно нападем на тех, которые сами хотят врасплох напасть на других.

В этот момент один за другим быстро раздались два выстрела, затем послышался боевой клич апачей.

— А-а! — закричал Весельчак, бросаясь вперед. — Они и не предполагают, что мы так близко.

Все последовали за ним.

Битва в пещере между тем приняла отчаянный характер: дон Сильва с пеонами защищались мужественно, но что они могли сделать одни против целой оравы теснивших их отовсюду врагов!

Тигреро и Черный Медведь, вцепившись друг в друга и переплетаясь, как змеи, катались по земле, стараясь поразить один другого кинжалом.

Дон Марсиаль, увидев индейца, так быстро попятился назад, что освободил проход, и теперь они боролись уже почти в середине залы, в которой открывалась упомянутая ранее пропасть. К краю этой-то пропасти и катились оба врага. Глаза их сверкали, они крепко держали друг друга, губы их были плотно сжаты от бешенства. Враги напрягали последние силы.

Вдруг раздалось несколько выстрелов из карабинов, и послышался военный клич команчей.

Черный Медведь бросил дона Марсиаля и кинулся к донье Аните. Молодая девушка в невыразимом ужасе со сверхъестественной силой оттолкнула краснокожего.

Черный Медведь, уже раненный двумя пулями Тигреро, покачнулся и очутился на краю пропасти. Он потерял равновесие и почувствовал, что падает. Инстинктивно апач протянул руку и уцепился за дона Марсиаля, который в этот момент поднимался, еще не очнувшись от выдержанной им борьбы. Он также покачнулся, и оба врага, испустив раздирающие крики, полетели в бездну.

Донья Анита в отчаянии кинулась вперед.

Вдруг она почувствовала, что сильная рука схватила ее и оттолкнула назад. Она упала в обморок.

Команчи прибыли слишком поздно.

Из семи человек, составлявших отряд, пятеро были убиты. В живых остались только один тяжело раненый пеон и донья Анита.

Девушку спас Весельчак.

Когда она, очнувшись, снова открыла глаза, то сладко улыбнулась и детским, мелодичным голосом, напоминавшим пение птички, запела мексиканскую сегидилью [36](#).

Охотники в ужасе отступили.
Донья Анита сошла с ума!

ГЛАВА XXV. Агуэгуэльт

Граф де Лорайль вошел в великую пустыню дель-Норте, следуя за Кукаресом.

Первые дни все шло хорошо, погода стояла прекрасная, припасов и воды было в изобилии. Со свойственной французам беззаботностью, солдаты быстро забыли все свои страхи и даже подсмеивались над боязнью, которую не переставали обнаруживать мексиканцы. Между тем последние были лучше знакомы с положением дел и открыто выражали свое беспокойство по поводу столь продолжительного пребывания в этих опасных местах.

Французы обладают одним особенным качеством, которое поставило их — быть может, совершенно неожиданно — во главе цивилизации и прогресса. Это качество — их кажущаяся беззаботность, которую другие народы, вынужденные считаться с их капризами, как с решениями безапелляционного суда, из зависти называют легкомыслием.

На самом деле нет ничего несправедливее упрека в легкомыслии, в котором они постоянно, без всякого повода обвиняются. Как и у каждого народа, кого судьба поставила во главе мировой цивилизации, глаза француза смотрят в будущее, голова наклонена вперед, уши насторожены и жадно схватывают едва уловимые слова, идущие с Небес. Вчерашний день для них не существует, сегодня — ничего не стоит, вся сила в дне завтрашнем, так как завтрашний день есть будущее, то есть именно в нем лежит разрешение вечных вопросов жизни. Отсюда некоторые видимые противоречия, которые их враги и завистники, к своему удовольствию, постоянно обнаруживают в действиях французов, но вникнуть в которые не дают себе труда.

День за днем проходил в пустыне в напрасной погоне за апачами, которые как сквозь землю провалились. Иногда вдали они замечали индейского всадника, который, словно дразня их, носился взад и вперед на виду у всех.

Если это случалось на стоянке, то немедленно давали сигнал к выступлению, и весь отряд пускался в погоню за этим всадником. Но все было напрасно, расстояние между всадником и белыми не уменьшалось ни на шаг и, помаячив некоторое время, всадник вдруг исчезал, словно призрак.

Такая жизнь со временем начала становиться невыносимо тоскливой.

Все песок, песок и песок, ни птицы, ни зверя, серые, бесплодные скалы, громадные смолистые агуэгуэльты, покрытые сероватым мхом, ниспадавшим длинными космами, попадавшие, впрочем, очень редко, — все это доставляло мало освежающих ум впечатлений.

Блеск солнечных лучей, отражаемый песком, вызывал воспаление глаз. Вода портилась от жары и стала под конец совсем непригодной для питья. Портились и остальные продукты, скорбут ³⁷ начинал пожинать среди солдат обильную жатву. В то же время их охватила тоска по родине.

Положение становилось безнадежным, приходилось думать, каким образом можно поскорее выйти из него.

Граф собрал военный совет.

В состав совета вошли лейтенанты Диего Леон и Мартин Леру, сержант Буало, Блаз Васкес и Кукарес.

Эти пятеро, под председательством графа, уселись на вьюках. Неподалеку от них измученные солдаты, лежа на земле, тщетно старались укрыться от палящих лучей в тени, отбрасываемой лошадьми, привязанными к камням.

Необходимо было согласовать действия и взгляды членов совета. В отряде быстро падала дисциплина, в воздухе пахло бунтом, уже слышались не раз произносимые вслух угрозы. Расправа с Курциусом в Каса-Гранде скоро была забыта, требовалось немедленное в решительное воздействие, иначе трудно было сказать, куда могло привести это всеобщее недовольство.

— Господа, — начал граф де Лорайль, — я собрал вас, чтобы сообща найти средство поднять дух отряда, который, я замечаю, вот уже несколько дней все падает. Положение тяжелое, и я буду вам глубоко благодарен, если вы откровенно выскажете мне свое мнение. Речь идет о нашем общем спасении, и каждый должен откровенно выразить свое мнение без боязни задеть чье-либо самолюбие. Говорите, я слушаю вас. Сначала вы, сержант Буало, как самый младший по чину, вам принадлежит слово.

Сержант Буало был старый солдат, воевавший в Африке, насквозь пронизанный суровой военной дисциплиной, тянувший солдатскую лямку в течение всей эпохи африканских войн. Однако надо признаться, что этот истый служака был начисто лишен ораторского таланта.

Услышав обращение к себе со стороны начальника, он улыбнулся, покраснел, как молодая девушка, опустил голову, открыл свой большой рот, но остался нем.

Граф де Лорайль, заметив его смущение, самым любезным образом убеждал его не стесняться и высказать свое мнение. Наконец достойный

сержант собрался с духом, и изысканный голос графа сменился каким-то густым хриплым треском и гудением, непонятным образом слагавшимися в довольно бессвязную речь приблизительно следующего содержания:

— Да! Черт возьми, капитан, — говорил он, — да, это правда, черт их побери, положение, можно сказать, невеселое, но на войне, так уж на войне, значит, что ж делать... значит... назвался груздем, полезай в кузов. А что касается всего прочего, то, как вы изволите спрашивать нашего мнения насчет того... значит... то я должен доложить вам, что, как мы все должны вам повиноваться как начальнику, и это есть наша обязанность... долг солдатский, то мы и должны... значит... вас во всем слушаться... без всяких там глупостей.

Услышав такое изложение взглядов добродушного сержанта, остальные участники совета, не знакомые с вылощенными обычаями европейских собраний и заседаний всякого рода, не могли удержаться и так и прыснули со смеху. Почтенный сержант замолчал, совсем пристыженный.

— Слово за вами, капатас, — обратился капитан к дону Блазу. — Выскажите, прошу вас, ваше мнение.

Блаз Васкес пристально посмотрел на графа.

— Вы требуете, чтобы я вполне откровенно высказал вам свое мнение, капитан? — обратился он к графу.

— Конечно.

— Ну, так прошу всех выслушать, — начал он твердым и решительным тоном. — Мое мнение состоит в том, что мы стали жертвой предательства, и у нас нет шансов выбраться из этой пустыни. Мы все до единого погибнем здесь. Гоняясь в бессильной ярости за неуловимым врагом, мы все попадем в западню, из которой нам уже не выйти.

Слова эти произвели на присутствующих поражающее впечатление, подобное удару грома, но в душе каждый почувствовал их справедливость.

Капитан задумчиво покачал головой.

— Дон Блаз, — проговорил он, — вы возводите на одно лицо ужасное обвинение. Взвесили ли вы всю важность ваших слов?

— Вполне, — отвечал капатас, — только...

— Примите во внимание, что мы не можем довольствоваться одними предположениями. Обстоятельства очень серьезны. Хотя я ни на минуту не допускаю ни малейшего сомнения в справедливости ваших слов, но вам, конечно, известно, что в таких случаях требуется привести прямые доказательства, а также произнести имя обвиняемого.

— Сеньор граф, я понимаю всю ответственность, которую принимаю

на себя, но никакие посторонние соображения, как бы ни были они сильны, не заставят меня отступить от того, что я считаю своим священным долгом.

— Тогда говорите, именем Господа заклинаю вас, и не дай Бог, чтобы ваши слова заставили меня покарать кого-либо из наших товарищей.

Капатас с минуту соображал, все с нетерпением смотрели на него. Кукаресу едва удавалось скрывать под личиной спокойствия охватившее его волнение.

Наконец Блаз Васкес начал говорить, упорно, со странным выражением глядя на графа, который сам начинал понимать, что вместе со всем своим отрядом стал жертвой гнусного предательства.

— Сеньор граф, — так начал Блаз, — мы все мексиканцы именем закона, от которого не отступаем никогда. Закон, хотя и не писанный, но начертанный в сердцах наших, как он должен быть начертан в сердцах всех честных людей. Вот этот закон: как лоцман отвечает за корабль, который он взялся провести в порт, так же точно и проводник отвечает своей жизнью за безопасность и благополучие людей, которых он взялся провести через пустыню. Много думать здесь не приходится. Существуют две возможности: или он не знает дороги, или он знает ее. Если он не знает ее, то почему, вопреки мнению остальных, побудил нас войти в пустыню, приняв всю ответственность на себя одного? Если же он знает дорогу, то почему не указал нам путь прямо через пустыню, а заставил нас метаться по пескам в поисках врага, который, как он сам хорошо знает, не останавливается в дель-Норте, но минует ее так быстро, как это только позволяет ему резвость его лошадей. На проводника должно пасть обвинение за все то, что мы сейчас переживаем, так как от него зависело, в каком направлении будут развиваться события. Он предпочел, чтобы все пришло к нынешнему положению.

Смущение и беспокойство Кукареса во время этой речи постепенно росли, он не знал, какое выражение придать своему лицу. Его поведение было замечено всеми.

— Что вы ответите? — обратился к нему капитан.

В обстоятельствах, подобных описываемым, человеку, на которого ложится обвинение, остается два средства защиты: негодование и презрение.

Кукарес выбрал презрение.

Собрав всю свою дерзость и придав твердость своему голосу, он презрительно пожал плечами и ответил насмешливым голосом:

— Я не окажу словам дона Блаза чести оспаривать их. Существуют обвинения, которые честные люди не трудятся опровергать. Я должен был

действовать, сообразуясь с приказаниями капитана, который один является здесь начальником. С тех пор, как мы вошли в пустыню, мы потеряли двадцать человек от болезней и индейских стрел. Неужели справедливо выставлять меня виновником стольких смертей? В моей ли власти избавить каждого из вас от того, чем грозит ему судьба? Если бы капитан приказал мне с самого начала идти через дель-Норте, не сворачивая в сторону, то мы давно бы уже вышли из нее. Он говорил мне, что желает настигнуть апачей, а я вынужден был считаться с его волей.

Как ни скользки были приведенные доводы, они, однако, примирили офицеров с Кукаресом. Кукарес вздохнул, но от капатаса отделаться было не так-то легко.

— Хорошо, — продолжал он, — строго говоря, вы, может быть, и имеете право говорить так, и я поверил бы вашим словам, но у меня есть еще более очевидные факты против вас.

Леперо опять пожал плечами.

— Я знаю и могу доказать, что своими разговорами вы сеете возмущение среди пеонов я солдат. Еще сегодня утром, полагая, что вас никто не видит, так как все еще спали, вы поднялись и кинжалом прокололи десять мехов с водой из пятнадцати, находившихся у нас. Шум, который я нечаянно произвел, когда бежал, чтобы поймать вас на месте преступления, помешал вам довершить его. Я приготовился сообщить о вашем поступке, но в это время мы все были созваны на этот совет. Что скажете вы на это? Защищайтесь, если можете.

Все глаза опять обратились на леперо. Он был мертвенно бледен, глаза его налились кровью. Прежде чем кто-либо мог угадать его намерение, он выхватил пистолет и в упор выстрелил в грудь капатасу. Честный, преданный Блаз Васкес свалился, как сноп, не произнеся ни слова. Совершив это преступление, Кукарес одним нечеловеческим прыжком вскочил на лошадь и помчался прочь.

Поднялся невыразимый переполох, все бросились преследовать леперо.

— На коней! На коней! В погоню за убийцей! — кричал граф, жестами и голосом подстегивая своих людей.

Французы кинулись за ним. Невозможно было в первые минуты описать охватившую их ярость. В леперо стреляли, как в дикого зверя. Долгое время он бросался галопом то в одну сторону, то в другую, стараясь скрыться от преследователей. Но все было напрасно. После первых минут замешательства всадники стали упорядочение заезжать с обеих сторон и, пока он бросался из стороны в сторону, успели окружить его плотным

кольцом. Вид леперо был ужасен и омерзителен, он струсил, его охватил страх смерти. Глаза его вылезли из орбит, молитвенные слова срывались с губ вместе с гнусным богохульством, у рта показалась пена. Он завыл, зашатался в седле, судорожно ухватившись за гриву лошади, и вдруг свалился безжизненной массой на песок, испустив последний крик ярости.

Он был мертв!

Это событие вызвало страшное волнение среди солдат. С этой минуты они поняли, что стали жертвой предательства и оказались в безнадежном положении.

Напрасно капитан старался вернуть им бодрость, они ничего не слушали и предались отчаянию, которое грозило привести к полной деморализации.

Граф отдал приказ выступать. Немедленно двинулись дальше.

Но куда идти? В какую сторону направиться? Не было видно ни малейшего следа. Однако они шли — шли просто для того, чтобы переменить место, уже не надеясь выйти из песчаной могилы, в которой они считали себя похороненными навсегда.

Прошло восемь дней — восемь веков, во время которых отряд испытывал самые жестокие муки голода и жажды.

Отряда графа де Лорайля, собственно, уже не существовало. Не было ни офицеров, ни солдат, это была толпа изможденных призраков, стая диких зверей, готовых пожрать друг друга.

Надрезали уши лошадей и мулов и пили их кровь.

Они бродили то в одном направлении, то в другом. Мираж дразнил и обманывал, раскаленные лучи солнца доводили до безумия. Их охватило отчаяние. Одни смеялись идиотским смехом, и это были самые счастливые, так как, сойдя с ума, не чувствовали своего горя. Другие яростно потрясали своим оружием, произносили угрозы и проклятия, поднимая к небу кулаки, а небо стало раскаленно-красным и безжалостно взирало на расстилавшуюся внизу огромную песчаную могилу. Некоторые, наконец, дойдя до границы отчаяния, но все еще сохраняя ясный ум, пускали себе пулю в лоб, призывая к тому же своих менее решительных товарищей.

Хотя французы и считают себя самым храбрым народом в мире, они легче других приходят в отчаяние и деморализуются. Ничто не может им противиться, когда они идут вперед, но, с другой стороны, ничто не может их удержать при отступлении — ни убеждения, ни принуждения.

Граф де Лорайль в страшной скорби смотрел на крушение всех своих надежд. Он первым шел вперед, последним успокаивался на стоянках, ел на ходу, когда убеждался, что все его товарищи получили свою долю. Он

одинаково заботливо относился ко всем своим солдатам, которые, удивительная вещь, хотя и испытывали ужасные муки, ни разу не упрекнули его.

Пеоны Блаза Васкеса были уже в основной части мертвы, остальные искали спасения в бегстве, то есть нашли себе неведомые могилы где-нибудь поблизости. Верными капитану остались только белые, по большей части французы, храбрые офицеры, совершенно не умеющие биться с таким врагом, как пустыня, и тем более победить его.

Из двухсот сорока пяти людей, составлявших отряд, вышедший из колонии, в описываемый момент в живых остались только сто тридцать три, но и те скорее были похожи на растерзанных, обезумевших призраков, чем на живых людей.

Самая жестокая болезнь, какую только может испытывать человек в пустыне, есть ужасное душевное состояние, называемое мексиканцами калентура.

Калентура проявляется в том, что истощенный человек по временам видит перед собой самые тонкие и приятные яства, прозрачную, как кристалл, холодную воду, чудные ароматные вина. Ему кажется, что всем этим он наслаждается, это возбуждает его, но потом галлюцинация проходит, и человек остается в полном изнеможении и чувствует себя еще более опустошенным, чем раньше, так как в воображении его еще живо минувшее видение.

Настал, однако, день, когда несчастные французы, не выдержав горя и мук, отказались идти дальше и решились умереть там, куда их завела судьба. Они легли на горячий песок в тени громадного агуэгуэльта с твердым желанием оставаться без движения до тех пор, пока смерть, которую они давно призывали отчаянными криками, не придет и не освободит их от мучений.

Солнце опустилось за горизонт в облаках золота и пурпура, сопровождаемое мольбами и проклятиями несчастных, ничего не ожидавших, ни на что не надеявшихся и сохранивших только первобытные инстинкты.

Ночь сменила день, покой сменил смятение и муки, сон — великий утешитель — отягчил веки несчастных, которые, если и не спали, то впали в дремотное состояние и забыли на миг свои муки.

Вдруг среди ночи внезапно пронесся ужасный шум. Это жгучий ураган налетел на отряд, с громом и молнией разразилась гроза.

Небо приобрело чернильный оттенок, не было видно ни звездочки, ни одного лучика луны. Пустыню окутал такой густой мрак, что нельзя было

различить даже самые близкие предметы.

Пораженные солдаты в ужасе вскочили. Новое неожиданное несчастье на минуту словно заставило их очнуться, инстинктивно они сбились в кучу, как овцы.

— Ураган! Ураган! — кричали все, и невозможно описать весь ужас, все отчаяние, слышавшиеся в этом крике.

Это действительно был ураган, ужасное и величественное явление природы в пустыне дель-Норте, после которого совершенно изменяется вид ее поверхности.

Ветер ревел с неслыханной силой, песок взвивался в воздух. Казалось, будто все песчаное море до самого дна хочет взлететь в воздух. Смерчи носились с ужасной быстротой, сталкивались, выли.

Они поднимали в воздух людей и животных и уносили куда-то в безысходный мрак, как соломинки.

— Ложись на землю, ложись на землю! — в исступлении кричал граф. — Это африканский самум! Ложись на землю, кому жизнь дорога!

И удивительно, все эти подавленные нечеловеческими испытаниями люди послушались, как дети, голоса своего командира — так велик ужас, внушаемый человеку смертью во тьме.

Они легли ничком, уткнувшись в песок, чтобы избежать жгучих ударов песчинок, носившихся в воздухе. Животные последовали их примеру, распростерлись по земле и вытянули шеи.

Иногда буря на минуту будто стихала, словно природа желала посмотреть на произведенные ею опустошения, насладиться мучениями несчастных. Тоща из тьмы слышались стоны, проклятия и горячие молитвы несчастных людей.

Ураган свирепствовал всю ночь, ярость его все возрастала. К утру стало тише, с восходом солнца он истощил свои силы и унесся в другие места.

Вид пустыни изменился до неузнаваемости. Там, где накануне находилась долина, теперь вырос холм. Редкие деревья, ободранные, лишенные листьев, спаленные ураганом, печально возвышались своими безжизненными скелетами. Не осталось ни одного следа, ни одной тропинки, вся поверхность стала гладкой, плоской, уплотнилась, подобно льду.

В живых остались только шестьдесят французов, остальные были увлечены вихрем или погребены под песком. Никакие поиски ни к чему не могли привести, песок покрыл их однообразным серым саваном.

Первым чувством, которое испытали оставшиеся в живых, был ужас,

его сменило отчаяние, и тоща поднялись и стали неудержимо расти бесконечные вопли и стенания.

Граф, пораженный глубокой скорбью, с невыразимым сожалением глядел на этих несчастных.

Вдруг лицо его озарилось нервной улыбкой, он подошел к своей лошади, которая каким-то чудом уцелела, оседлал ее и, ласково потрепав рукой, стал напевать сквозь зубы одну из давних песенок, о которых он не вспоминал с тех пор, как покинул Париж.

Его товарищи, сохранившие еще долю рассудка, посмотрели на него с каким-то смутным беспокойством. Они сознавали, что, как ни были они несчастны, их капитан всегда представлял собой воплощение несокрушимой воли и ума, стоящего выше всех опасностей и несчастий. Две эти силы всегда оказывают сильное влияние на простых людей. В своем бедственном положении они жались к своему предводителю, как дети во время грозы жмутся к матери. Он утешал их, подавал им пример самоотречения и силы духа. Постоянно видя его бодрым, не терявшим надежды, хотя и задумчивым, могли ли они ожидать, что последнее, самое горькое несчастье наступит так быстро.

Оседлав лошадь, граф вскочил на нее и несколько минут понукал бедное животное, едва державшееся на дрожащих ногах.

— Храбрые товарищи! — вдруг закричал он. — Идите, идите ко мне! Выслушайте мой добрый совет, мое последнее слово, которое я дам вам прежде, чем расстаться.

Солдаты, качаясь от изнеможения, поднялись, кто как мог, и подошли к нему.

Граф окинул их довольным взглядом.

— Не правда ли, друзья мои, какая глупая штука — жизнь, — обратился он к ним и разразился диким смехом. — Ведь это какая-то несносная тяжелая цепь, которую приходится влечь. Сколько раз с тех пор, как мы попали в это бесконечное пекло, вам тайно приходила на ум мысль, которую я в настоящий момент решаюсь произнести во всеуслышание! И вот, признаюсь, пока у меня была надежда спасти вас, я крепился. Этой надежды больше нет. Так как с этого момента до жалкой кончины нам остается не более нескольких дней, даже, может быть, нескольких часов, то я предпочитаю покончить счеты с жизнью сейчас. Поверьте мне, последуйте моему примеру. Вперед, решайтесь, вы увидите, что я прав!

С этими словами он вынул из-за пояса пистолет.

В это время в толпе раздались крики.

— Что такое там еще случилось?

— Смотрите, капитан, к нам идет, наконец, помощь, мы спасены! — закричал лейтенант Мартин Леру и, как привидение, вырос перед ним и схватил его за руки.

Граф, усмехнувшись, высвободился.

— Вы обезумели, мой бедный друг, — произнес он, глядя в ту сторону, куда указывал ему добрый лейтенант и где действительно виднелось быстро приближавшееся облако пыли. — К нам нельзя даже проникнуть, чтобы помочь, мы обречены на гибель в этой адской пустыне. Прощайте, все прощайте!

И он вновь поднял пистолет.

— Капитан! — с упреком закричал лейтенант. — Стойте, вы не имеете права убивать себя. Вы начальник и вы должны умереть последним, иначе вы трус!

Как ужаленный змеей, отпрыгнул граф, услышав упрек в трусости, и сделав движение, как бы готовясь кинуться на сержанта. Выражение его лица стало ужасным, не было сомнения, что он сошел с ума. Лейтенант невольно попятился назад.

Капитан воспользовался секундой замешательства, приложил дуло пистолета к правому виску и спустил курок. Раздался выстрел, и граф упал на песок с простреленной головой.

Оставшиеся в живых еще не успели выйти из оцепенения, в которое привело их самоубийство графа, по ужасу своему превзошедшее все, что они до сих пор перенесли, как облако пыли, которое они заметили, приблизилось, и все увидели, что это скачет отряд индейских всадников, среди которых находились двое или трое белых и одна женщина. Они мчались во весь опор по направлению к французам.

Убежденные, что это апачи, обнаружив противника, как коршуны падаль, спешат нанести последний удар, который даст им наконец давно желанное избавление от мук, французы даже и не пытались оказать ни малейшего сопротивления.

— О! Боже мой! — воскликнул один из подъехавших охотников, на всем скаку сдерживая сытого и бодрого коня и соскочив на землю как раз возле распростертых на земле французов. — Бедные люди!

Это были Весельчак, граф Луи и их друзья команчи.

В немногих словах им рассказали все, что произошло, о тех мучениях, что перенесли французы.

— Но ведь, — воскликнул Весельчак, — если у вас даже и кончились припасы, то каким образом у вас не хватило воды в мехах, почему вы

жалуетесь на жажду?

Не говоря ни слова, Орлиная Голова и Насмешник принялись рыть своими ножами землю у корня агуэгуэльта. Через десять минут показалась вода, и ее обильная, прозрачная свежая струя оросила бесплодный горячий песок.

Французы, давя и отталкивая друг друга, в беспорядке прильнули к воде.

— Бедные люди! — говорил дон Луи. — Их надо вывести отсюда.

— А зачем же иначе мы ехали сюда? Неужели для того, чтобы только сказать им «здравствуйте», — проговорил никогда не терявший хорошего расположения духа Весельчак. — Теперь мы принесли им надежду.

— Бедная девушка! — проговорил дон Луи, бросив взгляд на донью Аниту, которая смеялась, пела, глядела ничего не понимающими глазами и перебирала пальцами, словно руки ее держали кастаньеты. — Если бы можно было возвратить ей рассудок!

Весельчак вздохнул, но ничего не ответил.

Французы узнали тогда, что спасло бы их, если бы они знали об этом раньше. Оказалось, что агуэгуэльт по-индейски означает господин воды. Это дерево растет в бесплодных местах и указывает или на источник, или на присутствие воды близко от поверхности земли. По этой-то причине индейцы так почитают агуэгуэльт и дали ему еще прозвище — великое чудодейственное средство путешественников.

* * *

Два дня спустя французы вместе с охотниками и команчами покинули пустыню.

Они скоро достигли Каса-Гранде, где их спасители, оставив им достаточное количество провианта, покинули их, сопровождаемые благословениями и благодарностями без числа.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

---

notes

Примечания

1

Леперо — босяк, нищий.

2

Реал — мелкая испанская монета.

Унция — мера веса, равная 28, 35 г. Здесь речь идет об унции золота.

4

Около 781. 320 франков. (Исторический факт). Примеч. автора.

Сарапе — шерстяной плащ ярких цветов, мексиканская национальная одежда.

6

Ранчо здесь — деревушка.

Чемер у лошадей — род падучей.

Пулькерия — кабачок, где посетителям подают пульке, слабоалкогольный напиток из сока агавы.

Альфальфа — люцерна, клевер.

Мескаль — крепкий алкогольный напиток, вырабатываемый из сока агавы. Чингирито — тростниковая водка. Рефино — особый очищенный сорт виски.

Виуэла, харана — виды мексиканских гитар.

Пулькоро — хозяин пулькерии.

Остров Черепахи — остров Тортуга, входящий в состав Антильских островов и лежащий к северо-востоку от Гаити.

Локанда дель-Соль — харчевня «Солнце».

Писко — виноградный крепкий алкогольный напиток, вырабатываемая в городе Писко.

Пречистая дева Мария! Пробило одиннадцать часов, идет дождь!
(исп.)

Спаги — французские кавалерийские части в Алжире.

Мексиканцы, ревностные католики, считали англичан, большинство из которых являются протестантами, еретиками.

Выражение «отсечь англичанина» у мексиканцев означает убить его. — Примеч. автора.

Ньо — дон, сенъор.

Капатас — управляющий.

Тибурон — акула. — Примеч. перев.

Сахем — вождь, жрец у некоторых индейских племен.

Гачупины, люди, носящие башмаки, — презрительное название, данное индейцами испано-американцам еще в эпоху открытия Америки. — Примеч. автора.

Лье — французская путевая мера длины, равная 4,44 км.

Фрессада — шерстяная занавеска, закрывающая вход в жилище.

Каса — замок, крепость.

Корабли; подобными словами индеец обозначает понятия, недоступные для него.

Речь идет о реке Колорадо.

Хакаль — хижина, крытая пальмовыми листьями.

Дюйм — английская мера длины, равная приблизительно 2,5 см.

Игуана — крупная ящерица, обитающая в Америке.

Костеньо — житель береговой полосы, в противоположность жителям внутренних областей Мексики.

Прозелит — новообращенный.

Гамбусино — золотоискатель.

Сегидилья — народный танец и песня в испано-язычных странах.

Скорбут — цинга.